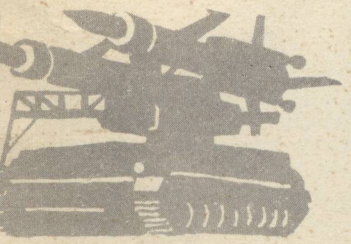
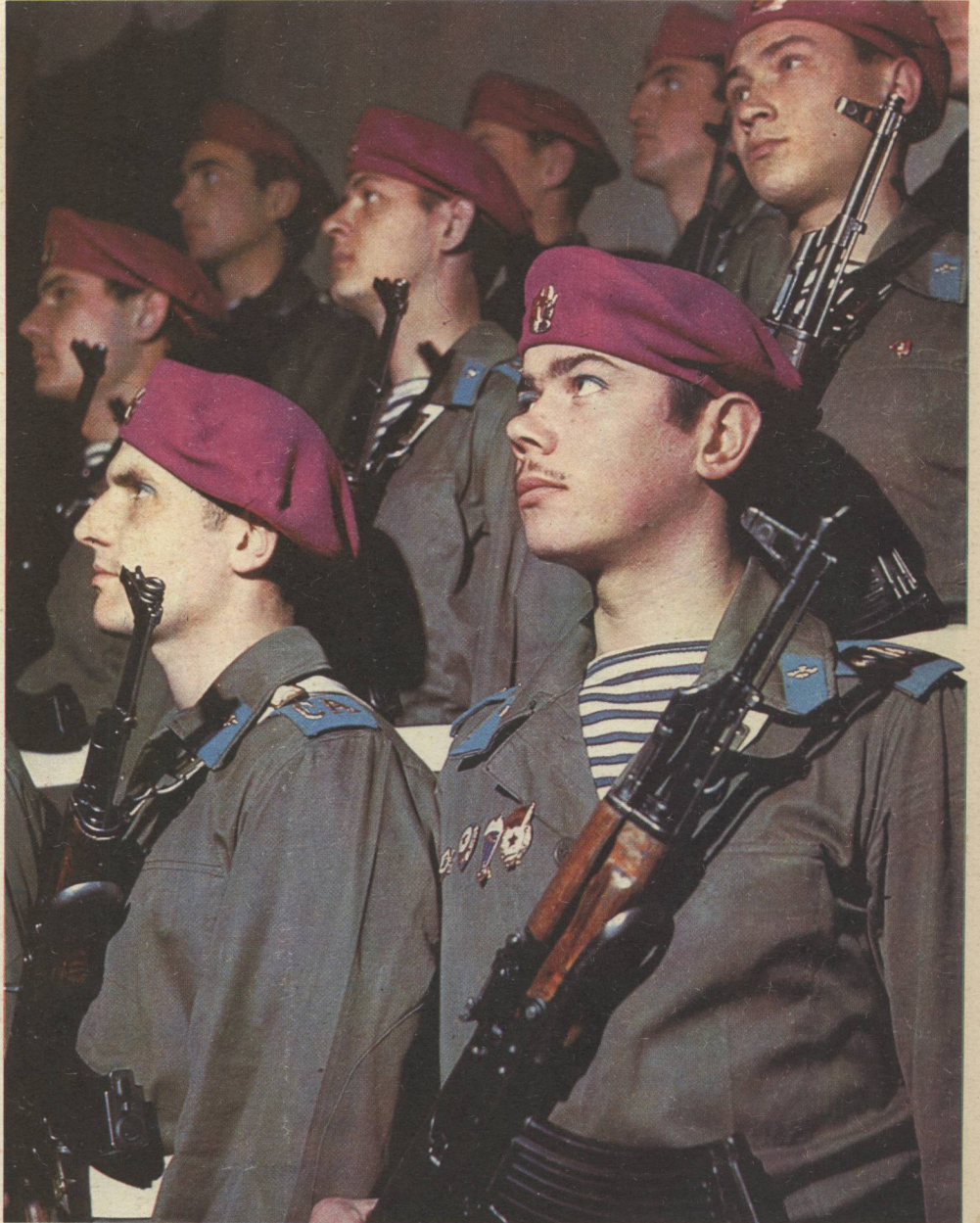

Космос
2
ФЕВРАЛЬ
1971

Посмотри на эту карту!
Знакомые очертания родной страны — и на ней маленькие рисунки, похожие на значки, которые собирают коллекционеры.

Более ста ударных комсомольских строек поднимают свои альбы вымпелы.

Грандиозно? Да. Но для тебя это еще — и карта твоего будущего.

Пройдет немного времени, ты кончишь школу, — и мы верим, что скоро многие из вас будут при встрече говорить друг другу о завтрашних стройках так же, как ваши старшие товарищи сейчас говорят о сегодняшних:

— Помнишь нашу карту? Вот мой значок. Я строил Билибинскую атомную!

— А я — Криворожский металлургический!

— А я — порт на Сахалине!

— А я — газопровод «Сияние Севера»!

— А я...

Какую стройку выберешь ты, наш читатель?

Одна из КОМСОМОЛЬСКИХ

Из всех городов Ленинградской области Кириши самый молодой и самый горячий. Молодой потому, что строят его комсомольцы. Горячий — оттого, что все производство здесь связано с нефтью. А это сырье хитрое. С одной стороны, оно боится огня, но в то же время только с помощью сильнеешего пламени из него и можно что-либо получить.

Говорит секретарь горкома ВЛКСМ Киришей Николай Тихонович Поляков:

— У нас днем и ночью пылают жаром печи нефтеперерабатывающего завода. Нефть в трубах проходит через них и разделяется на несколько продуктов, один из которых — мазут. Он, в свою очередь, горит в специальных блоках на Киришской ГРЭС и с помощью воды, кислорода и турбин превращается в электричество.

Чтобы представить, сколько тепла и света растекается отсюда по проводам на весь Северо-Запад страны,

вообразите себе двенадцать гидроэлектростанций, таких, как Волховская. Это и будут Кириши.

Город сияет тысячами огней. Светятся окна Дворца культуры. Семнадцать магазинов, несколько десятков столовых, двенадцать детских садов, — вот что такое Кириши сегодня.

Говорит Поляков:

— Первыми сюда всего девять лет назад приехали механизированные бригады строителей. Их взору предстало унылое, кочковатое, припорошенное снегом болото. Одиноко стоял среди этого безмолвия крохотный сарайчик. Он сразу в шутку был назван «пассажирское зало», а первый барак для жилья назвали «коттеджем». Было холодно, во всех отношениях тяжело и, несмотря на это, всё-таки интересно и весело.

Население сегодняшних Киришей — двадцать семь

тысяч человек. А построен еще далеко не весь город, и даже не половина его, — едва шестая часть...

Поляков говорит:

— Сделать предстоит многое. К XXIV съезду КПСС наши комсомольцы взяли обязательство пустить еще одну установку по первичной переработке нефти и еще один блок на 300 тысяч киловатт на электростанции.

— Чем помогают киришской стройке школьники?

— Они частые гости на стройплощадках — убирают мусор, протирают стекла, моют рамы. Руками ребят озеленена большая часть города. Недавно пионеры четырех школ участвовали в закладке Парка Победы на берегу Волхова и посадили в нем тополевую аллею.

— Что бы вы хотели пожелать читателям «Костра»?

— Пусть готовятся выбрать профессию строителя — одну из самых благородных профессий.

2
И

* * *

Когда уральская пурга
Вокруг мела многоголоса,
Тебя хранили от врага
Такие люди,
как Матросов.

Благословен их трудный путь.
От них пришло твое спасенье.
Их смерть —
была твоим рождением.
Об этом, сын,
не позабудь.

Владимир Устинов

Рисунок В. Орлова

ФЕВРАЛЬ 1944 ГОДА

Я знаю прочность танковой брони,
Отлитой из особого металла...
По детству безотцовскому в те дни
Война стальной лавиной скрежетала.
В деревню, всю сожженную дотла,
Где в снежных шапках рухнувшие печи,
На танках наша армия пришла
В те сумерки февральские под вечер.
Все гулче содрогание земли.
Я выскочил из дедовой землянки,
А через поле к пепелищу шли
Свободу возвращающие танки.

Я был тогда и голоден и мал —
Подарка драгоценнее не надо —
Некрепкими ручонками сжимал
Сухарь солдатский, слаще шоколада.
Потом, считая звезды на стволах,
Дыханьем грел я стальные ладошки.
И песню над землянками вела
Бывалая танкистская гармошка.
А я смотрел, смотрел во все глаза:
Тот гармонист похожим был на папу,
— Учись, сынишка!.. — только и сказал.
Сказал, и танки двинулись на Запад.

Анатолий Матюнин

НОЧНОЙ ПАТРУЛЬ

РАССКАЗ

Олег Орлов

Рисунки А. Сколозубова

— Два часа семнадцать минут, — говорит лейтенант Автандил Пайчадзе. Он всегда очень точен.

У Пайчадзе рыжие усики и выпуклые зеленые глаза. Он очень молчалив и щеголеват. Именно из щегольства он никогда, даже в самые сильные морозы, не опускает клапанов на своей ушанке. И всегда он в хромовых сапожках. Валенки не признает. Сапожки же у него не из тех, что выдают в положенный срок, а сшитые из самой лучшей мягкой кожи у горбатого сапожника в Уплис-цихе.

В ночном патруле нас трое: лейтенант Пайчадзе, сержант Карбулаков и я, рядовой энской заставы, энского погранотряда.

Карбулаков я не терплю, вернее, терплю с большим трудом. Он не с нашей заставы; он заменил заболевшего Витю Крюкова, чудесного парня, веселого, гитариста, такого, с кем и в огонь и в воду, и не соскучишься вдобавок. А этот, черт его знает, ничем не интересуется. И страшно ленив, по-моему, хотя и служака, и силой бог не обидел. Сила есть — ума не надо... Больше бы ты, Карбулаков, подошел в обоз, на последнюю телегу.

«Два семнадцать» — это значит, что подходит поезд Вале — Хашури. Наш поезд.

Карбулаков медленно убирает с железной, теплой еще, печки свои портянки и еще медленней запикивает их в карман полушубка. Собирается не спеша.

Пока он все это делает, я уже готов, хотя и не выпался.

Карбулаков осматривает свой автомат, потом меня с моим оружием и, словно пережевывая что-то своими толстыми губами, докладывает Пайчадзе о готовности патруля.

Мы выходим на мороз, на скрипучий снег длинной платформы.

Пурга, которая началась засветло, стихает и только шелестит, обдувая лицо.

В последний момент я сую руку в карман полушубка и проверяю, на месте ли ключ. Ключ на месте. Это ключ, которым отпирают и запирают двери железнодорожных вагонов.

Я теперь всегда проверяю, на месте ли ключ, после того как однажды забыл его в вещевом мешке, а вещмешок в комендатуре. Там же, в вещмешке, оставил и рукавицы. Прыгнув на подножку на ходу, я не смог открыть вагонную дверь, и висел на поручнях, сжавшись, как летучая мышь, и едва не отморозил себе кисти рук...

Паровоз, весь в клубах пара, с сосульками на тендере, проходит и пронесит ослепительный луч прожектора, в котором косо летит снег. Тихо катятся вагоны с забитыми снегом подножками. Хвостовой вагон не дотягивает до нас, и мы идем к самой последней подножке, где проводник в башлыке качает фонарем перед нашими физиономиями и не сразу понимает, что нам нужно.

Поезд стоит здесь недолго — минуты три. Потом — перегон больше часу, за это время мы должны пройти по всем вагонам и проверить документы. Не столько даже документы, сколько взглянуть на лица, потому что в этом районе объявлен розыск, и Пайчадзе, Карбулаков и я знаем по фотографии одно лицо и в профиль и в фас. Мы держим в памяти это лицо и ищем его. У нас это называется «оседлать поезд».

Через час с небольшим остановка, где, если все будет нормально, мы сойдем и будем ждать встречного и вернемся обратно досыпать и отдыхать.

Сна нет уже и в помине.

Патрулирование я люблю. Все люблю: и еду кое-как, и ночевку где придется. От подвижной и напряженной жизни у меня яснее работает голова.

Дрожь проходит по составу. Назад-вперед, чтобы сдвинуть примерзшие колеса. Поехали. Мы входим в накуренное тепло вагона.

Мое дело — сразу пройти в самый конец и никого не пропускать вперед по ходу поезда. Пайчадзе и Карбулаков с двух сторон пройдут по вагону. Обычно Пайчадзе, уже кончив свою сторону, помогает Карбулакову, который и документы просматривает медленно-медленно, пожевывая губами. Под взглядом Пайчадзе паспорта и пропуска извлекаются поспешнее. И просматривает он их быстро и ловко. Два-три движения. Взгляд на владельца, взгляд на фотографию. Следующий.

Пятнадцать секунд на человека. Десять минут на вагон. Через три вагона — перекур.

У меня дел почти никаких, я только должен проверить, закрыты ли боковые двери тамбура.

Потом я могу разглядывать нутро вагона. Черные старухи едут, верно, на чьи-нибудь похороны, лыжники спешат в Бакуриани, столетние старики везут вино на базар в Тбилиси, охотники — хвастать и пировать куда-нибудь к дружкам в Ахалкалаки или бить тощих лис около Табацкури. Цыгане с цыганами по каким-то своим делам... Свободные от людей места забиты фанерными чемоданами, ящиками с пахучими яблоками и виноградом, рюкзаками, латаными мешками, плоскими бочонками и виноватыми собаками под лавками. И все это спит, плачет, играет в карты, дымит ачигварским самосадам, пьет вино, взвизгивает и жужжит особым вагонным непрерывным жужжанием.

Вагон покачивает, и все покачивается разом. Покачивается голова спящей женщины на плече у дремлющего пехотного капитана, качается патронташ, качается сетка с апельсинами.

В сущности — это настоящее вагонное братство.

Даже жаль, что среди него нам нужно найти одного, из-за которого мы не спим этой ночью и не спят еще многие.

Первый вагон готов, и мы проходим в следующий. Под железными листами грохочет внизу дорога. Второй вагон идет у нас быстрее, зато третий — медленнее, потому что лампы здесь горят вполнакала.

Потом четвертый, пятый, шестой.

Пайчадзе в этот раз, кончив свою сторону, выходит ко мне и закуривает. Он курит и созерцает заиндевелые заклепки тамбура.

Пайчадзе мне нравится, но когда он смотрит своими выпуклыми глазами, никогда не поймешь его отношение к тебе и ко всему прочему.

Иногда кажется, что он силится что-то понять и никак не поймет. Но в конце концов

оказывается, что он все понял и во всем разобрался. Мы с Пайчадзе с одной заставы и знаем друг друга третий год. Многие в нем я люблю, даже не знаю почему. Может быть, из-за Нателлы. Нателла его сестра, и когда нам приходится бывать в Вардзи, мы всегда ночуем у его родителей.

Сестра его красавица. В городах такой красоты не знают. А Нателла не знает того, что знают в городах. Ей семнадцать лет, и она ни разу не видела паровоза иначе как на картинке. Самолеты ей видеть приходится часто, машины очень редко, а паровоз — никогда.

Нателла не обращает на меня никакого внимания, но делает это нарочно, а это уже само по себе внимание.

Наконец, кончает и Карбулаков. Он плотно закрывает дверь и отводит нас в сторону, так, чтобы из вагона через стекло не было видно.

— Ну? — говорит Пайчадзе.

— На моей стороне сидел майор...

— Э? Видел... Что-нибудь не в порядке?

— Документы в порядке.

Пайчадзе смотрит на часы и гасит сигарету:

— Тогда пошли дальше.

Карбулаков жует губами и мотает головой.

— Нет, товарищ лейтенант. У меня сомнения...

Левая бровь Автандила Пайчадзе изумленно лезет вверх.

— Точнее, — говорит Карбулаков, — я его видел раньше.

— Где?

— На шоссе. В прошлом году. У шлагбаума. И документы помню. Документы были художника-декоратора. Из Еревана. А сейчас — майор. Возвращается из Харькова.

— Ты не путаешь? — говорит Пайчадзе.

— Он меня узнал, как только я его узнал. Я шел и затылком чувствовал: узнал он меня.

— Э... — Пайчадзе пощипал сквозь зубы, — затылком... Майора ссадим зря — вот где будет затылок.

Он показал на свой затылок.

Я понимаю Пайчадзе. До станции минут тридцать езды. Проверить майора по-настоящему можно только там: в комендатуре. Ждать здесь, в тамбуре, до остановки? Нет, так мы не делаем. Лучше под каким-нибудь предлогом вызвать майора в тамбур, не волновать пассажиров.

— Пошли, — говорит Пайчадзе. — Сделаем так. Я смотрю документы, ты смотришь на майора, если не ошибся — скажем, ты потрешь лоб рукавицей — вот так.

Для молчаливого Пайчадзе это очень большая фраза.

Карбулаков, выдвинув приклад, не снимая ремень с плеча, оттягивает затвор и медно-красный патрон проскальзывает в патронник.

Не рано ли? Не напутал ли ты, Карбулаков? Год назад видел человека... Сам в прошлый раз свои старые портянки с моими новыми перепутал... Тоже мне, радар на затылке. Вот ссадим майора ни за что ни про что... Впрочем, все может быть... Ладно, Карбулаков, пошли.

...Майор дремлет. Шинель — внакидку. Ушанка на полке рядом с небольшим желтым добротным чемоданчиком. Очень мирный майор, даже симпатичный.

— Товарищ майор! Ваши документы, — козырнув, говорит Пайчадзе.

Жужжание в вагоне словно делается тише. Многие оборачиваются к нам.

Майор открывает усталые глаза.

— В чем дело, лейтенант? Документы? Ваш сержант только что смотрел мои документы...

Пайчадзе очень вежливо и настойчиво ждет, переступая с ноги на ногу и поскрипывая кожей сапог.

Не думаю, чтобы Карбулаков потерял лоб рукавицей. Очень уж симпатичный майор. Любит, конечно, покомандовать, но дома, наверное, ходит в мягких туфлях, а вечером пьет чай с вареньем. И в Харькове гостил у родственников жены. Воевал, наверное, награды имеет, и ранения, и все такое... Эх, Карбулаков, Карбулаков...

— Вот мои документы. Прошу... — говорит майор.

Я заглядываю через плечо Пайчадзе в удостоверение.

Совести у тебя нет, Карбулаков. Впрочем, спросонья, да еще при таком свете, можно и обознаться. Пайчадзе долго, непривычно долго для него исследует удостоверение личности.

Майор все так же устало смотрит на Пайчадзе. Я и Карбулаков для него не существуем. У майора набухшие веки не спавшего ночь человека. Наверное, штабной майор, которому пора в отставку. Я смотрю на Карбулакова и вижу вдруг, что он трет рукавицей свой лоб.

Пайчадзе уважительно складывает удостоверение, присоединяет его к прочим документам, но майору их не возвращает. Он держит их в левой руке. Правой он снова чуть касается ушанки.

— Товарищ майор, я прошу вас пройти с нами в следующий вагон.

— А в чем, собственно, дело?

Пайчадзе оглядывает заинтересованных пассажиров, словно хочет дать понять майору, что ему очень жаль, но здесь не место все объяснять...

— Я нездоров, — резко и хрипло говорит майор. — И никуда я не пойду! Если у вас, лейтенант, возникли фантазии относительно моих документов — это ваше дело.

— Это мое дело, — говорит Пайчадзе, — и я прошу вас пройти все-таки с нами.

Видя, что объясняться бесполезно, майор зло встает, зло хватает с полки свой желтый чемодан, нахлобучивает ушанку и поправляет накинутую на плечи шинель.

И тогда я оцениваю ширину плеч этого майора, и мощь его грудной клетки, и силу его, наверное, нестарых, тренированных ног, когда он, покачиваясь, идет позади Пайчадзе к выходу.

Очень симпатичный майор. Вряд ли он штабной. Это настоящий строевик и до пенсии ему далеко.

Мы выходим в тамбур, и Пайчадзе, взглянув на часы, вежливо говорит майору:

— Через пятнадцать минут — остановка. Мне очень жаль, что так получилось.

— Мне тоже, — говорит майор, ставит чемоданчик возле своих ног и снова поправляет шинель.

Так мы и стоим: слева я, в проходе рядом с майором — Пайчадзе, у правой двери — Карбулаков.

После духоты вагонов приятно стоять в холодном тамбуре. Я смотрю на майора. Он как-то сгорбился, стал ниже ростом, я вижу его лицо в профиль. Обыкновенное лицо. Должно быть, и вправду нездоров...

Паровоз свистит. Значит, сейчас мост. За мостом будка обходчика. После будки минут десять езды.

И вдруг я начинаю вспоминать: среда сегодня или четверг? Еще не прошедшая ночь сбивает меня с толку, и я думаю — среда или четверг. Конечно, все равно — среда или четверг, но меня заботит самый факт.

— Среда или четверг сегодня? — спрашиваю я у Пайчадзе. Пайчадзе с удивлением смотрит на меня. Со своим вечным удивлением.

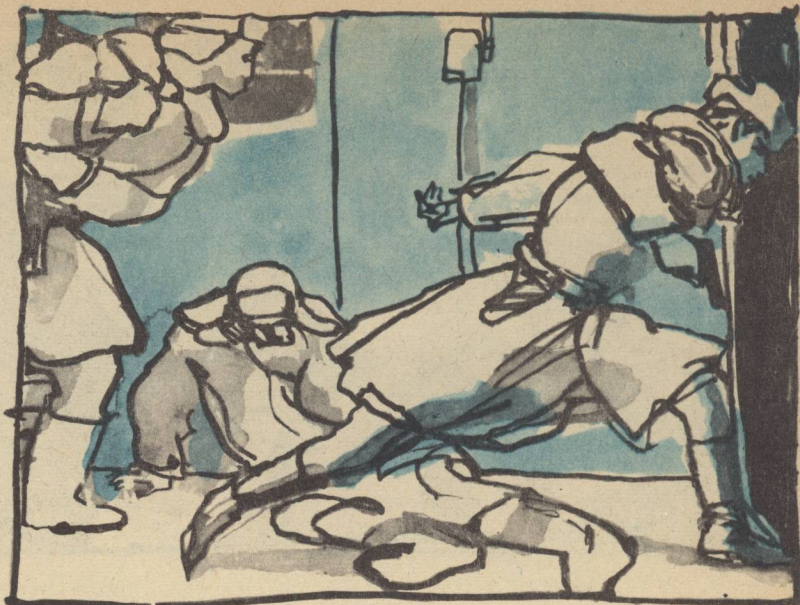
— Четверг, — говорит майор, — уже четверг.

Паровоз снова свистит, вагон сильно качает в сторону, и тут все это и происходит. Происходит быстрее, чем я успеваю сдернуть сплеча автомат. Майор чуть оттягивает от двери Карбулакова и бьет его раскрытой ладонью правой руки. Карбулаков спиной ударяется о Пайчадзе и валится, загораживая проход.

В то же мгновение майор — как был, шинель внакидку, — плечом вперед вываливается в распахнутую дверь, дверь, которую я перед этим не удосужился проверить, закрыта она или нет. Проклятый майор знал, что она открыта и нужно только нажать ручку вниз. И он вываливается в снег, в темноту, на полном ходу. Этого достаточно, чтобы сообразить, что он — не майор.

Хлопает на петлях дверь, в которую врывается грохот и снежная пыль...

Вторым, вырвав из кобуры пистолет, выскакивает Пайчадзе. Карбулаков садится и пригоршей утирает кровь с подбородка. Крови много. Я вижу, как он стряхивает на пол эти пригоршни, и в животе мне делается нехорошо.

— Прыгай, — едва шевеля губами, сипит Карбулаков.

— Помочь? — спрашиваю я.

— Прыгай! Я сам...

Я сползаю на обледеневшую подножку. Слабость проходит, и я приглядываюсь, куда лучше прыгнуть. Ногами вперед, прижав автомат, скользнуть по насыпи вниз. Что-то мелькает мимо. Думать и выбирать некогда. Я прыгаю.

...Внизу, сидя в сухом снегу, ощупываю руки, ноги. Все цело.

Поезд — цепочка желтых огней — вытягивается на повороте. Погромыхивает далеко.

И наступает удивительная тишина.

Снег перестал падать. Луна светит ясная, черные высокие ели стоят натканные по горам с обеих сторон дороги.

Только что был теплый вагон, и все было хорошо. И вдруг этот снег и я один. Скверно понимать, что не проверил эту дверь. Скверно думать, что ждет тебя чужая пуля...

Я пошел вдоль насыпи, торопясь и загребая валенками снег. Я шел и думал, думал о том, как обучали, наверное, стрелять этого майора — в темноте, лежа, падая, в любых условиях, в любую цель.

Карбулаков догнал меня. Правда, он бежал по шпалам. Белый его новый полушубок стал спереди красным. Можно было подумать, что его уже подстрелили. Он слевывал на ходу. В одной руке он тащил чемоданчик майора, в другой автомат.

— Слазь с насыпи, — сказал я, — пристрелит.

Карбулаков сплюнул снова красным и скатился ко мне. Не потому, что я ему сказал, — просто он увидел Пайчадзе.

Пайчадзе сидел, положив на колено руку с пистолетом. Другая его нога была вытянута и носок сапога нелепо повернут внутрь.

— Бегите вперед, — сказал Пайчадзе. — Осторожно, ребята. Это шкура, такая шкура!.. Надо догнать...

Карбулаков со свистом сквозь выбитые зубы сказал мне:

— Пойдем по шпалам. Ты — чуть позади. Выстрелит по мне — смотри откуда.

И он все прикладывал руку, прикрывая разбитый рот.

Мы пошли. Карбулаков, высматривая, куда пойдут следы, впереди. Я — позади, шагов на двадцать.

Не помню уж, о чем я думал. Может, о том, что пришлют моей дорогой маме невеселое извещение: «С прискорбием сообщаем...» Но мне-то уже будет все равно. И потом о луне, которая все делала четким и ясным, и о том, что Карбулаков, в сущности, неплохой парень. И если он схватит первую пулю, я не успею сказать ему, что он молодчина.

— Эй, — выдал Карбулаков. — Пошли вниз. Вон он...

Сперва я подумал, что Карбулаков сошел с ума, так его ударил майор. Но у Карбулакова было отличное зрение, и он увидел майора раньше, чем увидел я.

Майор лежал возле километрового столба. Он как раз выбрал для себя место — километровый столб на дороге из Вале в Хашури. Он ударился об него головой и уже остыл, поджидая нас.

И это было, с одной стороны, очень хорошо. И на душе у меня стало почти радостно, потому что майор все-таки был мертв, а мы трое были живы. Я говорю: почти радостно, потому что я думал о двери, а это была моя вина.

Как мы дотащили Пайчадзе до будки обходчика, уже не так интересно. Я все боялся только, что Пайчадзе отморозит ноги в своих хромовых сапожках. А Нателла от горя не захочет меня видеть. Я не мог себе представить Автандила Пайчадзе на протезах.

Но ноги он не отморозил. В будке мы отогрелись.

У Карбулакова были начисто выбиты четыре передних зуба, а соседние шатались. Крепко к нему приложился мнимый майор.

Содержимое чемоданчика мы проверили. Там было две смены белья, три комплекта документов, довольно большая сумма денег и, как ни странно, — пистолет. Потертый «Вальтер» с запасными обоймами. Почему пистолет был в чемодане, остается для меня неясным и до сих пор.

— Слушай, — сказал я тогда Карбулакову, — а этот, наверное, умел стрелять...

— Угу, — не разжимая губ, ответил Карбулаков.

— При такой-то луне он дал бы нам прикурить...

Карбулаков пожал плечами и посмотрел на прикрытое старой мешковиной тело.

О чем Карбулаков думал? О выбитых зубах? О том, что я сказал? Скорее всего, ему было не до разговоров. Будь я на его месте, мне бы, наверное, — тоже.

Но Карбулаков, прикрыв ладонью рот и словно катая сливу за щекой, сказал:

— Не здесь бы его взяли, так в другом месте. Не мы — так другие...

Хотя это было и не совсем ясно, я понял, что он хотел сказать. И еще я понял, что в чем-то далеко мне до Карбулакова.

Пайчадзе, тот слушал и смотрел, сужая свои зеленые глаза.

...Карбулакова я не видел потом да самой демобилизации и встретил случайно на станции в Боржоми. Он был уже старший сержант, и передние зубы ему быстро вставили в госпитале. Он растянул до ушей свой губастый рот и облапил мою руку как самому доброму приятелю.

К путешествию

Торопыгин

рассказать о первых студенческих стройках, на которых был сам... Только при чем же здесь выдуманый «старый строитель»? Героем такой книги должен быть реальный человек. Например, Виктор Головинский... Вот кого по-настоящему может полюбить читатель!..

Андрей Львович Островский, писатель:

— И не надо выдумывать места, где якобы работал герой! Первая студенческая стройка была двадцать лет назад в Ленинградской области, на Ефимовщине, возле села Поток — Медведковская ГЭС. На следующий год началось строительство Михалевки. Еще через год — Пожарищенской ГЭС...

Лидия Николаевна Пожидаева, журналист:

— У бывших строителей сохранились дневники, письма, фотографии... Вот материал для такой книги!

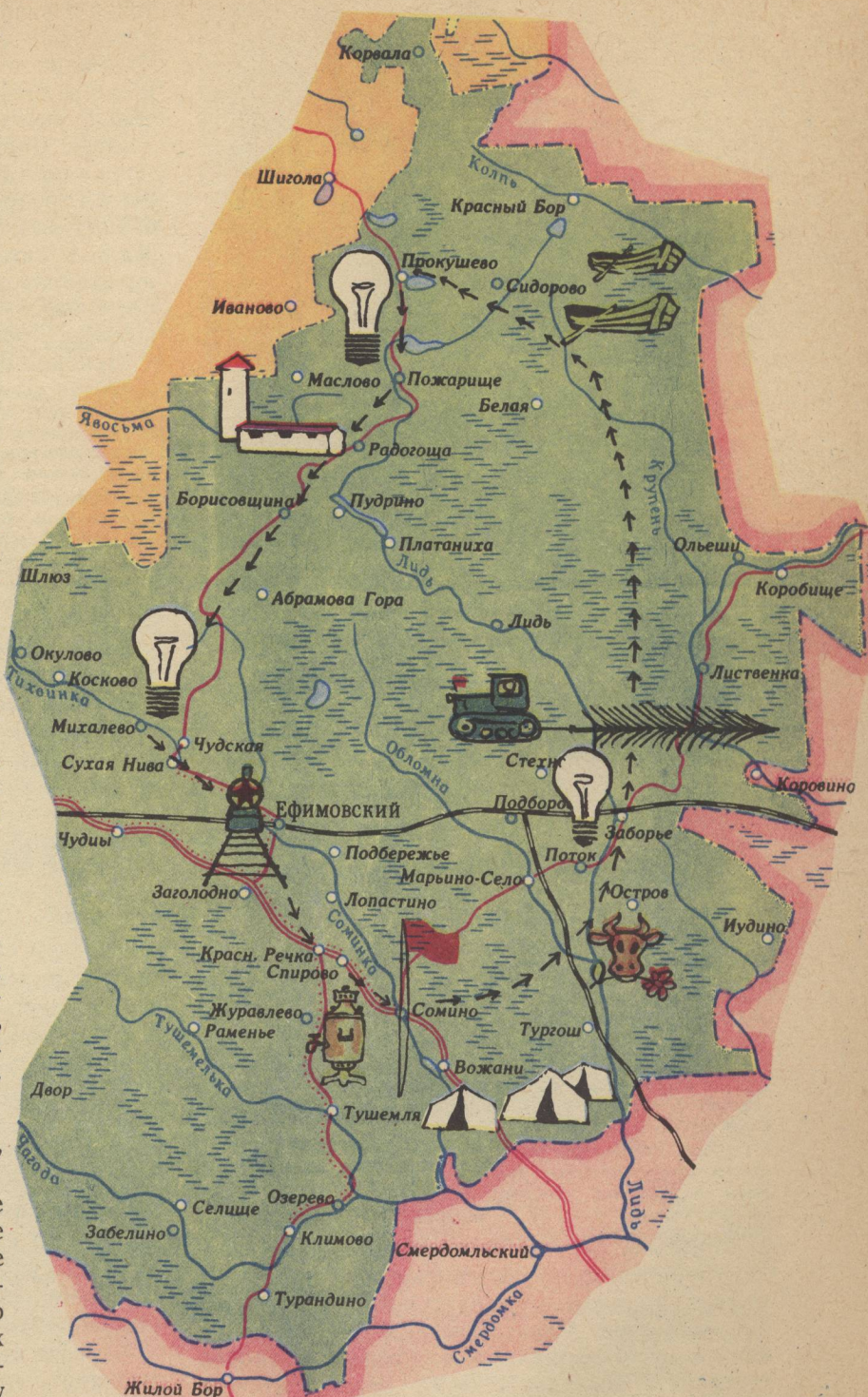
Константин Николаевич Феноменов, журналист:

— А как интересен район первых студенческих строек сегодня: лесное хозяйство, животноводство!.. В большинстве деревень там живут вепсы... Разве не интересно рассказать об этой народности?!

Феликс Лазаревич Нафтульев, журналист:

— Ну, вот что!.. Мы все здесь — все шестеро — бывшие студенты-строители... Готовьте палатки, спальные мешки, котелки, кружки, ложки! Пройти по местам первых студенческих строек должны мы! И малька-спутника в этом путешествии у нас не будет — будут сотни тысяч спутников — мальчиков и девочек, читателей нашего журнала!..

Девятое Большое путешествие «Костра» началось!

ПУТЕШЕСТВИЕ

«Костра»

ЭКЗАМЕН НА СТОЙКОСТЬ

Андрей Островский

...Еще на станции я узнал, что идти нам пешком двенадцать километров. Ничего себе! Сама станция пустынная: представляешь — ни вокзала, ни построек вокруг. Самый настоящий полустанок в лесу.

Мы стащили вещи в одно место — их заберет машина — и набросились на воду. Жарко. В поезде воды не хватало, и теперь мы с жадностью пили колодезную воду прямо из ведра.

Первые километры мы прошли легко, даже пели, но потом устали: все-таки трудно шагать после бессонной ночи. А еще нас преследовали комары, слепни, мошки — столько я никогда не видывал. Наломали веток и, отмахиваясь, почти бежали...

Это — письмо, первое письмо, которое я отправил из нашего палаточного городка на строительстве Медведковской ГЭС 4 июля 1949 года. Я обещал тогда друзьям подробно описывать все, что с нами приключится, и письма эти до сих пор храню как память о тех прекрасных днях юности.

И вот теперь, по той самой лесной дороге, по которой шли мы двадцать один год назад, мчится наш газик...

Мы не послушались

тогда и взяли с собой сетку-авоську, набитую пирогами, яйцами, бутербродами с сыром, колбасой, котлетами... Никто не притронулся к еде, и сетка, которую несли поочередно, нам только мешала.

Лева Мархасев, не дававший нам спать всю ночь в поезде своими шутками, и здесь смешил всех, передразнивая нас и изображая, как мы отбиваемся от комаров и слепней. Мы не обижались, сами шутили, но мало-помалу все же настроение портилось. Дорога казалась нескончаемой — поворот, за ним другой, и опять впереди только лес...

Наконец он пошел...

...Это село называется Поток. От села идут две дороги, и мы не знали, куда двинуться дальше. Расположились отдохнуть. Местных жителей не видно — все на работе. Только какой-то мальчуган удивленно смотрит на такое скопище людей. Не знает, что мы будем строить для него электростанцию!

В Потоке есть качели, которые отчаянно скрипят, и «гигантские шаги». Как ни устали, но покачались всласть. А на «гигантских шагах» прокатиться не сумели — очередь; разумеется, студенческая...

Село изменилось с тех пор. Разрослось, появились каменные двухэтажные дома. Но площадь все такая же: старая церковь — клуб, напротив — деревянный дом с большим крыльцом — теперь сельсовет.

— Помните, раньше здесь была почта, мы бегали сюда за письмами и газетами, — вспоминает Владимир Васильевич Торопыгин.

— А где же были качели?

Не можем вспомнить. И дорогу на ГЭС тоже.

— Кажется, сюда надо ехать.

— Нет, по-моему, дорога на ГЭС эта, — говорит командор.

Около сельсовета останавливается грузовик. За рулем сидит немолодой уже человек. Выясняю, как проехать на ГЭС, которую строили студенты.

— А вы кто будете? — спрашивает он. Вместо ответа объясняю. Шофер не дает договорить: — Так и я тоже строил Медведковскую ГЭС!

Теперь понятно, почему мне показалось знакомым его лицо. Я заведовал тогда транспортным отделом стройки, или попросту, был завгаром, и у нас в гараже работали и университетские шоферы, и местные. Геннадий Николаевич Новожилов — из местных.

— Садитесь, — предлагает он, и я чувствую волнение в его голосе, — я покажу дорогу.

Удивительные бывают встречи. Геннадий Николаевич осторожно ведет машину по ухабам сквозь лесные заросли — ветви то и дело бьют по стеклу, — и мы вспоминаем стройку, общих знакомых...

Но вот лес расступился, и открывается вид на реку Лидь, на строительную площадку Медведковской ГЭС.

...Здесь кругом глухие нетронутые леса, и среди леса — речка Лидь, быстрая, шумная, вода в ней темная. Один берег крутой, песчаный; сосны вот-вот сорвутся с обрыва, другой — низкий, тонкий, с тростником и кувшинками.

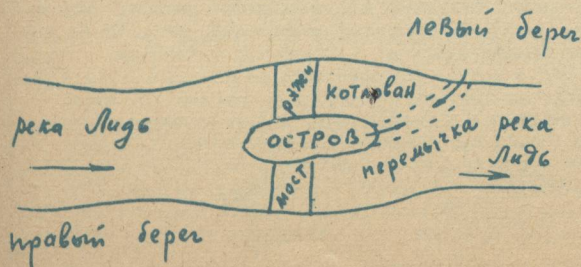
У места будущей ГЭС лес отступил, перед речкой зеленая, ярко-зеленая поляна. На строительной площадке уже стоит на треть собранный, но несклоченный сруб электростанции. За площадкой целый городок из палаток.

После получасового отдыха — мы его использовали так: приплясывали, как чумовые, махали и били себя ветками, — нас распределили по палаткам. В № 34 (теперь письма можно писать прямо сюда) будем жить мы — Лева Цуцельковский, Котя Долинин, Володя Торопыгин, Гарик Коган, Валя Суслов, Лева Мархасев, я и еще другие ребята. «Получив ключи» от палатки, мы сразу же принялись рубить лапник на топчаны — спать будет мягче и теплее...

Мне не терпится посмотреть то место, где находился наш гараж. Шагаю назад по дороге. Где-то здесь... Нет, чуть подалее. Так и есть: хоть площадка заросла деревьями, все равно угадывается ровный прямоугольник, вырезанный в лесу. Конечно, гараж стройки не походил на настоящий — без крыши, без ямы для ремонта автомобилей... Но что стоило отвоевать у леса площадку и выкорчевать лес, построить забор и хранилище для бензина по всем правилам, чтобы не придирались пожарники!

...Первым делом строили параж. Работали студенты-физики, человек двадцать пять. Они высоковольтники, но из-за каких-то неполадок третий день сидят без дела и очень обрадовались, когда понадобилось строить гараж. Погода испортилась, дождь, комары, а они рубят деревья, носят песок... Вместе с ребятами работали девушки. У многих распухли ноги от укусов, от переноски тяжестей. Говорю: «Все, на сегодня достаточно, закончим завтра». Как будто не слышат. Пока все не сделали, не ушли...

...Ты спрашиваешь, как выглядит наша стройка? О, это грандиозное зрелище! Дело в том, что на месте, где строится ГЭС, посреди реки был островок.

Тов. Островский А.А.
"1" июля 1949 г. в 17 часов Вы должны прибыть
на место сбора на Волжскую площадку Лос
для отправки на электростанцию. вок

С собой иметь:

1. Пальто (ватник)
2. Две пары обуви (рабочая и выходная)
3. Одеядо, матрасник, 2 наволочки, 2 простыни
4. Две пары белья
5. 2 полотенца, 3 пары носков
6. Туалетные принадлежности
7. Кружку, ложку
8. 100 рублей денег для личных расходов
9. Продукты на 2 суток.

Совет стройки.

С левого берега до самого острова поставили ряжи — деревянные колодцы, их засыпали камнями и песком. Получилась запруда. Другие бригады работали на острове, землю переносили на самый край, увеличивая его. И с левого берега тоже набрасывали землю — навстречу. Наконец, перемычка соединилась, и сколько было криков «ура!», сколько песен в честь этого события! Потом дамбу укрепили, а воду между ряжами и перемычкой выкачали. Образовался котлован, его все время углубляют. На дне котлована много камней, валунов. Их взрывают толлом (скоро как раз должны взрывать).

В котловане тяжелее всего, но и всего почетнее. Тогда направляют сводные бригады лучших землекопов. После взрывов протекает вода или появляются плывуны — жидкая глина. Ее насос не берет, приходится вычерпывать ведрами. Вода ледяная, глина, грязь... Вот что такое котлован.

Вчера наших плотников-филологов (бригада Левы Цуцельковского) наградили вымпелом за отличную работу. Юристы — их соперники — злятся, но ничего сделать не могут: их показатели хуже. Теперь задача наших — удерживать вымпел. Сейчас он у нас в палатке...

Все мои товарищи по 34-й стали плотниками, и я жил с ними. Уставали мы чертовски, виделись только поздно вечером, после работы. Но пока нас не сваливал сон, в палатке было шумно, весело. „Заводил“ обычно бригадир Лева Цуцельковский. Ему отвечал Лева Мархасев, а хохотали все. До тех пор, пока из

соседней девичьей палатки не раздавался чей-нибудь грозный окрик:

— Эй вы там, в тридцать четвертой, спать не даете!

Тогда Лева Цуцульковский поворачивался ко мне (наши топчаны были рядом) и шептал:

— А ты рубить ряжи умеешь? «В лапу»? Не знаешь, что такое «в лапу»? Эх, брат, как же так?

Для меня, как и для всех нас, слова «ряжи», «рубить в лапу» были новыми, но я все же усваивал плотницкую терминологию.

У Цуцульковского определенно была актерская жилка (не случайно он стал потом режиссером). Он хорошо читал стихи, рассказывал и старался жестом, мимикой помочь собеседнику увидеть то, о чем говорил. Великолепный конференсье, он вместе с Левой Мархасевым вел на стройке концерты художественной самодеятельности. Учил английский и в шутку называл выпел не иначе как «мистер Уимпл».

Но «мистер Уимпл» не так-то легко было заполучить. Ребята никогда серьезно не держали в руках топора, а тут приходилось работать по всем законам плотницкого дела. Их обучал старик-плотник, сердился, покрикивал на них, когда дело не клеилось, и нахваливал, когда начинало получаться... И вот бригада Цуцульковского завоевала выпел. Тогда же я сфотографировал бригаду, и вы сами можете судить, преувеличил ли я в письме, говоря об их состоянии после того, как им была вручена награда...

Мы нашли теперь место, где стояла палатка, даже дерево, под которым любили, постелив одеяла, поваляться и почитать.

Потом прошли к плотине. Вот они, знаменитые ряжи, рубленные «в лапу»! Стоят, наполненные землей и камнями, совсем целые, только кое-где дерево подгнило. Феликс Лазаревич Нафтульев переправился по упругой доске на другую сторону, спустился по железной лесенке в шлюзовую камеру. Я последовал его примеру. В камере сумрачно, сыро, прохладно; валяется на боку огромное рабочее колесо турбины.

Выбираемся наверх. Тишина, покой, журчит вода у плотины. А я слышу голоса, сотни голосов, стук топоров, взрывы, пыхтенье локомотива... Слышу стройку.

В конце августа 1949 года я прочитал в газете, что по плану такую электростанцию, как наша, обычно строят три года, мы же, студенты, соорудили ее за два месяца! Ну, и, конечно, сэкономили государству немалые деньги.

Тринадцать лет наша Медведковка питала ток лампочки в избах, электрические аппараты окрестных сел и деревень. Потом эти деревни и села подключили к линиям электропередач более мощных ГЭС, а Медведковская прекратила свое существование.

Я почему-то вдруг вспомнил мальчугана в Потоке, который удивленно смотрел на нас тогда, в 1949-м. Конечно, он вырос, стал взрослым. Но если жил и учился в Потоке, то наверняка при электрическом свете, свете, который давала наша ГЭС.

И еще я подумал: каждый человек должен обязательно в жизни держать экзамен на выдержку и стойкость. Такой экзамен держали студенты — строители межколхозных ГЭС. И выдержали его.

У НАШЕГО ОЗЕРА

Один отряд — «Ракета», другой — «Звездочка», а нам захотелось побывать в отряде, который сами ребята назвали «Костер». Интересно иметь дело с тезкой!..

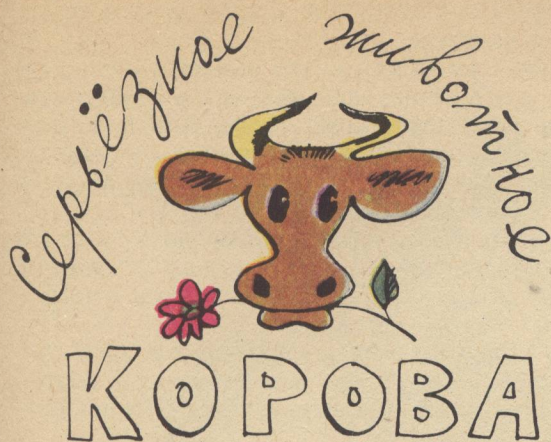
Видите, сколько ребят в озере? Некоторые — самые маленькие — поеживаются. Не от холода, а от неуверенности. Еще прошлым летом они, теперешние октябрята, купались под присмотром пап и мам. А тут — первый раз в заводском пионерском лагере! Первый раз вместе со взрослыми ребятами — в воду!..

Хорошо в лагере! Территория — октябренок легко может заблудиться. Озеро — что море. И на берегу — у причала — пятьдесят четыре собственных лодки. А в озере караси и щуки плескаются. Мы, между прочим, спросили: «Как озеро называется?» Отвечали ребята вразнобой, но большинство твердо стояло на том, что Нашим называется. Нам название пришлось по душе.

Быстро привыкаешь к жизни в пионерском лагере. Еще был С таким вожатым, как Юра Сушинин, привыкнуть легко. Во-первых, он сам давно на заводе работает, в ремонтно-механическом цехе, и знает многих пап и мам с Пикалевского цементного завода. Во-вторых, он никогда не стоит на берегу, если ребята купаются...

И нам Юра понравился. Он рассказал, как выполняется в лагере режим дня, что задумано выполнить этим летом. От Юры мы узнали, что в отрядах пионерлагеря действует закон: «Недоволен — возражай, возражаешь — предлагай, предлагаешь — действуй!»

Мы решили рассказать об этом лагере еще и потому, что такой закон справедлив, о нем должны узнать все читатели «Костра».

Константин Феноменов

— Надя! Медуза опять капризничает!

Медуза — огромная черная корова с острыми, как вилы, прямыми рогами — угрожающе мычит и гремит цепью, которой привязана к стойлу.

Широченные двери коровника распахнуты настежь. Вкусно пахнет парным молоком. Рядами тянутся стойла. Гудит компрессор, гремят бидоны, громко переговариваются доярки.

— А, мы характер показываем! — обращается Надя к разгневанной Медузе и хлопает по крутому коровьему боку. Говоря какие-то успокаивающие слова, пытается надеть на разбухшие от молока соски «стаканы» доильного аппарата. Но не тут-то было! Медуза ударила в пол задней ногой и снова загремела цепью.

— Не подмажешь — не поедешь, — говорит Надя и, отлучившись на минуту, приносит в ведерке какое-то лакомство. Медуза уткнула морду в кормушку, затихла.

— Она часто скандалит, — повернулась к нам Надя. — Пока не дашь корм, с аппаратом не подпустит. А вот Вьюшка — та, с белым нагрудником — вообще принципиальная противница механизации. Ее, как исключение, доят вручную.

Надя — Надежда Александровна Сагайдачная — зоотехник на животноводческой ферме Подборовского совхоза, работает шесть лет.

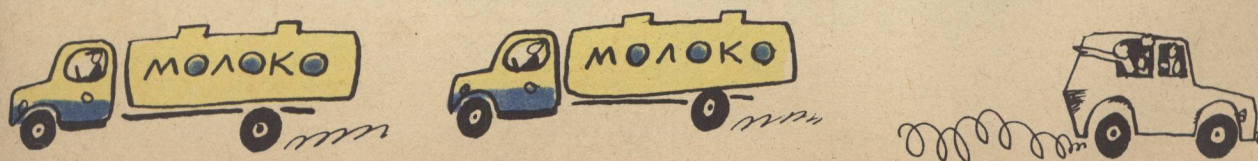
Не сразу решила Надя Сагайдачная стать животноводом, а как решила, то поняла, что поворота не будет: по душе пришлось ей это дело.

Родилась Надя в Ефимовском, училась в начальной школе села Никольское. Детство прошло в родных краях. Потом, уже в 1958 году, отец, по профессии дорожный мастер, увез всю семью в Казахстан. Там, в Павлодаре, закончила среднюю школу. Жила в Алма-Ате, Экибастузе, городе нефтяников. Работала на строительстве домов — знает несколько строительных специальностей, а надо — так и с конторской работой справится. Казалось бы, прочно осела Надя в далеких краях, обзавелась семьей... Но потянуло в родные места. Вернулась в 1965-м. Кончила техникум. В Потоке живет недавно. Полгода как совхоз дал семье Сагайдачных двухкомнатную квартиру в новом доме. Теперь удобно — дом рядом, не надо каждый день за три километра бегать на ферму. И в доме уютно: красивая мебель.

приемник, телевизор. Правда, водопровода и газовой плиты еще нет, а так — чем не городская квартира?

Разговаривать с Надеей приятно — у нее хорошая улыбка, и нам не хочется уходить с фермы. Коровы все время смотрят на нас строго. Удивительный у коровы взгляд. Пристальный, неподвижный. Проходишь мимо, а она тебя глазами провожает: что, мол, за человек такой. Серьезное животное корова! И работа у нее ответственная. Шутка ли, зеленую траву в белое молоко переработать! И не от жадности корова щиплет на пастбище траву, не разгибая шеи. Это она заготавливает зеленое сырье для работы на дому, то есть в стойле. Даже во сне жует коровушка, жует и тяжело вздыхает.

Где растёт теннисный тонн

Феликс Нафтумьев

Я шел по заглохшей тропе и старался размышлять о торжественном, а в голову лезли совершенные пустяки.

Вспомнилось, например, как наша бригада меняла базу ночлега. Матрасники, набитые сеном, плыли над нами, будто дирижабли, и застили белый свет. И когда мы их, наконец, сбросили с макушек, оказалось, что свет не белый, а красный. Огромный закат горел, даже больше чем в полнеба, и совсем близко, на юру, на краю земли высился черный-пречерный, словно обугленный тем закатом, сарай.

Это и был Бидл-Добл.

Бидл-Доблом его прозвали позже, уже привыкнув возвращаться к нему вечерами. «По дороге в Бидл-Добл», — пели мы. — «По дороге в Бидл-Добл!» — а дальше шла бессмыслица, «чепуха, чепуха», как говаривал Петя, в чьем лексиконе, между прочим, более сильного выражения не было.

Петя из всех нас был самый subtilный, тростинка в курточке, застегнутой на все пуговицы. В Ленинграде, когда наш эшелон провожали, его мама кричала вслед вагону: «Петя, привыкай к коллективу!» И Петя послушно привыкал, а коллектив привыкал к Пете и при случае вызывался ему помочь. После отбоя верзила Игорь возвещал:

— Занятия мужских курсов продолжаются. Сегодня по программе слово «черт». Петя, раз, два, три, скажи «черт»!

— Чепуха, чепуха, — возмущенно говорил Петя и под хохот коллектива поворачивался к нему спиной.

Но вообще-то мы затихали быстро — выматывались за день на канале.

Петя таскал носилки с глиной. Чтобы пальцы не разжались, он засовывал жерди рукояток себе в рукавицы, скреплял таким образом носилки с собой и делал если не по десять, то уж точно по шесть рейсов в час.

Он неделю кляничил, чтобы его перевели на тачку; бригадир Гарик сомневался, боялся, что случится травма, — но, умученный мольбами Пети, в конце концов разрешающе махнул рукой. И надо же, именно в ту минуту прибежал посыльный от коменданта: требовалось усилить кухонный наряд.

«Судьба!» — просиял Гарик, моментально перерешил и с легким сердцем погнал Петю с котлована, подальше от лопат, носилок и травм. И Петя ушел, громко причитая, и мог еще — к окончательному своему унижению — видеть, как на тачку, чуть не ставшую его, Петинной тачкой, хищно ринулась здоровенная девица Люба.

А к концу работы хлынул дождь. Да какой! Мало сказать — хлынул, он затопил нас, вобрал в себя, не было ни капель, ни струй, только несусветная сплошная вода. Кое-как, захлебываясь, мы догребли все же до лагеря, рухнули за дощатые столы, проглотили ужин и, как в нору, устремились в свой родной, сухой, полутемный Бидл-Добл.

Между тем над пищеблоком металось мутное зарево. Кормилась вторая смена, и еще одна, последняя, была на подходе. Гудел огонь под котлами, грохали крышки баков, стучали топоры, еле слышные в гуле дождевых потоков. Где-то там шуро-

— 0 —

На песен, поступивших на конкурс
газеты „Университет на стройке“

Песня 9 бригады

Текст Ю. Голубенского.

В пять часов день за днем
Слышим возглас: Под'ем!
Видим низкий белесый туман.
Значит снова за труд.
И бригады идут
По росистой тропе
в котлован.

2 р.

СПОРТ
Мно
ший в
равно
стройт
выигр

вал наш кухонный мужик, наш Петя, подверженный насморку и ангинам, в курточке, промокшей насквозь.

Гарик накинул плащ и побежал на подмену. Петя расхохотался ему в лицо.

Петя объявил, что сейчас подчинен не бригадиру, а коменданту, что ему здесь нравится, нравится, а остальное—чепуха, чепуха, чепуха, — он выкрикивал под

рев ливня свои интеллигентные слова и бил колуном в чурбак, с каждым ударом в новое место, — но расколотил-таки, схватил поленья в охапку и с кочегарской сноровкой швырнул их в шипящее жерло печи.

Он вернулся в сарай за полночь, долго возился, развешивая и укладывая свою курточку, и, кажется, разок мужественно чертыхнулся.

Возможно, в те минуты он даже немножко преувеличивал размеры своего подвига, — а подвига ведь не было, ничего особенного не случилось, для того мы сюда и приехали, чтобы выкладываться, и до «молотка» Пете, конечно, было еще далеко.

«Молоток» было прозвище редкое и почетное, как орден. На всю стройку насчитывалось несколько «молотков», всего несколько, — ветераны-медведковцы, они принесли свою славу с прошлогодней ГЭС, и примечательно, что мы даже не очень интересовались, чем там они ее заслужили, и так было ясно, просто взглянешь на человека — „молоток“ и все.

Лена Чекалова, в пилотке, надвинутой на бровь, похожая на астурийку времен испанских событий; Юра Рябинин, отрешенно улыбающийся; наконец, наш собственный, бригадный «молоток», может быть, самый бесспорный, — наш Гарик.

Как мы гордились им! И как — в минуту веселья — лупили его подушками!

Я шел к котловану заглохшей тропой, которую сам двадцать лет назад протаптывал, и не узнавал ее, словно шел по ней впервые, и досадовал, что пустяки вспоминаю. Взглянул на столб с осколками изоляторов и хотел расчислить, был ли «молотком» бригадир у линейщиков, — а всплыло снова не то.

В разгар земляных работ, за миг до утреннего свистка меня окликнул Игорь.

— Старик, объявлен конкурс на песню. В совете считают, что именно нам с тобой следует на нем победить.

И сообщил, что договорился с парторгом и нам дают персональный выходной для вдохновения и сочиненья.

Кто скажет, что мне это задание не польстило, будет неправ. Мы вернули в инструменталку свой инструмент—и целый длинный день, не торопясь, бродили по Михалевке.

Увидели, как ползут бревна по лотку пило-рамы и распадаются вдруг, сразу, на четыре доски и два горбыля. Поглазели на гудящий, стучащий, окутанный паром локомотив. Отметим, как выросли ряжи — звенья тела будущей плотины.

И, конечно, прогулялись по каналу, по всей его трассе, от водоприемника до станционного здания, для которого еще только закладывали фундамент.

Канал впечатлял. Он протянулся, как тети-ва, спрямив излучину Тихвинки. Были в нем глубины, были и мели — какие-то бригады отстали, — но всюду, на всем его протяжении, уже вились в несколько ярусов, как пролеты лестниц, кольцевые тачечные пути, и по ним из сырых недр полуголые люди поднимали в отвал жирный зеленый грунт.

Другие полуголые люди долбили кайлами каменно-твердый склон.

Третьи тесали ряжи, выкатывали из запа-ни бревна, управляли локобилем, проруба-ли просеки, погоняли кобылу Коптю, запря-женную в волокушу с ошкуренной, смолистой опорой.

Нас многие узнавали. Разгибались, махали рукой, вытерев заодно пот со лба.

Никто не спрашивал, чего это мы шастаем налегке, — раз шастаем, значит, надо, на стройке сачков нет. Вчера мы вкалывали, как все, и завтра будем вкалывать, а сегодня — не взыщите, ответственное задание, образы, рит-мы, рифмы!

В яме, вырытой для столба, стоял линейщик Андрей, чернявый, в колючей соломенной шля-пе, и улыбался во весь рот, и дружелюбно ки-вал забинтованной головой. Его вчера слегка стукнуло комлем, но он сбежал из медпункта, копал свои ямы и ставил столбы. И не имел к нам претензий.

Но мы почему-то постарались быстренько от него отойти.

Мы себя уговаривали: «Поэзия — тоже труд» — и, не уславливаясь, как бы случайно, обходили стороной участки, где было особенно жарко, где Лена Чекалова помогала подруге взгромоздить на доски опрокинувшуюся тачку, где Юра Рябинин, отобрав у товарища лом, откалывал от пласта чешуйку за чешуйкой.

Песню мы к вечеру сочинили: «Пошевели-вай, студент, лопатой, поразмашистей ударь кайлом...» — все слова в ней были правиль-ные, однако что-то помешало нам сделать ее как следует. Премии на конкурсе песня не по-лучила.

Победила другая, написанная парнем не из нашей бригады, — персонального выходного ему никто не давал.

«В пять часов день за днем
Слышим возглас: «Подъем»,
Видим низкий белесый туман...»

В последней строке песни говорилось о про-водах Михалевской ГЭС. Через год, на другой стройке, в этой строке пелось уже о проводах Пожарища. Потом появились и другие вариан-ты. Строители каждой студенческой электро-станции хотели, чтобы песня принадлежала именно им.

Ее поют до сих пор. Чтобы ее вспомнить, не надо приезжать через двадцать лет в места юности.

Я шел заглохшей тропой к котловану и пы-тался напевать:

«Это лето пройдет,
И в обратный поход
Нас проводит желтеющий лес...»

Но настырно, непрошено сквозь эти слова все время пробивались иные, совсем не такие, без склада и смысла:

«По дороге в Бидл-Добл,
По-до-ро-ге-в-Бидл-Добл,
Где растет тенистый топл,
Где-рас-тет-те-ни-стый-топл...»

Тополей здесь не росло. Росли, в основном, осины.

От их шума поздними вечерами становилось уныло на душе. Казалось, что они старушечьей толпой бегут к проселку и сейчас преградят путь, окружают, зашебуршат, заморочат...

От котлована до лагеря было два километра, и в сумерках они растягивались невообразимо.

Ноги заплетались, башмаки весили пуд. А ведь день еще не кончался, кому-то надо было срочно собираться с лекцией в дальний колхоз, кого-то ждала репетиция концерта и выпуск «Молнии», а кого-то — просто крупная постирушка.

Мы старались успевать сделать все, даже если сил совсем не осталось. Пусть на одном самолюбии, зубами, ногтями, но обязательно сделать. Это у нас называлось «плестись бегом».

Помню один такой вечер. Мы «плелись бегом», даже не строим, как обычно, а вразброд. День прошел бестолково, черенки лопат непрерывно ломались, тачки соскальзывали с колеи. Костя ушиб локоть, у меня разболелись зубы, Лилька не получила из дому важного письма.

Сам Гарик и то приуныл, глядя на такое наше панихидное шествие.

И тогда раздался Ирин голос:

— По дороге в Бидл-Добл!..

Она никогда не была до того запевалой, ей нельзя было быть запевалой. Она готовилась в Консерваторию и берегла связки, особенно в сырую погоду, а сейчас была как раз такая погода, и чувствовалось, с каким внутренним ужасом, с каким отчаянием она выкрикивает это разбитное, бессмысленное, вроде считалки:

«По дороге в Бидл-Добл,
Где растет тенистый топл...»

«Где! Растет! Тенистый! Топл!» — подхватили мы. И вдруг нам стало празднично и жарко.

Я шел к котловану заглохшей тропой, и уже почти вышел к нему, и заранее знал, что увижу.

Увижу бывший канал, весь в зарослях великанской травы, с дождевыми лужицами на дне. И развалины шлюзов. И здание станции, от которого остался один фундамент.

Ничего не узнаю, ничего не припомню. Двадцать лет минуло. Кончилась наша ГЭС.

Тихвинка и та стала неузнаваемой, мелководной, заросшей. Ей не хотелось в этом себе признаваться, она журчала без умолку и твердила наши давние речи, повторяла заученное,

ей казалось, что просто затянулся пересменок, что опять выйдут к ее руслу бригады, пустит дым колечком локомотива и алое знамя стройки заплещет на летнем ветру.

А мы уже уезжали. Прощались с председателем Михалевского сельсовета, подарили ему на память номер «Костра» и расписались на обложке: «Я из двадцать четвертой бригады», «А я из двадцать второй».

Нам хотелось, чтобы это было так, но мы и сами не очень-то в это верили.

Сегодняшнее, а не вчерашнее солнце светило, сегодняшняя газета лежала в кармане и сегодняшний газик ждал за пригорком.

Сели и поехали. И еще вспоминали какие-то подробности, и напевали обрывки полузабытых песен, и притворялись друг перед другом, что мы такие же, как встарь, — но тот маленький, немного смешной строитель, который, конечно же, сидел в каждом из нас, крепко спал и никакие разговоры не могли его разбудить.

Машину трянуло и занесло, и стукнуло бампером о корневище, и переднее колесо исчезло в промоине. Пришлось вылезать, рубить жерди, подкапывать, давить и толкать. Мы занимались этим часа два, измазались, натрудили ладони, и выяснилось, что действительно с тех давних дней кое-что умеем и помним, — это даже внешне выглядело совсем как во время аврала, когда в полукилометре от Михалева застряла полуторка с продуктами.

Но Строитель внутри нас не просыпался. Чего-то ему не хватало, чтобы проснуться.

Мы вытащили все же газик, снова сели и поехали по ужасным лесным дорогам. И, проехав чуть-чуть, увидели, что почти в кювете, по ступицы в грязи, мается грузовик.

Совсем чужой грузовик, с незнакомыми людьми, а мы торопимся, выбились из путешествивного графика, только что сами так загорали и сами справились, и нам бы скорей до деревни.

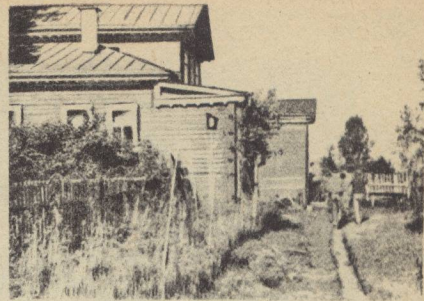
Однако наш водитель заглушил мотор. И снова известный писатель Глеб, голый по пояс, вырубал ваги, а известный поэт Володя налегал на эти ваги грудью, а известный фотограф Костя лез к колесу с лопатой, а известный редактор Лида торопливо разводила дымный костер, чтобы отогнать от наших искусанных спин комаров и мошку, — и не разобрать тут уже было, где люди знакомые, а где незнакомые.

И вот здесь-то наш Строитель проснулся. Он вскочил как встрепанный, — вон чего ему не доставало: трудного дела — и не для себя!

— Молоток! — сказали мы друг другу. И тенистый топл развернул над нами свою роскошную крону.

ПОБЕДИТЕЛЬ ЛЕНИНСКОГО МАРША

Забелино, Спирово, Красная Речка. Деревни эти в березках и елочках, на берегу ручья, дно его летом неглубокое, до самой малости ребяташкам известное.

Земляники, грибов летом — не собрать. Любят свои места местные, деревенские люди. А приезжие — тем более, разобраться не успеют, начинают охать да ахать. Как мы, бывшие строители, когда в Спирово попали.

Погодите, раньше времени не ахайте, — сказали нам провожатые из райцентра, — загляните сначала в Спировскую школу, спросите учительницу тамошнюю, Антонову.

Школа невелика, но, видимо, не хуже других — каменных, городских, раз на самом видном месте прибит знак «Победитель ленинского марша».

Поднялись на крылечко. Резное, добела вымытое. Любитель сувениров обязательно оторвал бы хоть самую маленькую дощечку... на память.

Екатерина Петровна Антонова старожил этих мест, а не просто учительница, которая сюда после института из города приехала.

Одиннадцать лет назад никакого музея в школе не было. Ничего, кроме парт, школьной доски, учительского шкафа с полками для журналов и для указки...

А теперь! При школе музей самый

настоящий, собранный теми, кто любит природу родного края, кто с большим уважением относится к его прошлому.

Вот, к примеру, самовары. Всякие — самый старинный без поддувала, сплошной, как ведро. Может, больше нигде такого и не увидишь. Плетеные из бересты лапти, кошельки — мал мала меньше, фляги (одну нам подарили для костровского редакционного музея).

Ложки деревянные, даже бурлацкая. Плошки разные.

Все это предметы старинного народного быта. Возьмешь в руки такую ложку и поневоле захочется узнать о ее хозяйине. Расспросишь — хочется записать. Так и создается по-немногу летопись родного края. Правда, пишется она не всегда очень красиво, в тетрадке и кляксы бывают, но зато пишут сами, никому не поручают. Сами хотят знать о родном крае все-все...

Екатерина Петровна кончала школу в Спирове чуть ли не четверть века назад. За эти годы много, очень много ребятишек спировских и из соседних деревень прошло через ее руки. Приходили и учились буквы и цифры писать. А теперь ее ученики заправки выводят на табличках: «Нашла в доме своей бабушки» (кофейница). «Принес Сергеев Саша, из 1-б класса» (солонка).

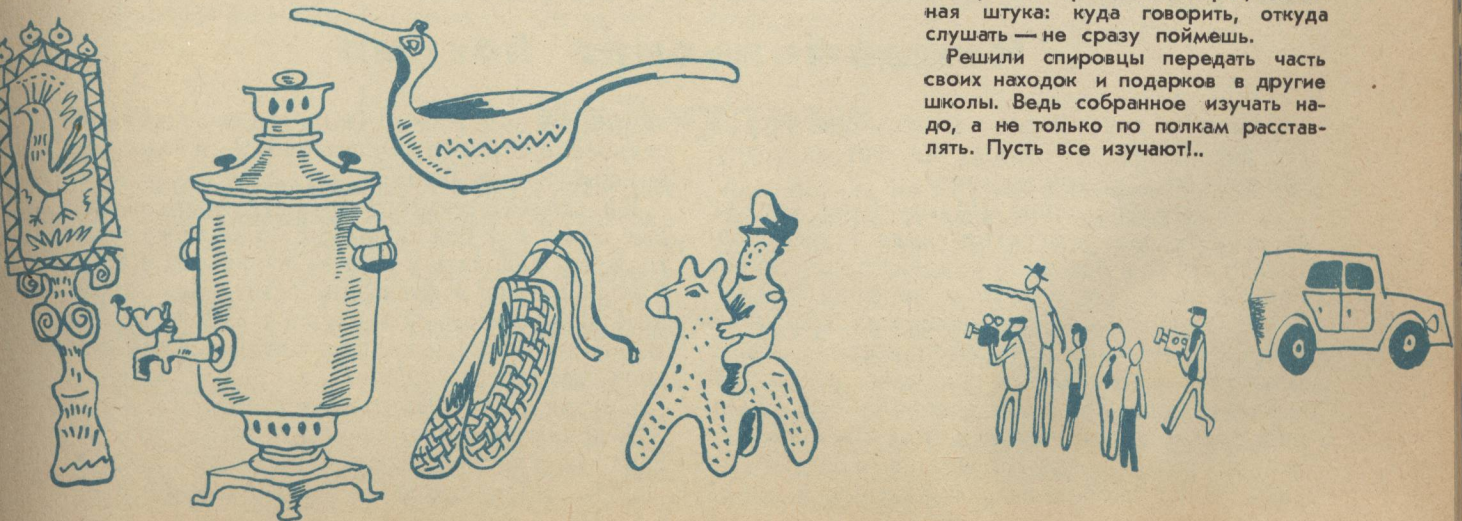
Теперь приходят учиться в школу братья и сестры тех, кто затевал музей, и с гордостью читают подписи под экспонатами. Иной раз расскажут и никому не известную историю, как добывали тот или иной экспонат. В музее можно найти такие орудия труда, которых нет уже и в помине. Вот бережно хранится прялка и рядом кусок грубого холста, из которого шили рабочую одежду... Раздобыли и детские прялочки. «Я и не знала, что есть такие на свете, — признается Екатерина Петровна». Тут собраны старинные орудия обработки льна, их применяли еще до появления в деревнях самопряхи. Чья-то бабушка подарила мамино платье, своей мамы, а самой бабушке уже без малого девяносто. Вот сколько лет платье пролежало в сундуках!

Не хочется бегом по такому музею: каждый экспонат интересен. Большая плетеная корзина для ложек. Ого, какая семья была — не меньше дюжины человек.

Поначалу взрослые всерьез к музею не относились: дома дел полно, а ребятишки в школе пропадают. Но вот стали приезжать в музей со всех краев: из Казахстана приехали, с Украины, из Москвы. Книгу отзывов завели — кому что понравилось пишут.

...Случается, музею преподносят подарки. Первый председатель здешнего колхоза подарил свой рабочий телефон. Старинный аппарат, занятая штука: куда говорить, откуда слушать — не сразу поймешь.

Решили спировцы передать часть своих находок и подарков в другие школы. Ведь собранное изучать надо, а не только по полкам расставлять. Пусть все изучают!..

ОНИ ИЗ СТУДЕНЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО

По утрам мотовоз увозит их километров за двадцать, туда, где рельсы кончаются. И там они работают, весь день, кувалдой, ломом, лопатой. Так работают, что им не успевают подавать щебень и шпалы.

Они строят узкоколейку для вывоза леса с дальних делянок. Примерно такую же пятьдесят лет назад строил на Боярке Павка Корчагин.

Дороги похожие, а времена — казалось бы — нет. Но если подумать, в жизни каждого поколения повторяется это время — комсомольское. Когда начинаешь вдруг понимать, что не где-нибудь и когда-нибудь, а именно здесь и сейчас ты нужен стране.

Их никто не гнал сюда. На рубли, которые они

здесь получают, автомобиля не купишь. И даже, пожалуй, пары лишних штанов.

Они насыпают подушку. Вбивают костыли. Тянут стальную нитку — нагие по пояс, с мокрыми от пота спинами.

Где-то в лагере, дома, обернутая простынкой, висит на стене, на распялочке, их замечательная хлопчатобумажная форма.

Вечером они наденут ее. И пойдут гурьбой по улице поселка Ефимовский. И заведут танцевальную пластинку.

И, может быть, кто-то удивится, когда, спросив, что это за орава понаехала, услышит в ответ: «Бойцы студенческого строительного отряда».

Победных боев вам, бойцы!

Из рассказов о студенческой стройке

Людия Пожидаева

Комсомольская богиня

Слышали, как в песне о комсомолке первых лет революции: «Я гляжу на фотокарточку, две косички, строгий взгляд»?..

У нашего бригадира Нины — одна косица, не заплетенная, а перехваченная черной ленточкой. За то и прозвали ее товарищи по курсу Робеспьером. Не только в профиль с косицей-хвостиком была она похожа на отважного революционера, но и решительностью, непримиримостью. В том, как она вела себя в разных случаях жизни, как говорила с людьми, был такт и притягательная сила. Уже в конце первого курса, когда мы еще не перезнакомились, Нина здоровалась с каждым и знала

почти каждого. Может быть, эти ее знакомства следовало отнести за счет работы в курсовом комсомольском бюро?..

На стройке ее выбрали бригадиром. В первые дни у нас без споров не обходилось ничего. Кому работать в ночь — все хотели в ночь! Кому не идти в котлован, оставаться дневалить, — ни одного добровольца! Нужна была твердая Нинина рука, ее последнее слово и ее вера, что его не нарушат.

Друзья мои, студенты-строители!..

Всю зиму и весну сорок девятого возникали среди нас, первокурсников, разговоры о «Медведке», «Медведковке», Медведковской ГЭС.

Мы были влюблены в старых строителей. Всего на год — на два они были старше нас, а мы свято верили в их огромный плотницкий и землепосадский талант. По наследству нам достались их песни. Под эти песни мы воображали себя в котловане НАШЕЙ ГЭС или у костра. Скорее бы лето! Скорее!

И вот лето наступило. И прошла первая неделя работы. Примерно в эти дни записано в моем дневнике: «Научилась копать землю...» И тут же: «Думать над каждым шагом! Над каждым своим словом!» Да, там, на стройке, мы еще строили и самих себя.

Но я отвлеклась, я ведь хотела рассказать о своем бригадире.

Привал. День жаркий, июльский. А трава — прохладная. И когда травинки касаются лица, слышно, как пахнет землей. Никогда раньше я не ощущала этого замечательного запаха. И не видела, как красива трава, просто трава — без ромашек и васильков. И никогда дома так не болели ладони. Как в воде после долгой гребли — блаженствуют в травяной прохладе...

Ждем обеда. Наша Сильва — пегая лошаденка — мобилизована на сенокос. И обед нам пока не привезли. Мы — волки голодные. А не скажешь, не принято у нас показывать истинные чувства — тем более по такому поводу!

Итак, скоро обед. Веселье. Песни. Нина поглядывает вроде бы не очень внимательно на сидящих, но я вижу — сейчас подойдет к Валентине, у Вали стерта нога. И Вале — кисло: «Пока босиком — терпимо, а ведь завтра работать босиком не будешь!..»

И все-таки вокруг только веселье. К живописно расположившимся на травке строителям шажок за шажком приближается козел.

— Откуда ты, козлище? — обращается к нему кто-то, рассчитывая приковать всеобщее внимание.

Козел бородатый, лохматый и очень спокойный. Вот — забава! Надо сфотографироваться на память! Бегу за «Любителем». Он на гвоз-

дике над верхними нарами. Одна нога тут, другая — там. Возвращаюсь. Не убежал козлище, здесь!..

— Кто хочет сохранить себя для истории — замрите! — «Любитель» не допускал моментальных съемок.

— Нина! Нина! Для истории!

Строители — превыше всего гордившиеся своим званием — не успели поставить себя на ее место. Она, как мы, но она — бригадир. Ее мысли — заботы о нас, о плане, об инструменте. А тут еще без обеда остались... Конечно, повеселиться она может. Но не сейчас, в эти первые трудные дни.

Сейчас мне кажется, что бригадир наш уставала больше, чем мы. Во-первых, мы весь год жили дома, о нас пеклись родители, вся забота — лекции да конспекты. Нина — одна в городе, в общежитии, с утра до вечера — то учеба, то комсомольские дела. А на стройке? Всегда немного в особицу. И хоть наравне с нами в котловане, но еще успевает сбегать к прорабу: кто, кроме бригадира, имеет право договариваться о работе в дождь?..

— Нина, Нина! — все требовательнее верещат девчонки.

Нет, не успела я поставить себя на ее место, а только суетилась, выбирая кадр. А если бы успела, вспомнила бы, что ни разу не удалось мне, старательному, начинающему фотографу, запечатлеть своего бригадира как положено. Во главе строя, а то и со знаменем в руках, когда бригада получала переходящее знамя стройки...

Я смотрю на фотокарточку. И уже не как в песне: «строого» взгляда нет. В лице растерянность. Отражается борьба с собой — как быть?.. «Нехарактерный» снимок: бригадир на козе... Я думаю: «Не стриги всех под одну гребенку, умей остановиться и задуматься. Ведь не до потехи тогда Нине было. А вот пришлось забраться в «седло», сфотографироваться!..»

На плотине

Ириски? Пачка халвы? А может, ватрушки, заботливо уложенные мамой в фанерный ящик? Так мы и не узнали, что же было в той посылочке. Она дошла по адресу; он аккуратно был выведен на фанерке: «Ленинградская область. Ефимовский район. Строительство ГЭС. Строителю Стасику Ф.»

Дошла посылка не в те сроки, о которых думала мама Стасика. Но ведь дороги неважные, почтовая машина и та в дождь не добирается. Так что хорошо, что вообще дошла! Дошла, но грустная приключилась с ней исто-

рия. Вернее, не с самой посылкой, а через нее со Стасиком. И, пожалуй, именно из-за посылочки последний раз обратились к нему как к «строителю»...

Вот как все получилось.

Уже в первые дни на стройке отношения устанавливались братские. Понятие «один», «в одиночку» переставало существовать. Даже если ТЕБЕ приходило от ТВОЕЙ мамы письмо, то как-то само собой получалось, что почти целиком оно прочитывалось вслух.

Посылка — событие почище письма. И если письмо не обязательно целиком общее, то делить посылку начинали уже по дороге с почты.

В укладе нашей жизни было много такого, что напоминало фронтовые будни. Война кончилась всего пять-шесть лет назад, и мы хорошо помнили ее.

Из-за письма приходилось танцевать. («Так было на фронте!») Мамам мы снисходительно прощали излишнюю тревогу и непонимание того, что мы, строители, — как солдаты.

Вечерами, после работы, сортируя мокрую, облепленную глиной обувь, «корочки», как мы ее называли, мы откладывали для стирки портянки не только свои, но и мальчиков, наших товарищей по бригаде. Видите, мы совсем не старались «больше думать о себе», как просили нас мамы. И меньше всего мы думали о своих мозолях, своих хворобах, своем зачастую пустом желудке...

Но Стасик пренебрег этим неписанным законом. И распорядился посылкой единолично...

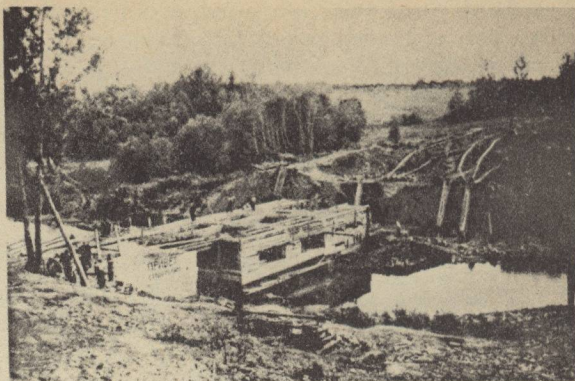
...Принято думать, что откровенные беседы ведутся у костра. Глядя на огонь, человек вроде бы очищается. У нас серьезные — краткие и внушительные — разговоры происходили на плотине. И само выражение «Поговорим на плотине» значило ЧП, значило, что разговор серьезный, с глаза на глаз, не при стечении народа.

Кто именно ходил на плотину со Стасиком — не помню. В тот вечер он не пел у костра. Его отсутствие, правда, могло бы пройти незамеченным: песен, исполняемых по его заказу, вроде бы и не было. Странно было в тот вечер, что при накрапывающем дождичке мальчики совсем плохо поддерживали костер. Все время убегали куда-то. Был момент, когда из нас, девчонок, у костра получился типичный женский хор. И тут уж затянули мы «Лучинушку», «Летят утки». И в нашем исполнении это не придало округе бодрости.

На вечернем дежурстве Толя П. проговорился:

— Со Стасиком ходили на плотину. Спросили, что он — заболел?.. Засыпает плохо, ворочается... Может быть, ему все слышится, как шуршит под одеялом его посылочка?.. Ну, чего там рассусоливать, — закончил информацию Толя, — сводили его на плотину... Авось поможет!

Осенью мы не встретили Стасика на курсе. Кто-то говорил, что он нашел себе другой институт, «по душе».

ТАМ, ГДЕ ЖИВУТ ВЕПСЫ

Константин Феноменов

К вепсам лучше всего добираться на вертолете. Можно и на тракторе. На худой конец — на лошадах, верхом. Ни того, ни другого, ни третьего у нас не было. Был ГАЗ-69, или попросту — «козлик». Рискули.

По лесной дороге, по топким болотистым низинам, по песчаным в сосняке холмам резво бежит «козлик», а в нем костровцы-путешественники едут. От Заборья километров на сто на север лежит их путь, в районную «глубинку».

Проехали Скверы, Боровково, Белую. В Сидорово приехали ночью. Село большое, дома просторные, под шифером или железом. Усадьбы при домах жердем огорожены. Жерди не вдоль земли, а под углом поставлены — не перелезть через такую изгородь. Село вокруг озера раскинулось как по краям миски. Вода в озере чистая, вкусная.

Заночевали в школе.

Утром пришли два мальчика. Обыкновенные, белобрысые, светлоглазые, носы облупленные и в вешушках. Разговорились с мальчишками. Спрашиваем:

- Рыбу-то ловите?
- А то как же!
- Хорошо клюет?
- Да чего ей не клевать-то.

Удочка была у нас, а вот червей не припасли.

— А черви есть тут у вас? — спрашиваем у ребят.

- Есть.
- А где их накопать?
- А под бревнами.
- А где бревна-то?
- В селе.
- Да червей принесли б нам!
- А где их взять?
- А под бревнами!
- А где бревна-то?
- А в селе! — говорим мы, уже не сдерживая смеха.

Мальчишки надулись, заговорили между собой на каком-то языке, напоминающем финский.

- Ребята, а вы не вепсы?
- Вепсы.

Первое знакомство с вепсами состоялось. Потом мы встречались и с другими представителями этого маленького народа. В Радогоще мы разговорились с директором начальной школы, вепсом по национальности. В Пожарище нас радушно принимал председатель сельского совета Федор Андреевич Суворов.

Видели обелиск. Шестьдесят восемь имен погибших воинов — бывших жителей Пожарища и окрестных деревень. Русские и вепсы вместе встали на защиту своей Родины. Во многих деревнях Бокситогорского района стоят такие обелиски. Дома, где жили погибшие фронтовики, отмечены

красными пятиконечными звездами. Люди никогда не должны забыть о тех, кто отдал свою жизнь во имя счастья будущих поколений.

Сегодняшние вепсы живут вместе с русским населением на территории Бокситогорского и Подпорожского районов Ленинградской области, Бабаевского района Вологодской области и Прионежского района Карельской АССР. По переписи 1959 года вепсов насчитывалось не более шестнадцати с половиной тысяч.

Мы побывали в местах, где живут южные, или ефимовские, вепсы, в деревнях Сидорово, Пелуши, Прокушево, Пожарище, лежащих в истоках реки Лидь, по южным склонам Вепской возвышенности.

Жители лесов, побережий рек и бесчисленных озер, вепсы издавна занимались лесными промыслами, охотой, рыбной ловлей. Трудлюбивые земледельцы, они на лесных пожогах выращивали рожь, овес. Разводили пчел. Жизнь сегодняшних вепсов, как и всего населения районной «глубинки» (так называют иногда северо-восточную часть Бокситогорского района), тесно связана с лесом. Много среди них лесорубов и подсобников. Ходит подсобник по основному лесу с лесенкой на плечах. Острым хаком подрезает кору, собирает живицу — смоляной основной сок. Нелегко труд подсобника, но очень нужен хозяйству страны. Без живицы не обходятся ни фармацевты, ни бумажники, ни парфюмеры. Живица — это и скипидар, и канифоль, и синтетическая камфара. Там, где поработал подсобник, стволы сосен напоминают колонны, украшенные строгим геометрическим орнаментом.

Говорят вепсы на языке прибалтийско-финской ветви финно-угорской семьи языков. Их язык родственен языку карелов, ижор, финнов-ингерманландцев, финнов-суоми. Особенно близок он карельскому — его южным диалектам. Все эти языки произошли

от одного древнего прибалтийско-финского праязыка.

Вепсский язык бесписьменный. Правда, вепские слова можно записать русскими буквами. Так, между прочим, и поступают школьники-вепсы, когда им надо написать о своих секретных делах. Но это, конечно, не письменность. Нет у вепсов письменных памятников, литературы, никаких написанных на их языке документов. Вся духовная культура вепсского народа развивалась и сохраняется только устно.

Вепсов впервые открыл для науки только в двадцатых годах прошлого века известный русский ученый-языковед А. И. Шегрен. Но до сих пор происхождение вепсов для науки остается во многом загадочным.

В «Повести временных лет» Нестора-летописца семь раз упоминается народ под названием Вепь. Вепь обитала примерно в тех же районах, что и современные вепсы, между трех озер — Ладожского, Онежского и Белого. Потом название Вепь из исторических источников по неизвестным причинам исчезает. Возможно, что поэтому историк и писатель Н. М. Карамзин, а вслед за ним и другие ученые считали, что Вепь бесследно исчезла.

А. И. Шегрен и некоторые другие языковеды и историки выдвинули теорию о том, что вепсы являются потомками древней Веси и древней Чуди. Убеждают их в этом слова-названия тех мест, где по летописным источникам обитала Вепь. Здесь многие названия легко объяснить, зная вепсский язык. Например: педасельга (пед — сосна по-вепски, сельга — холм, возвышенность), гонгозеро (гонг-сухая сосна) и так далее.

Используя данные языковедения, археологии, летописи соседних народов, наконец, вепсский фольклор, ученые шаг за шагом проясняют картину происхождения и исторического развития вепсского народа.

В ПАМЯТЬ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА СОМИНО ПОГИБШИХ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945

АЛЕКСЕЕВ ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ	КОРЖАЛОВ ВАЛДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ	ПРУСАКОВ АНАТОЛИЙ
АНТОНОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ	ЛОБЕНКОВ ИВАН НИКИФОРОВИЧ	ПУДЕЛЕВ ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ
АНТОНОВ АНТОНОВ	МАРНИН ПЕТР ИВАНОВИЧ	ПУДЕЛЕВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
БУТОРАИН МАРИЯ КЛЕМЕНТЬЕВИЧ	МАРНИН ИГОРЬ ИВАНОВИЧ	ПУДЕЛЕВ СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ
БУТОРАИН ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	МИНИН ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ	САВВИН НИКОЛАЙ ПРОКОРОВИЧ
БУТОРАИН ВАСИЛИЙ МИХАИЛОВИЧ	МИХАИЛОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	САВВИН ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ
БУТОРАИН КОНСТАНТИН АРСЕНТЬЕВИЧ	МИХАИЛОВ ПЕЛТ АЛЕКСАНДРОВИЧ	САВВИН ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ
БУТОРАИН ГАЛАХОВ	МОТОРИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	СКИРЯКОВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА
БУТОРАИН АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ	МОТОРИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	СКОДРОВ ВАСИЛИЙ СИДОРОВИЧ
ДЕРЕВЯЖЕНОВ НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧ	НАГЛЕНИ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ	СКОДРОВ РИККА ВАСИЛЬЕВИЧ
ДУВРОВСКИЙ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ	НАГЛЕНИ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ	СКОДРОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
ЕКИНОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ	НАГЛЕНИ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ	САВВИН ВАЛЕНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ
ЕФИМЕНКОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	НАГЛЕНИ ИВАН ФЕДОРОВИЧ	СКОДРОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
ЖУРАВЛЕВ СЕРГИЙ ИГНАТЬЕВИЧ	НАГЛЕНИ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ	УКЛАДНИКОВ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ
КАЛИНИЧ СТЕПАН СЕРГЕЕВИЧ	НЕЧЕСНОВ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ	УЛАНОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
КАЛИНИЧЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ	НИКИФОРОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ	УЛАНОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
КАЛИНИЧЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ	ОСОКИН ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ	УЛАНОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
КАИМЕНЩИК ИВАН ФЕДОРОВИЧ	ОСОКИН ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ	УЛАНОВ ИВАНОВИЧ
КОНДАРТОВ НИКОЛАЙ КОНДАРТЬЕВИЧ	ОСОКИН НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ	ФЕДОРОВ ИВАН СЕМЕОНОВИЧ
КОПЫЛЕНКОВ ИВАН ИВАНОВИЧ	ФЛАРКОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ	ФЛАРКОВ АЛЕКСЕЙ ФЛАРАТОВИЧ
КОРЖАЛОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ	ПЕТРОВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ	ФЛАРКОВ АРКАДИЙ МИХАИЛОВИЧ
КРИЧЕНКОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ	ПОЗДНЕВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ	ПРОКОПОВ БЕССАЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
КУРАЧЕНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ	ПОЗДНЕВ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ	УКЛАДНИКОВ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ
		УКЛАДНИКОВ НИКОЛАЙ ДАВЫДОВИЧ

ВЕПССКИЕ СКАЗКИ

КАК ЗАЯЦ К ВОЛКУ В ГОСТИ ХОДИЛ

Как-то осенью надумал заяц навестить волка. Собирался, собирался, наконец собрался. Напоил-накормил волк зайчишку. Гость размяк, уходить не хочет. А тут волк пугает:

— Не ходи домой, лиса съест!

— Я лисы не боюсь, я медведя не боюсь, никого не боюсь! — расхрабрился серый.

Возвращался домой — песни пел. Вдруг слышит — лиса догоняет. Совсем близко.

Заяц наутек, песни петь перестал. Бежал-бежал, духу больше не хватает бежать. Видит на пути две березы. Срослись они. «Эх, была не была!» — глаза закрыл и — проскочил. Лиса вслед за ним ринулась и — застряла. Заяц наш руки в карманы, вокруг березок похаживает.

— Захочу — выпущу, захочу — не выпущу. Теперь что вздумаю, то и сделаю!

МУЖИК И БАРИН

Жили-были мужик и барин. Летом и зимой ходил мужик в балахоне. Другой одежды не справить, бедно жил. А барин зимой надевал шубу из медвежьей шерсти.

Однажды поехал мужик в лес нарубить дров. Нарубил — и домой повернул. Едет медленно. Отдышаться впору! Барин ему навстречу. По самые глаза утонул в шубе, а все холодно. Замерз совсем. Спрашивает барин мужика: «Почему тебе мороз не страшен? Весь лоб у тебя в поту».

Мужик не задумался: «Твоя, барин, одежда зимой сшита, потому и холодная. Мой балахон летом скроен, потому и теплый».

Поверил барин мужику. Вот бы самому согреться! И говорит: «Давай поменяемся!» Подумал мужик для виду и сказал: «Балахон-то дорогой, гони сто рублей придачи!»

Дал барин мужику деньги, шубу свою на дровни кинул и торопится надеть балахон. Завернулся барин в мужицкое тряпье, и ну погонять кучера. А мужик в медвежьей шубе опять не спеша поехал. И домой вернулся барин-барином. Только посмеивался, когда рассказывал, как медведя убил...

Записали М. Хямляйнен и М. Муллонен
Пересказала Л. Пожидаева

РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Глеб Горьшин

Самую лучшую тачку назвали Сюзанной. У этой тачки было колесо с подшипниками. Она не скрипела на ходу, а благородно шуршала. Построили ее физики, студенты физического факультета. А нам, студентам-филологам, нам не хватало знания точных наук, чтобы построить такую тачку. Наши тачки нещадно визжали, когда мы их катили из котлована наверх по доске. Колеса в них хлябали. Я назвал свою тачку Катя, а Витя Голвинский назвал свою тачку Маша. Эти имена мы написали химическим карандашом на бортах наших тачек: Маша, Катя.

На наших тачках, на Кате и Маше, мы вывозили из котлована мокрую глину. Ее накладывали в тачки наши девушки-однокурсницы. Они копались на дне ямы в мокрой, вязкой, тяжелой глине. Работа у них была грязнее, чем наша, но поменяться мы не могли. Мы исполняли мужскую работу — водили тачки за ручкорога. Другой механизации у нас тогда не было.

Мы, тысяча студентов, строили Михалевскую ГЭС. Может быть, нас было несколько более тысячи или несколько менее. Но нам нравилось, что нас тысяча. Три четверти тысячи, наверное, составляли девушки. Девушек было много, нашего брата куда меньше, потому что недавно кончилась война. Наш брат катал тачки, плотничал и работал в бригаде грузчиков. Идя на работу, бригада грузчиков пела:

Бригада грузчиков, вперед!
Не допуская в работе срыва.
Бригада грузчиков — олот,
Надежда стройки в час прорыва!

Идя на обед, бригада грузчиков пела:

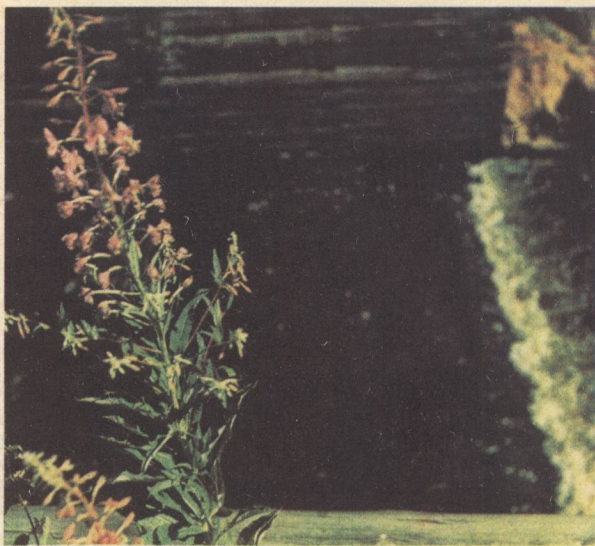
Когда в столовую идем,
Котлы, наполненные кашей,
Со страшной силой рубанем
Мы всей бригадой дружной нашей.

Песня разносилась над плавными пологими холмами. На холмах росла рожь с васильками. Песню слушали жители тихих ржаных деревень. В глубоком, бездонном, безоблачном небе звенели жаворонки.

Но мы не поднимали глаз к нему, не слушали жаворонков. Мы были охвачены энтузиазмом, азартом, пылом соревнования. Если девушки накладывали в мою тачку целую гору глины, то Витя требовал от девушек, чтобы гора на его тачке была больше моей.

В первый раз я услышал жаворонков над васильковыми холмами возле деревни Михалево спустя двадцать лет. Тогда я снова спустился в канал-котлован. Он весь зарос цветами иван-да-марьи. Вода из канала ушла. Речка Тихвинка обмелела за двадцать лет. Она крутила турбину нашей студенческой ГЭС. Электричество ручейками текло в Михалево, Николу, Панькино, Пятино, Сухую Ниву. Теперь сюда подвели поток большого электричества и маленькая Михалевская ГЭС перестала тархатеть, замолчала.

Мы построили Михалевскую ГЭС. Не мы, конечно, — плотники срубили здание электростанции, механики и слесари смонтировали динамомашину. Мы — тысяча студентов — выкопали обводной канал-котлован. Тихвинка в те годы была судоходной рекой. По ней медленно — от шлюза к шлюзу — плыли пароходы и баржи. Они могли дoplыть от Балтийского моря до самой

Волги. Тихвинке едва хватало силенок для тяжелой работы судоходства. Но она поделилась своей силенкой, и тихвинская вода побежала по нашему каналу, закрутила лопасти турбины.

Когда построили большой Волго-Балт, судоходство на Тихвинке прекратилось. Без работы речка состарилась...

...Жаворонки журчали, звенели в небе, праздновали свое короткое северное лето. Я стоял — по щиколотку в цветах — на дне бывшего канала и думал, что нет ничего на свете короче, чем годы прожитой жизни. Будто только вчера мы с Витей катили тачки вот здесь.

Вите хотелось тогда окрепнуть и закалиться, чтобы прожить предстоящую жизнь хорошим работником. Еще в детстве ревматизм ослабил его сердце. Витя горько переживал свой недуг и решил не поддаться ему. Он хотел переделать себя. Он катал тачку, полную глины, и по ночам шупал мускулы. Мускулы становились крепче, и сердце его работало ровно.

На строительстве Михалевской ГЭС мы все изрядно окрепли. Окрепили наши глотки, потому что, идя на работу строем, на обед, с обеда, с работы, мы пели песню. Любимая наша песня была про Сюзанну:

Э-ге-ге-гей, Сюзанна, любимая моя!
После долгих лет разлуки я пришел в свои края.

Мы построили Михалевскую ГЭС, и на будущий год, едва настали летние каникулы, приехали в Пожарище строить Пожарищенскую ГЭС. Электричество потекло в укрытые от всего мира лесами деревни Пожарище, Прокушево, Перелесок, Радогоща, Полуши, Бор.

В Пожарище мы повзрослели, стали мужчинами, здесь завершилось наше землекопское образование, отвердели юношеские кости и мышцы. Мы с Витей катили тачки, так же, как в Михалево, но уже не давали тачкам ласковых девических имен.

Нашей любимой песней по-прежнему оставалась «Сюзанна»: «Э-ге-ге-гей, Сюзанна, любимая моя! После долгих лет разлуки я пришел в свои края».

Зимой, когда речки Тихвинка и Лидь замерзали и электричество меркло, мигало в Михалево и Пожарище, Витя приезжал в эти ставшие для него своими края, — с ружьем и котлом. Он останавливался на Тихвинском шлюзе у охотника Николая.

Виктор Головинский

Поздней осенью он охотился на зайцев «на узерку», то есть ходил по лесу и высматривал лежащих под кустами беляков. Зайцы, в предвиденье снега, делались белыми, а лес оставался черным, бурым, мох зеленел. Зимой Витя отыскивал зайцев по следу. Он их «тропил». Тетерева Витя приманивал на чучела. Он привязывал ватные чучелки к вершинам зимних берез и осин. Тетерева подсаживались к чучелам. Витя их терпеливо дождался внизу в шалаше.

Вите нравилось жить, размышлять, читать книги, строить электростанции, охотиться на зайцев и тетеревов. Плечи и грудь его раздались. Росту в Вите было сто восемьдесят сантиметров. Подбородок его упрямо торчал вперед. Высокий лоб обрамляли густые русые кудри. Когда Витя смеялся, уголки его губ подымались вверх — признак доброго нрава и светлой души. Когда Витя гневался, его брови сламывались пополам — признак характера, воли.

Следуя Витиному примеру, я купил ружье, стал отыскивать зайцев «на узерку», привязывать к березам тетеревиные чучела, приманивать уток кряканьем, а рябчиков — тоненьким свистом. Осенью лес окутывал себя пламенем и сгорал. В истовом, ярком самосожжении леса чудились праздник, веселье. Зимой лес облачался в парчу и жемчуг, в хрусталь, серебро, кисею. Лес праздновал зиму. Весною он созывал на праздник лучших в мире певцов, дударей, флейтистов, волыничников, кларнетистов, барабанщиков, скрипачей.

Однажды Витя написал рассказ про охотника Николая. Начинаясь он так: «В начале мая сорок пятого года старшему сержанту Николаю Малинову разрывом мины обожгло лицо, выбило левый глаз, в правый попал осколок. В госпитале сделали попытку возвратить ему зрение, но тщетно.

Николай, измученный четырьмя годами фронта, не слушал врача, ругался, отказывался от операции. Он вернулся домой слепым. Но весной, когда зазвучали лесные оркестры, когда журавли на болоте сыграли

бобудку и на полянах запели тетерева, Николай попросил жену поставить шалаш на току, сводить его на охоту. Они сидели зорю, слушали, как поют косачи. Николай чуждым, подманивал их к шалашу. Жена держала на колених ружье Николая. В первый раз она промазала, а в другой раз попала. Николай принес домой тяжелую птицу. И в этот и в следующий день он был молчалив, тих и задумчив, не раздражался, не морщил круглого лба, не ругался, а только часто выходил на крыльцо и стоял там, прижавшись щекой к столбу, так что издали казалось, стоит человек и любуется ширью полей, лежащих за рекой, пружными облаками, медленно плывущими по умытому весеннему небу».

Николай решился поехать в город, к врачам, еще раз попытать свое счастье. Ему вернули несколько процентов зрения. Виктор написал рассказ о том, как человек приобщился к вечному празднеству русского леса, и лес вселил в него волю вернуться к жизни. Рассказ назывался «Лесная песня». Его напечатал толстый журнал.

Вскоре после этого я тоже сел за бумагу и написал рассказ про охоту. Я принес его Вите, Витя прочел. Витины брови сломались пополам, уголки Витиных губ вздернулись вверх, зрачки его светлых, серо-голубоватых глаз заострились. Витя наставил в меня свой подбородок:

— Видишь ли, парень, — сказал мне Витя, — по-моему, это — игра, баловство: пейзажи живописать. Чтобы сделать что-то стоящее в литературе, надо чувствовать душу рабочего человека. Ничего я не могу сказать тебе утешительного.

Витя резал в глаза правду-матку. От его правды в моих глазах появилась некоторая резь.

Мы закончили университет и поехали работать на целину, на Алтай — я и Виктор Головинский. Нас приняли литсотрудниками в редакцию газеты «Молодежь Алтая». Мы приехали осенью, нам предстало огромное поле пшеницы. Великое множество всевозможного приезжего люда трудилось на этом поле, жужжали комбайны и трактора. Пыль от машин застилала солнце. Явившийся нам мир был велик и нов, как неведомая планета. Он звучал и подрагивал от напряжения, охвативший планетарным трудом.

Витя вошел в этот мир, как входит в знакомую реку пловец, не щупая дна, не пробуя воду. Через неделю наша газета напечатала первую Витину корреспонденцию.

Когда я написал мою первую корреспонденцию, то я ее сравнивал с Витиной, вот так же на стройке мы примерялись, кто больше вывезет глины из котлована.

Однажды он отыскал в целинном таборе небольшого роста парнишку Юру Волкова; Юра прежде жил в Ленинграде, в детстве ему отрезало ногу трамваем. Его не пускали на целину, но все равно он приехал и стал комбайнером. Витя напечатал в нашей газете маленькую повесть о маленьком настоящем человеке — Юре Волкове.

Зимой Витя сочинил одноактную пьесу «Суд над коровой». Корова не приносила должного количества молока, и колхозное начальство рассердилось на нее. Корову решили судить. Роль коровы играл в своей пьесе сам Витя. С комсомольской агитбригадой, на лыжах, он отправился в дальний поход по колхозам. Мороз не опускался в ту зиму ниже пятидесяти, но и не подымался выше сорока. Витя поморозил уши и нос.

Я вовсе не хочу сказать, что мы, сотрудники Вити, прятали от мороза носы; каждый вез, в меру сил, свою тачку. Но в каждом коллективе людей, даже в бригаде равных работников, бывает застрельщик, лидер.

Через два года Витю Головинского назначили заведующим отделом пропаганды. Но как-то в начале лета он уехал с геологической партией на Восточный Саян.

— Надо, парень, идти поработать не только перышком, а руками. Потом будет поздно. У Джека Лондона Смок Белью, когда ушел из газеты и отправился в

У КОСТРА

Владимир Торопыгин

1

Костер
густые тени стер,
и ночь вокруг
ослепла...

Мы разожгли с тобой костер
в лесу
на старом пепле.

Здесь
ровно двадцать лет назад
горел
в ночи беззвездной
костер студенческих бригад
со стройки межколхозной;

варили пшенку в котелке,
счищали с курток глину,
построив на лесной реке
для сельской ГЭС плотину...

И вот опять
горит,
высок,
костер
у старых бревен.
И наш походный котелок,
как черт чумазый, черен.

Журчит в тумане речка Лидь
задумчиво и плавно...

Горит костер
и говорить
зовет
о самом главном.

2

Горит костер...
И дым над ним
свои сплетает нити...

Давай
сперва
поговорим
о звании строитель.

Трудились здесь
в седой ночи
и днем
в тумане мгlistом
студенты:
физики,
врачи,
филологи,
юристы.

Но выше званья —
было так —
не знал никто —
спросите! —
чем это,
гордое, как флаг,
и чистое:
строитель.

Да и теперь —
прошли года! —
любой из них
не скроет:

«Мечта у всех
одна всегда:
трудом
Отчизну
строить!»

Недаром, добрый труд ценя
в советской нашей жизни,
зовут тебя,
зовут меня
строитель коммунизма!

3

Горит костер...
и дров в костер
подбрасывать не нужно!..
Идет
о главном
разговор.
О чем теперь?
О дружбе.

Когда горели здесь костры
студентов, дружбе верных:
«Я, — говорили, —
во-вторых,
мой друг, —
всегда, —
во-первых!..»

Придет обед —
настанет срок
делить
и хлеб, и пшенку:
«Сначала —
другу в котелок,
а я пока —
в сторонку!..»

Одно
в палатке место есть,
и сена есть
охапка:
«Ты, друг, ложись,
а мне и здесь
пока еще
не зябко!..»

Таков закон
суровых дней —
не добрая услуга...
И лишь туда,
где потрудились,
стремились
раньше друга...

И каждый
дружбой дорожил,
был ей гордиться вправе.
Должно быть,
Пушкин так дружил,

стихами
дружбу
славя.

Теперь встречаются они —
солидные мужчины —
дни встречи их —
совсем как дни
лицейской годовщины...

4

Горит костер...
Вокруг костра
все искры —
недотроги...

Поговорить
пришла пора
о песне,
о дороге.

Ты встань у родного порога,
вокруг посмотри, посуди:
дорога,
дорога,
дорога,
дорога у всех впереди.

Ты знаешь, что нужно
с отважных и дружных
всегда и повсюду
брать в жизни пример.
Дорога терниста —
трубите, горнисты!
Готовься в поход, пионер!

Нет в жизни подъемов отлогих.
Возьми эту песню в друзья:
в дороге,
в дороге,
в дороге,
в дороге без песни нельзя.

Ты знаешь, что нужно
с отважных и дружных
всегда и повсюду
брать в жизни пример.
Дорога терниста —
трубите, горнисты!
Готовься в поход, пионер!

Дорога —
это дикий лес,
просторы тундры голой.
Дорога —
зданья новых ГЭС,
сады,
дворцы
и школы.

Пусть странствий синие ветра
в пути тебе помогут!
Пусть золотой огонь костра
Зовет тебя в дорогу!

5

Костер
густые тени стер,
и ночь вокруг
ослепла...

Мы разожгли с тобой костер
в лесу
на старом пепле...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Ленинградская область
Бокситогорский район
Почтовое отделение
Михалёво, деревня Никола
Вите Тайганову.

Дорогой Витя!

Выполняю обещание — пишу тебе письмо...

Помнишь, в начале июля рядом с твоим домом остановился газик и из него вышло шесть человек, шесть журналистов?.. Мама и папа угостили их молоком, и ты повел гостей „на ГЭС“ — на место бывшей Михалевки. Когда расставались, ты попросил журналистов написать тебе письмо, — после конца путешествия, — о том, как им понравились твои края, что они увидели в соседних с Николой деревнях... Журналисты (в частности, я) обещали. Вот я и пишу...

Витя! Нам очень понравились твои края! Мы видели их и раньше, когда работали на строительствах электростанций, но те впечатления забылись, и в июльскую поездку мы, словно впервые, открыли для себя ефимовские леса, реки и озера.

Ах, как многоцветны летние лесные поляны: иван-да-марья, ромашки, колокольчики! И вокруг — розовые пожары иван-чая!..

А речка Лидь во многих местах совсем коричневая. Но не оттого, что в ней вода такая, а оттого, что по берегам растут медноствольные сосны — отражаясь, они и перекрашивают воду.

А песчаные откосы — сплошь в красных звездочках земляники!..

В Лукинской я, Витя, разговорился с твоими ровесниками Колей Смирновым и Колей Семеновым. Им, как и тебе, осенью предстояло покинуть деревню, уехать в школу-интернат. Ребята сказали: „Будем жить далеко от дома и все время вспоминать родные края. Какие у нас здесь грибы, ягоды!.. А случится, еще дальше уедем — все равно вернемся!“

Я им поверил: разве можно оставить такую красоту?! А еще я поверил потому, что ребята они смывленные, разговор дальше у нас пошел вот о чем:

— Сенокос сейчас... А луга — каменистые... Косилка не везде пройдет... Мужиков бы надо!.. А их в деревне всего трое...

Поговорили мы и о том, что не везде в районе дороги хорошие, и о том, что многие клубы ремонта требуют... Ребята рассуждали серьезно, по-хозяйски. Вот и тут мне подумалось: не могут они не вернуться в свои края, не потрудиться над тем, чтобы они стали отстроены, краше!

Теперь, Витя, о делах бывших электростанций...

Верно: отслужили они свой срок и никому, вроде бы, не нужны (вот только металлолома вокруг них много, его бы все-таки собрать надо, — поговори об этом с ребятами!). Отслужили-то отслужили, но забывать о них, мне кажется, не следует: ведь они пример и труда, и мужества! Как дела комсомольцев в гражданскую, в первые пятилетки, в Великую Отечественную... Вот какой они еще могут дать свет!

По-моему, Витя, там, где находились сельские электростанции, надо бы поставить памятные доски: какими студенческими отрядами построены, с какого по какой год работали... И сделать это должны пионеры — ведь им продолжать то, что начали послевоенные строители в их районах!

Я бы не забывал об истории студенческихстроек и в школьных музеях. Разве не интересно собрать дневники, фотографии, письма тех, кто дал когда-то электричество твоему колхозу?! Не только товарищи по школе, а и сегодняшние студенты-строители придут познакомиться с такими экспонатами!

Подумай обо всем этом со своими товарищами!

Успехов тебе в учебе!

Будь здоров!

Привет от всех журналистов-путешественников —

дядя Володя.

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ПОХОДЕ

ШАТЕР

Большинство бойцов до сих пор и не знали, что горка, куда лагерь бегал собирать орехи, носит красивое название — высота «Шатер».

Впрочем, и бойцами-то ребята из пионерского лагеря имени Дзержинского, что лежит на дороге из Кишинева в Кагул, стали только тогда, когда началась подготовка к «Зарнице». Но, как бы там ни было, теперь они зачислены в бойцы, и им предстоял нелегкий поход «с последующим штурмом высоты Шатер», как говорилось в приказе.

Перед походом у каждого хлопот хоть отбавляй, но особенно заняты были командиры.

КОМАНДИРЫ

Они собрались на военный совет: командир первого батальона, командир второго, начальники штабов, командиры спецгрупп. Командир полка выслушивал отчеты и предложения.

Командир 1-го батальона Володя Кучеров: «Весь личный состав подразделения в надежных укрытиях. Противогазы, дозиметрические приборы, оружие — в полном порядке. Батальон готов выполнить приказ командования».

Начальник штаба 2-го батальона Слава Левин: «Обстановка требует немедленных действий. Возможен повторный налет. Предлагаю выступить немедленно».

О готовности своих подразделений докладывают все по очереди.

Командир полка озабочен предстоящим переходом не меньше, чем его подчиненные. Хотя Дмитрию Матвеевичу Пшеничному довелось участвовать в походах, которые никак нельзя было назвать игрой (об этом напоминает орден Красной Звезды на его груди), он считает нынешнюю «Зарницу» весьма серьезным делом. Еще бы! Ребят в походе ожидает условная ядерная атака. Все должны назубок знать порядок действий в атаке и после, должны уметь быстро обезопасить себя, провести дезактивацию.

Атака будет условная, а действовать придется по-настоящему! К тому же в пути их ожидают препятствия, заграждения, засады...

ЗАСАДА

Саша Семенов, рядовой боец 2-го батальона, не очень боялся вражеской авиации, минных полей, заграждений.

Саша боялся «мертвой точки».

Так получилось, что за все свои тринадцать лет Саша еще ни разу не ходил в военные походы, но много о них читал и слышал. Он знал, что самое главное в каждом походе — преодолеть «мертвую точку» и что не всякий эту самую точку может преодолеть. Для этого нужна сила воли. А есть ли сила воли у него, у Саши? Может, да, — может, нет. Просто еще не представлялось случая проверить.

К походу Саша готовился и вместе со всеми и отдельно — бегал по утрам кроссы вокруг лагеря. (Все книги дружно советуют бегать кроссы, чтобы выработать силу воли). Утром, когда воздух чист и прохладен, выработать волю было очень приятно.

Обелиск в память бойцов 161-го полка

Когда же Саша вместе с другими бойцами разведзвезда при тридцатиградусной жаре продирался сквозь заросли, ему вскоре показалось, что волю он, видимо, недовыработал. Да еще эта «мертвая точка!» Так и чувствовалось, что она, подлая, вот-вот наступит — кеды на ногах как свинцовые, карабин, кажется, превратился в миномет.

Саша уже собирался предложить командиру разведки Володе Пехотину устроить привал, как вдруг командир произнес негромко: «По пути движения танковая засада».

Саша помчался с донесением к колонне.

Уничтожить танки противника было поручено ударной группе. Здесь все ребята как на подбор, а впереди — Валера Пашков, опытный спортсмен, самбист.

Ударная группа и разведчики стремительно зашли с фланга и забросали танки гранатами. Даром, что гранаты деревянные, а танки нарисованные, Саше показалось — земля ходуном заходила! Саша попал своей гранатой в башню. Но первым поразил танк Сережа Истомин.

— Прямо в бензобак, — похвалил его командир.

— Ура! — закричали гранатометчики.

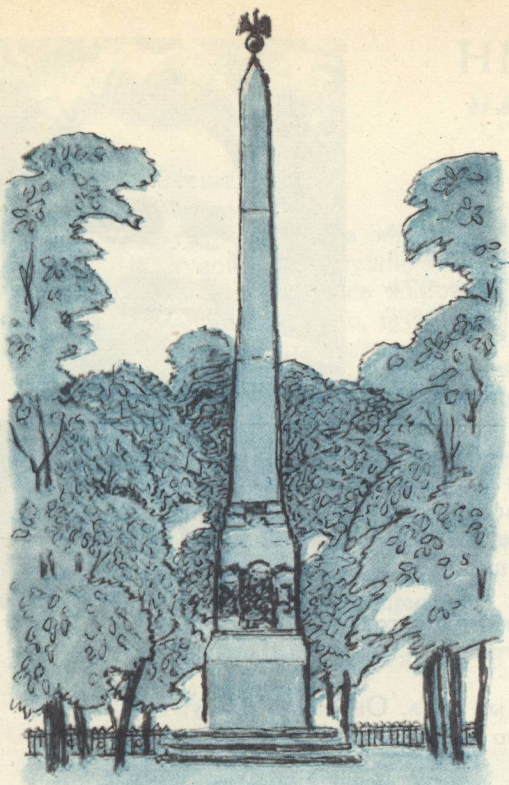
— Засада ликвидирована, — докладывал Валера.

— Ура, — кричал вместе со всеми Саша. Он чувствовал, что наверняка миновал «мертвую точку» и даже немного жалел, что не заметил ее, но все равно кричал: «Ура!»

А между тем над кустами зловеще расплзлось мглистое облако.

МГЛИСТОЕ ОБЛАКО

У Саши Губашевича характер — железо. Его роль в этом походе называлась никак уж не романтично — «ответственный за обеспечение движения». Однако наступила минута, когда от обладателя железного характера зависит все.

Обелиск «Румянцева победам» в Ленинграде

Страшен ядерный удар. Но если бойцы вовремя надежно укрыты, если все успеют надеть маски и марлевые повязки, если не будет паники и беспорядочной беготни, а каждый четко выполнит свои обязанности, — тогда потери будут невелики.

За эти полчаса Саше Губашевичу пришлось произнести слово «стоп» больше раз, чем за всю остальную жизнь.

А ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД

«Армия вашего императорского величества не спрашивает, как велик неприятель, а только ищет, где он», — так писал полководец Румянцев Екатерине II, когда русские полки летом 1770 года вступили в пределы Бессарабии. Поход был ответом на опустошительные набеги турецких янычар.

Великий князь Халиль-паша расположился со своими главными силами у реки Кагул. Визирю и его европейским советникам и на ум не приходило, что русские, которых в пять раз меньше, осмелятся потревожить турецкое войско.

Но именно на это и рассчитывал Румянцев. Он рассчитал свои силы на пять дивизионных каре — четырехугольные пехотные построения с артиллерийскими построениями внутри. По его плану надлежало отказаться от привычного тогда сражения, где сходятся врукопашную; атакуя с разных направлений, каре должны были врезаться во вражеский лагерь, разрушая боевые порядки турок...

И вот в турецком стане замешательство: неясно, где начнется бой, куда стягивать силы. Визирь посылает навстречу неверным отборные части. Беспорядочный наскок янычар отбит густым ружейным огнем, а вослед откатившимся толпам палит картечью артиллерия.

— Стоп! Все, что побывало в зоне заражения, должно пройти дезактивацию.

— Стоп! По зараженной территории идти быстро, но не бежать!

— Стоп! Одежду забыл почистить!

— Стоп! Вымыть руки!

— Стоп! Буба!

Да, уж и не рад был дурашливый Буба, щенок шести месяцев от роду, что увязался за юнармейцами, — и его дезактивировали водой и щеткой, хоть он и скорчил при этом пренедевольную мину.

МИНЫ И ШТУРМ

Вот она, высота. Но у подножья — минное поле. Ползет сапер Коля Стамборский. Майор Землянский (наблюдатель) прильнул к окулярам бинокля. Действия сапера четки — мина обнаружена, проход проделан...

Штурм!

Что такое штурм — рассказать нельзя. Это надо почувствовать самому. Кто участвовал в зарнице — знает. Кто еще не участвовал — узнает обязательно.

Скажем только, что штурм пережили все, даже те, кто не бежал с оружием в руках в атакующей цепи.

Санитарка Лена Кожухова, например, в эти последние решающие минуты боевых действий обернула вокруг предплечий, лодыжек и голов «раненых» столько бинта, что его, наверное, можно было бы растянуть на длину всего пройденного маршрута...

Эхо ответило последнему хрипловатому «ура», и наступили минуты тишины.

МИНУТА ТИШИНЫ

Белый обелиск.

Под этим обелиском лежат сорок два бойца 161-го стрелкового полка.

Сорок два, павшие в самом начале Отечественной войны, в июне 1941 года.

Шестнадцать имен на обелиске. Имена остальных пока неизвестны. Но, как и эти шестнадцать, они будут восстановлены стараниями тех, кто застыл перед обелиском в суровом строю, крепко сжимая в руках настоящие пока автоматы.

Ю. Михайлов

ВЛАДИМИР ЦЫБИН

Дорогие ребята!

Каждый из нас, ставших взрослыми, когда-то жил, как и вы, в прекрасной республике, где все исполняется, и эта республика — детство. Только грустно чуть-чуть что уже в нее не вернуться. Туда нет ни виз, ни дорог. Туда не летают ни самолеты, ни ракеты.

И все равно иногда в мечтах возвращаешься туда, где было тебе десять лет и на шее у тебя развевался красный галстук...

Самое яркое впечатление моего детства — бабушка Пелагея Петровна. Бабушка была маленькая и добрая. Мне, по моему мальчишескому разумению, тогда казалось, что кто выше, тот и старше... Так вот, в этой иерархии бабушка была приравнена к старшим моим братишкам.

Все самые дорогие, самые поэтические картины моего детства связаны так или иначе с моей бабушкой — Пелагеей Петровной Позмоговой.

Помню снежок мохнатый, похожий на белых пчел. Он падал сразу, густо, и вокруг от него светлело. А потом долго лежал и старел. На морозе снег скрипит. И так это чудно выходит.

— Что это? — спрашиваю я.

— Это морозу больно, — говорит бабушка.

— Сколько тебе лет? — однажды спросил я у нее.

— Годочки, как листочки, — сказала Пелагея Петровна, — только листочки упадут — другие вырастут. А года выпадут — и нет их. Это у меня. А у тебя — колокольчики: чем больше их станет, тем звончей они звенеть будут.

И еще помню: над нашей избой радуга перевесилась. Я бегу изо всех сил к избе, чтобы рукой потрогать радугу. А когда добежал — пусто.

— Где радуга? — спрашиваю у бабушки.

— Я печь затопила. И дымом ее отнесло к другим избам. Ишь какая нарядная — пусть и другие порадуются.

Бабушка научила меня беречь радость не только для себя одного. Вот почему для меня не случайно стихотворение «Бабушка». Ведь то, чему отдано твое сердце, скорее всего и напишется.

Вдохновенье рождается из поэтического материала. Самого по себе в чистом виде его нет. Может быть, вдохновение — преодоленная трудность? Не знаю. Не только тогда, когда я берусь за перо, я призываю к себе вдохновенье, а все время, из минуты в минуту, изо дня в день.

Нельзя жить невдохновенно, а писать вдохновенно. Надо жить так, чтобы писать хотелось. Может быть, и поэтический талант это и есть во многом жить вдохновенно. Тогда поэзия не будет придумкой, пусть красивой, но придумкой.

В повседневной жизни мы не замечаем березы, а перед баобабом в изумленье замрем. Так стоит ли из-за этого, скажем, пытаться вместо березовых роц в Подмосковье, например, сажать баобабы! Да и примутся ли они? Я здесь говорю о том, каким бы тебе ни казался скромным твой опыт, но он в поэзии, как, впрочем, и в жизни, лучше заемного, чужого.

Вот на какие размышления меня навел разговор о моем стихотворении «Бабушка».

В Цыбин

БАБУШКА

У стены,
на печке душевой,
за трубой, как за горой,
я, худой и золотушный,
целый день лечусь жарой,
целый день потею, щуплый,
без забавы, без игры
под дремучей, толстой шубой
возле бабкиной иглы.

Я лежу в тепле, как в путях,
и сквозь сна густой завал
слышу охи бабок пухлых:
— Как бы к марту не завял! —
Мне хотелось за калитку,
на снежок, на солнцепек...
Тихо бабушка за нитку
тянет сказки колобок:

засыпая возле бабушки,
возле сказки тяжело.

И все утро колдовала
бабушка над пирогом,
отрубями набивала,
накрывала чугуном.
— Ох!
Испеку пирог!
Пятерым не съесть,
семерым не съесть,
чтоб лежал он скобочкой
под хрустящей корочкой,
под розовой, каленой,
как царь под короной!

Прямо с пламени, хваленый,
аржаной мукой холеный,

— За толстым гусаком
ходит утка босиком,
чулки новы,
пятки голы,
носки —
вы-па-дали!..

Будто я ходил средь города,
где одни дворцы стоят,
где ни холода,
ни голода —
белый, ситный хлеб едят!
Ждал, чтоб солнечных оладушек
утро в небе испекло,

тот пирог я утром ел,
так, что он во рту хрустел!
Так я ел его, покуда
по весне на третий год
не ушла моя простуда,
вся хвороба
в жар и пот...

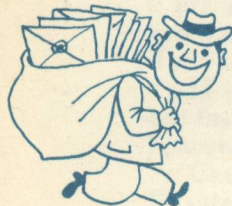
Возле печки у окалин
как домой меня ждала!
Месяц греется о камень,
под которым ты легла.
И пришел сюда покаяться,
что приехал я не в срок.
Не вернется, не покатится
в сердце бабкин колобок...

БИЧЕНКОКСКАЯ ПОЧТА

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Что бы там ни говорили, Биченкокия существует. Пусть она не имеет ярко выраженных границ, что мешает нанести ее на карту. Пусть население ее не поддается учету и подсчету. Она есть! Наш Почтарик первым побывал в Биченкокии, описал нравы и обычаи ее жителей и ведет с ними обширную переписку. Почтарик любезно согласился поделиться с читателями «Костра» путевыми впечатлениями, а также печатать время от времени избранные места из биченкокской почты.

И вот первая беседа в редакции...

— Месяц в Биченкокии промелькнул, как один день, — начал Почтарик, поглаживая свою роскошную бороду. — Конечно, в Биченкокии ухо надо держать остро. За одни сутки в этой стране мне успели подложить лягушку под подушку, сунуть за шиворот муравья, пустить ледяную струйку из дырявого мячика прямо в ухо, связать шнурки моих ботинок тройным корсарским узлом... Разумеется, в культурной стране спокойней. Там перед нашим носом не станут взрывать бомбочки из спичечных головок. Не будут кричать петухом, зная, что вы Петухов, и дико рычать вам навстречу, зная, что вы Львов... Да, Биченкокия для тех, кто не боится неожиданностей.

Однажды я посетил один удивительный биченкокский городок. Он весь был украшен национальными флагами, похожими на конверты авиа-почты, гирляндами цветов и призывами: «Все на конкурс!» «Что это у вас?» — спросил я. «Трали-вали! — крикнул мне на бегу местный житель. Как и все остальные, он куда-то страшно спешил. — Фокус-покус! Кто получит больше писем и открыток за неделю! Сегодня последний день! Решающий! Итоги подводят!..» Растерянно стоял я посреди улицы. Мимо меня, толкаясь и тяжело дыша, мчались биченкоки с портфелями, набитыми свежей почтой. На перекрестках стояли большие весы. Письма уже не считали — их взвешивали...

— Все это выдумка! — смело заявил один наш сотрудник.

— Выдумка?.. — Почтарик достал из сумки письмо и протянул его недоверчивому сотруднику. Тот прочел вслух: «Дорогой Почтарик! У нас в классе конкурс, кто больше писем получит. Умоляю, пришли мне двадцать адресов, я очень хочу победить на конкурсе! Заранее благодарю. Таня Павелецкая».

ПОЧТАРИКУ ПИШУТ...

«С приветом к вам В. Вера...» «Пишет вам Наташа К.» «Итак, до свидания, ваш читатель Д. Коля».

Здравствуй, В. Вера. Как поживаешь? Привет тебе от Т. Володи, К. Саша, К. Лиды, Т. Сережи, Л. Леша, П. Лиды, Н. Феликса, Н. Наташи, О. Олега, Ю. Юры и других товарищей. Передай привет А. Юре, С. Коле, И. Зине, Ч. Маше, Д. Шуре, П. Гале и всем-всем-всем... Твой П.

«Пришлите, пожалуйста, Англию...»

Не знаю, что и делать, голубчик Ляня. С трудом запищал Британские острова в посыльный ящик, а Темза вытекла! Собираю по капельке...

«Я скажу по правде, дорогой Почтарик, что я очень люблю писать письма...»

А скажу тебе по правде, дорогая Тоня, что я обожаю на них отвечать.

СОВЕТ ДРУЗЕЙ БИЧЕНКОКИИ

«Дорогой Почтарик! Недавно один знакомый биченкок пригласил меня на день рождения. Вообще-то было не то чтобы очень хорошо и не то чтобы плохо. После праздничного обеда мы стали играть в КВН. Но было как-то не очень интересно. Посоветуйте, как можно интересно и весело провести свой день рождения».

Люсьена Дмитриева

Друзья! Напишите мне, как празднуются дни рождения у вас в семье. Самые интересные письма мы напечатаем и поможем этим не только Люсьене, но и многим другим биченкокам, которые скучают в этот торжественный и прекрасный день.

Почтарик

ЛЕНЬКА-САДОВНИК

ПОВЕСТЬ

Алексей Леонов

Рисунки Т. Капустиной

12

Всю ночь Леньку мучила боль в ноге. Он прикладывал листья подорожника и сирени. Лишь рассвело, он сходил за тапкой и там в саду нашел «ежа» из колючей проволоки. Вокруг раны начинался нарыв. Наступать можно было лишь на пятку, и, чтобы легче было ходить, Ленька вырезал себе палку.

На завтрак домой он не пошел, ел ягоды и ранние яблоки, потом сходил за горохом. В деревне вдруг поднялся шум: кричали мальчишки, смеялись взрослые — как будто в праздник люди сошлись на веселье. Ленька, хромая, вышел на выгон. У теткойной избы было много народу. По дороге ребята катались на ишаке. Садись верхом по двое, третий, опершись рукой, припрыгивал рядом. Ишак бежал, брыкался и, резко останавливаясь, вдруг сбрасывал седоков. Но ребята не унимались.

Ленька сложил рупором ладони и позвал Измаила. Ишак прокричал в ответ, словно пожаловался на обидчиков, и притрусил к Леньке. За Измаилом прибежали ватагой мальчишки. Ленька прогнал их и увел ишака в сад.

*

Перед обедом приехал верхом на новом жеребце председатель. Видимо, он объехал все бригады — шерсть на жеребце лоснилась от пота.

— Как яблоки, созревают? — заговорил он, спешившись.

— Можно есть, — ответил Ленька.

— Можно или уже едите? — не глядя на Леньку, спросил он. — Говорят, всех ребят тут собираешь, безобразничаешь?

— Нет, я не собираю, — ответил Ленька. — Один ночевал.

— А с кем стрельбой занимался?

— Я не стрелял, — ответил Ленька. — Ребята тут стреляли, когда я за лошадьми ездил... Вместо Володьки... Его не было... Тетка Варя попросила.

Окончание. См. «Костер» № 1, 1971 г.

— Знаю. За это хвалю.

Председатель заглянул в шалаш, копнул сапогом золу и, подняв стреляную гильзу, спросил:

— Из чего стреляли?

— Не знаю, — ответил Ленька, краснея, — не видал. Они говорили, что в огонь бросали патроны...

— Не учишь врать.

Леньку прошибло потом. Было неловко за вранье и обидно, что председатель отберет об-рез.

— За огнестрельное оружие судят, — сказал председатель, — но поскольку ты сторож, разрешаю тебе временно пользоваться. Только вот, что за штука, покажи.

Ленька вытащил из-под сена обрез. Председатель повертел его в руках, улыбнулся и вернул.

— Тоже мне — оружие нашли. Если из него еще можно стрелять, то холостыми только, пули из патронов повынимай. А ребят — по-дальше отсюда.

— Ладно, — ответил Ленька.

— А что с ногой? — заметил председатель.

— Наколол. — Ленька показал «ежа». — Кто-то бросил...

— В войну чего только ни набросали... К доктору, может, надо?

— Нет, — ответил Ленька. — Заживет.

— Ну, смотри.

Председатель сорвал несколько яблок и через луг ускакал в деревню. Ленька сел на Измаила, объехал сад и спрятался в шалаш. Боль в ноге утихла, и он уснул.

*

Проснувшись, он увидел Измаила, стоявшего задом к шалашу. Вскочил в тревоге, забыв о больной ноге, и сразу застонал, сел. В саду вдруг послышался шум — трясли яблоню. Ленька оттолкнул от шалаша Измаила, сел на него и направился туда, где слышен был шум.

Два мальчугана слетели с яблони и скрылись в кустах. Ленька погрозил им и вернулся к шалашу.

Сестренка принесла ему обед и письмо от брата. Ленька сперва принялся читать письмо.

— Вслух почитай, — попросила Полянка. — Володька читал, да он по одной буковке, а какие и не знает... Ой! А что у тебя с ногой?

— Распорол ногу, — ответил Ленька. — Матери не говори.

— Как же не говорить! А если у тебя нога болеть будет?

— Не будет. Не мешай читать.

Брат находился в Ярославле. В письме он сообщал, что скоро будет на новом месте. Письма не велел писать. Многим были приветы, а потом стихи, сочиненные им:

У родной избушки
Белая береза.
Фартуком старушка
Утирает слезы.
Ждет она сыночка,
Ждет с войны родного
И ласкает дочку
И сына другого.

— Это он про нас, — сказала Полянка. — И мать так сказала.

У Леньки навернулись на глаза слезы. Он наклонил голову, чтобы сестренка не заметила слез, дочитал письмо и положил его на сено.

— Лён, а ты без рубахи?! Как же так? — спросила Полянка.

— Ничего, в фуфайке побуду, пока нога пройдет.

— Хочешь, я сбегаю за рубахой?

— Сбегай. И тряпку подходящую найди.

Полянку словно ветром подхватило, понесло из сада.

Обедал Ленька, лежа на животе. Перед ним стоял Измаил, поводил ноздрями и помахивал головой, словно завидовал. Ленька оставил ему немного щей, но Измаил лишь замочил верхнюю губу и отвернулся.

— Не хочешь? Тогда не смотри на меня. Иди траву ешь.

Измаил словно понял Ленькину речь, пригнул голову и отошел.

А Ленька наелся и выбрался из шалаша на солнце.

Полянки не было долго. Он не заметил, как она подбежала к шалашу. Услышал, как она, уже совсем рядом, закричала:

— А ишак что-то съел!

Ленька бросился в шалаш. Измаил жевал письмо. Ленька схватил белевший в губах ишака листок и вырвал лишь окончание письма.

— Стих съел, да? — спросила Полянка. — Зачем ты его приваживаешь? Он у тебя все поест.

Ленька выгнал Измаила и стал перевязывать ногу.

— Ужин принеси, — сказал Ленька сестре. — И бумагу с карандашом принеси. Письмо напишу брату.

13

Вечером к Леньке пришли ребята, но он рассказал им о председательском предупреждении, и они, посидев у шалаша, скоро ушли. Ленька улегся спать, но не заснул, мешала боль. На подошве рос нарыв. Он решил уйти, переночевать дома, а утром пораньше снова вернуться в сад. Оседлал ишака, верхом поехал в деревню. На выгоне встретился с няней Варей, она шла с Володькой в сад.

— О, племянничек, ты это? А я к тебе иду. Поругать вас обоих хотела. Что ж это вы скандалите? Что не поделили? Я его прогоняю в сад, помочь тут тебе караулить, а он — в слезы... Чтобы этого больше не было! — прикрикнула она на Володьку. — Идите вместе!

Володька направился к саду. Ленька повернул Измаила, поехал следом. За деревней Володька подошел к Леньке, сунул ему в руку патроны.

— Четыре штуки. Нашел...

*

А через два дня Леньке пришлось ехать в Спешнево с больной ногой. Вместе с Володькой приспособили под упряжку двухколесную тачку, впрягли в нее Измаила, набросали в тачку сена, Ленька сел и покатыл за деревню.

В Спешневе он надеялся увидеть Зинку. Решил к ней заехать после больницы, когда на

его ноге будет белый бинт. Зинка увидит и начнет расспрашивать, что у него с ногой. В шутку он скажет, что ранило. Так они и разговаривают. Потом, когда залечится нога, он снова придет в Спешнево, а вообще может и с больной ногой приехать, на Измаиле.

В больнице Леньке разрезали нарыв и наложили на ногу повязку. Было мучительно больно. Ленька тогда решил лечь в тачку, как отпустят, и ехать сразу домой. Но через некоторое время боль в ноге прошла, стало легко, и он направил Измаила к Зинкиному дому.

Перед окнами на траве играли две девочки. Ленька остановил Измаила, спросил, есть ли кто в избе. Черноголовая девочка поднялась, удивленно посмотрела на ишака, на Леньку и его забинтованную ногу.

— Есть ли кто дома? — спросил Ленька.

— Зинка дома и бабка.

— Позови, — попросил Ленька.

— Они в огороде. Сам сходи.

— У меня нога болит. Видишь, завязана.

Девочка подбежала к калитке, крикнула:

— Зинка, иди — тебя зовут.

Ленька слышал отдаленный Зинкин голос, поправил кепку, больную ногу выставил вперед.

— Она спрашивает, зачем, — сказала девочка Леньке.

— Попить, — ответил Ленька, не придумав, зачем ему нужна Зинка.

— Пить просит! — крикнула девочка в огород.

— Вода в сенцах, — донеслось с огорода. — Дай, пускай попьет.

Девочка прошмыгнула в сени, вынесла литровую кружку с водой. Тонкая ее ручонка дрожала от тяжести, вода плескалась на ладони.

— Вот, — сказала она.

Ленька схватил кружку. Пить ему совершенно не хотелось, но отказаться от воды не посмел, взял кружку, поднес к губам. Запах воды показался ему неприятным, но он приложился и стал пить большими глотками. Девочка смотрела на него, словно жалея, что ему предстоит выпить столько воды. Ленька недопил, выплеснул остатки на Измаила.

— Где ты взял такую лошадку? — спросила девочка.

— Нигде не брал — нам дали. Когда Зинка ездила за лошадьми, я тоже ездил — и получил. Только это не лошадка — ишак, маленький ослик.

— Ослик?! — удивилась девочка. Она позвала подружку: — Танька, это ослик. А зачем ты на нем катаешься? Ему тяжело.

— Он сильный, — ответил Ленька.

— Сейчас я Зинку позову.

Девчонка порхнула к калитке, взобралась на перекладину, закричала:

— Зинка, иди скорее, ослик приехал... Ну, скорее!

— Чего раскричалась-то? — отозвалась бабка. — Я вот тебе, сатана! Картошку полоть шла бы.

— А я не тебя зову, — ответила девчонка.

— Ну, и нечего... Слезь, не то с крапивой приду!

— А я убегу. Ты меня не догонишь.

— Зато отец с работы придет с ремнем, — ответила бабка.

Девчонка подбежала к Измаилу, поднесла ему ветку чернойбыльника.

— Садитесь, покатаю вас, — сказал Ленька и сел на край тачки.

Девчонки бросились в тачку, Ленька стегнул Измаила. На дороге собрались ребяташки, закричали:

— Эй, покатай!

— Эй в лес ушел, — ответила Зинкина сестренка.

Ленька спросил ее:

— Как тебя зовут?

— Егозой.

— Это дразнят.

— А Женькой меня никто не зовет. Зинка только, когда ей что-нибудь надо.

— Жень, а Зинка ходит на вечеринки?

— Она там и пропадает.

— Жень, а у нее жених есть?

— У нее все женихи. Она только сама не знает, какой из них настоящий. Пронины двойнята обоим женихами. Нарядятся — во какие! — под окна подглядывают. — Женька дергала плечами, словно хотела показать, что Зинкины женихи — ничто. — Она в Москву осенью уедет.

— Жень, а ты сделаешь, что я тебя попрошу?

— Да проси, жалко мне, что ли.

Женька смотрела в сторону. Забудет она все — не зря егозой прозвали.

— Жень, ты скажи Зинке, что Ленька каменский приезжал.

— Она тебя знает?

— Знает. Еще скажи, что я приду на вечеринку, как нога подживет.

— Скажу.

— Обязательно скажи, — попросил ее Ленька.

14

После операции нога быстро стала заживать. Прошла неделя, Ленька уже почти не хромал, но еще по привычке ходил с палкой: и опираться на палку приятно, и мальчишек можно припугнуть.

Начался сенокос. Ленькина мать ходила косить на дальние поля, где были густые и высокие пыреи, а Ленька подкашивал у сада, откуда сам и стал перевозить сено к дому.

Измаил возил тачку с сеном ходко, а порожняком гораздо тише ходил, словно обдумывал что-то очень важное. Случилось однажды, что он ничего не ел весь день, отказался пить, а вечером, когда Ленька приехал на нем в сад и отпустил его, ишак вдруг закричал, испугав и Полинку, и самого Леньку, накричался и убежал в деревню.

— Заболел, что ли? — проговорил Ленька. — Я мало сена-то на тачку накладывал. Дед Яша говорил, что в горах на ишаках много возят.

— Заморился он, — сказала Полинка. — Не надо было его трогать. Пускай гулял бы.

— Ладно, иди ужинать, а я посмотрю, где Измаил.

Измаил стоял у теткиного сарая, где провел первую ночь пребывания в Каменке. Ленька подошел к нему, погладил его, потрепал по шее, но ишак только отвернулся.

— Не хочешь дружить, тогда и не приходи, — сказал Ленька и зашел в избу.

Няня Варя была одна дома. Он спросил, где Володька.

— Недавно к тебе, сказал, пойдет. Разве нет его в саду?

— Может быть, он уже там, — сказал Ленька.

— Сейчас-то туда идешь?.. Ну, смотрите там, без баловства чтобы.

— Ладно, — ответил Ленька и вышел на улицу.

Он хотел было слазить в пруд за своим кубарем, но побоялся за ногу; он ее еще завязывал, чтобы не наколоть молодую кожу, а в пруд лезть — надо развязывать...

На выгоне Леньке встретилась Прасковья Прокошина, спросила:

— Лень, ты все сено-то перевез?

— Нет, — ответил, — на другой раз осталось.

— А ишак ничего возит-то?

— Хорошо.

— Где ж он теперь-то стоит?

— Сбежал от меня — у нянькиного сарая.
— До утра там будет?
— А куда он денется? Он никому не нужен.
— Да как так не нужен. Плохо ли — сено-то перевезть по погоде? Ты вот всех перехитрил...

Ленька шел и думал, чем он всех перехитрил. Мать весь день ему выговаривала, что с такой животиной одна морока и больше сена растрясется по дороге, а эта баба завидует.

*

Всходила луна, но небо было в тучах, посветлело ненамного. Луна незаметно миновала полоску от земли до туч, посветила и скрылась.

В саду Ленька решил сразу лечь спать: намаялся за день. От канавы он вдруг расслышал шум в яблонях, показалось, что ветер набежал, но вдруг стихло и в другом месте шумело. Ветер так не дует: или все деревья разом охватывает и катит шум валом, или налетает равномерными порывами, с поворотом.

Ленька, забыв о ноге, но прихрамывая по привычке, бросился за кусты. От шалаша уходило двое. Один из них тащил что-то за собой. На миг открылась луна и снова утонула в тучах. Ленька бросился за шалаш, достал из дупла обрез с патронами.

Снова вынырнула луна. Послышался разговор:

— В шалаше никого — трясина, братва...

Ленька поднял вверх обрез, оттянул головку затвора и отпустил. И оглушительный звук, и пламя разом хлестнули по тишине и темным деревьям. На мгновение осветилась листва — и кто-то прошумел по траве, упал на землю, занял в испуге. Ленька переметнулся к другому кусту и снова выстрелил вверх.

В саду наступила тишина, но от деревни вдруг послышался конский топот и понукание лошади. Звякнули удила, и раздался голос:

— Кто стреляет? Выходи сюда!

Ленька узнал председателя, отозвался, вышел на канаву и сказал, что чужие ребята приходили воровать яблоки.

Председатель развернул жеребца и вот уже скрылся из виду. До Леньки скоро донеслись крики, плач, потом стихло и вернулся председатель. Он подкатил к шалашу и бросил несколько мешков.

— Держи добычу. Утром отнесешь кладовщику. А ты молодец! Только стрелял-то без пуль?

— С пулями. Не успел разрядить. Я вверх.

— Смотри, опасно так. Завтра покажешь мне патроны. Понял?

— Понял. Разряжу утром, — ответил Ленька.

— Ну, смотри. — Председатель подъехал к

яблоне, сорвал яблоко, белый налив, и откусил: — День ото дня спелее. Скоро можно и собирать. Ты как думаешь, можно?.. К зиме на валенки заработаешь.

*

В шалаше на ночь Ленька не остался, устроился на раките между сучьев. Место было удобное: толстый ствол клонился над канавой, с боков от него поднимались кверху молодые побеги, между ними можно было и сидеть, и лежать. Пройди под ракистой — и не заметишь, что над тобой человек.

Уснуть Ленька не мог, хотя чувствовал себя в полной безопасности. Вначале он прислушивался, не вернутся ли ребята за мешками, потом обдумывал председательские слова про валенки к зиме.

Гармонь в деревне давно затихла, светлеть стало. В небе поредели тучи, словно на речное мелководье выходила луна. В отдалении слышались ребячьи голоса, они приближались к саду. Ленька узнал своих: чужие подошли бы молча. Ребята стали звать его, шумно подвалили к шалашу.

— Нет его, — сказал Васька. — Дома, наверно.

— Яблок нарвем?

Ленька узнал голос Кольки Колпакова. Рванулся, хотел спрыгнуть на землю и броситься к шалашу, но сдержался. Ребята не стали подходить к яблоням, направились в деревню...

*

Спать на раките оказалось неудобно.казалось, как станешь поворачиваться — упадешь.

Проснулся Ленька рано, лишь потянуло утренним ветерком с луга. Он спустился с дерева, ноги словно отвыкли от земли, держали нетвердо. Размявшись, он вышел к яблоням и на одной из них увидел на суку кепку, словно большое птичье гнездо. Ленька снял кепку, под подкладкой нашел две самокрутки, несколько спичек и терку от коробка, под яблоней нашел алюминиевую расческу-самоделку. Находки эти рассмешили его.

«Кому-нибудь отдам, — решил Ленька и отнес находки в шалаш. — А может быть, сами придут еще и за мешками, и за этим».

*

На одной из яблонь был обломлен сук. Ленька срезал его и пошел в обход. На лугу, ниже сада, вдруг раздался крик ишака. Ленька перепрыгнул канаву и с бугра увидел такую картину: ишак стоял на дороге, впряженный в большую тачку. На тачке сидела бабка

Прокошина, дергала вожжи, а у оглобли стояла Прасковья и била ишака держальнем вил. Ишак сворачивал к протоке, но его не пускали. Ленька спрятался за куст на канаве, приставил ко рту ладони и прокричал, подражая ишаку: «Иу-иу-иу». И тогда же до него донесся шум бабьего переполоха. Ленька, выглянув из-за куста, не увидел ишака на месте. Измаил свернул на его крик с дороги, внезапно остановился, пригнув голову, тачка при этом накатилась на него сзади и шорка снялась с головы. А вожжи, должно быть, ветхие были, порвались.

Измаил вылетел на бугор, Ленька окликнул его вполголоса. Ишак сразу перешел на тихий, семенящий шаг, словно одолевал горный путь с пропастью у самых ног. Прасковья с бабкой, бранясь, взяли тачку и потащили ее в деревню.

Когда Ленька подошел к шалашу, Измаил стоял на своем месте и дремал, словно и не уходил никуда.

— Что, побывал в гостях? — заговорил Ленька. — В другой раз не будешь убежать.

Измаил отвернулся, опустил уши.

— На меня не обижайся, нечего. Я на тебе не много возил. Совсем без работы хочешь прожить? Мне тоже, может быть, не хочется сад караулить, а я и днем и ночью тут. Поедем завтракать.

Ленька взял мешки, положил Измаилу на холку, сел сам верхом и отправился домой.

15

На одной неделе пришли с фронта сразу двое: Ленькин сосед, Андрей Ерохин, с простреленной рукой, и по болезни легких был отпущен брат Шурки Белого, Иван Филиппыч. Дни этой недели были праздничными. К Ерохиным вместе с матерью позвали на обед и Леньку и, словно взрослого, посадили за стол рядом с Андреем. В разговоре Андрей часто обращался к Леньке, называл его своим соседом, помощником. А его жена, Шура, насчитала столько за Ленькой заслуг, что ему совестно от этого стало. Он, наверное, никогда не вспомнил бы, что помогал ей стоговать сено, что на погребке починил приговор и поправил крышу.

— Не хвалите, нечего, — говорила Ленькина мать. — Балуются больше, чем работают. Стрельбу устраивают каждый день.

— Стреляют? Из чего, сосед? — спросил Андрей.

— Не из чего, так, — ответил Ленька. — В огонь кладем патроны...

— Хорошие у вас патроны — на деревню осколки летят!

— Это давно было и без меня, — возразил Ленька.

— Стрельбу надо бросить, — сказал Андрей. — Отцы, братья на фронте погибли, а вы тут стреляете не по делу.

— Бывает, по делу, — возразил Ленька. — Чужие за яблоками приходят.

— За яблоки по людям не стреляют.

— А я не по ним — вверх.

— Я посмотрю, из чего вы там стреляете, разберемся, — закончил Андрей разговор о стрельбе.

Война шла уже далеко на западе. Андрей говорил, что скоро войне придет конец — и вернутся все, кто останется в живых до ее окончания. Сам он ходил по деревне, осматривал избы, победневшие хозяйства, говорил:

— Куцая деревня стала. Трудно теперь подниматься ей без мужиков.

— Залатается, — отвечали ему. — Общим усилием поднимемся.

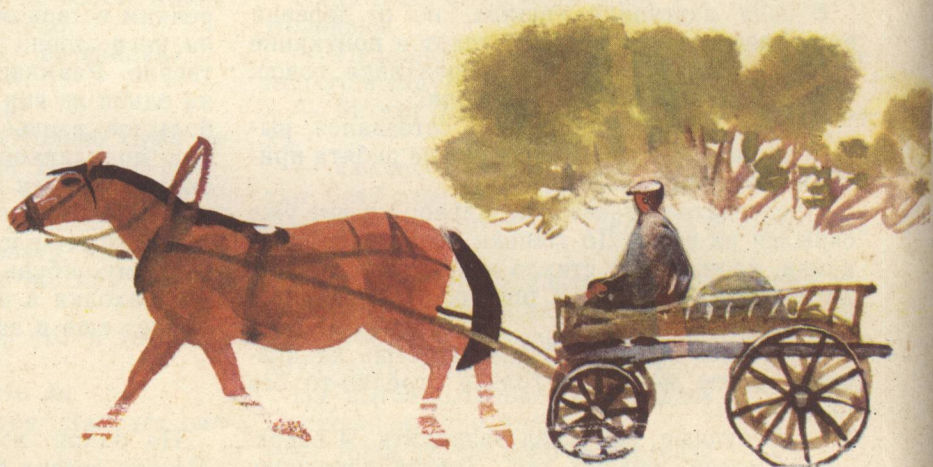
*

Председатель ежедневно заезжал на рессорной тележке в сад, приказывал Леньке набрать мешок яблок.

— На работу повезете, да? — спрашивал Ленька.

— На работу, — отвечал председатель.

Однажды он указал на коричную и на антоновку: «Чтобы с этих яблонь не срывать ни

яблока». Коричная была вся красная от плодов, на антоновке сучья обвисали от тяжести крупных, восковых яблок. Ленька потом

обошел весь сад и не нашел равных этим яблоням. Председательский наказ он дал слово исполнить.

Как-то в полдень в сад пришла бригадирша, Володькина тетка по отцу. С ней была Васькина мать и Ленькина соседка. Они подошли к шалашу, заговорили разом:

— Сторож, ты что же нам на работу яблочек не присылаешь? Мы там на жаре...

— Не присылаю?! — удивился Ленька. — Председатель каждый раз берет... Говорил, на работу.

— Он другие бригады больше любит.

— Рвите, — сказал Ленька и указал на яблони, с которых можно рвать. — Завтра опять приходите. Я приготовлю вам. Или сам привезу.

— Привези. Лошадка-то при тебе стоит, — сказала бригадирша. — Да попробуем, не будет ли она снопы возить. Колхозу прислана помогать, а только траву вытаптывает.

Измаил, словно понял, что говорят о нем, ушел от шалаша. Бабы посмеялись, и Ленька направился вместе с ними, чтобы стрясти им яблочек.

На ночь поднялся ветер. Пришли к Леньке

в сад Володька с Колькой. Костер разводить не стали, поговорили впотьмах и легли спать.

Ветер шумел в деревьях. Слышалось, как падали яблоки, вначале часто, потом все реже. Ленька беспокойно вздыхал:

— Все яблони обобьет. Завтра и не собрать одному.

— Я помогу, — вызвался Колька. — Все равно мне делать нечего. А потом пойду в сельсовет записываться в ремесленное.

— В ремесленное? — переспросил Ленька. — Кто тебя возьмет с тремя классами.

— Я запишу пять.

— А справка?

— Переправлю...

Ветер вдруг прервался. Ленька расслышал скрип, вскочил.

— Ребята, тихо. Кто-то на подводе...

Он бросился к раките, выхватил обрез. Вспомнил о заказанных председателем яблонях, пошел к ним.

Послышался разговор двух женщин:

— Не видать их тут. Месяца бы дожждаться.

— Потихе там...

— Какой тебя домовой тут услышит. Малый теперь спит или домой ушел.

Володька потянул за рукав Леньку, шепнул:

— Там, на яблонке, Ксюшкина мать...

— Знаю, — ответил Ленька. — Внизу — Параша Прокошина.

Он поднял вверх обрез, оттянул головку затвора, отпустил. Выстрела не получилось.

— Осечка, — проговорил Колька Колпаков.

— Молчи! — шикнул Ленька и снова поднял над головой обрез. В листве блеснуло пламя. Оглушительный выстрел затопил шум ветра. Истошно закричала на яблоне Ксюшкина мать Наталья.

Ленька испугался вначале: она кричала так, словно ее прошило пулей. Но стрелял он в сторону от этой яблони. И вдруг совершенно спокойно проговорила Прасковья:

— Чего ты орешь, дура! Я вот сейчас ему стрельну. Испугалась. Если бы мы без разрешения... Рви, пускай стреляет.

— Ну их, эти яблоки, — ответила Наталья. — Связалась с тобой...

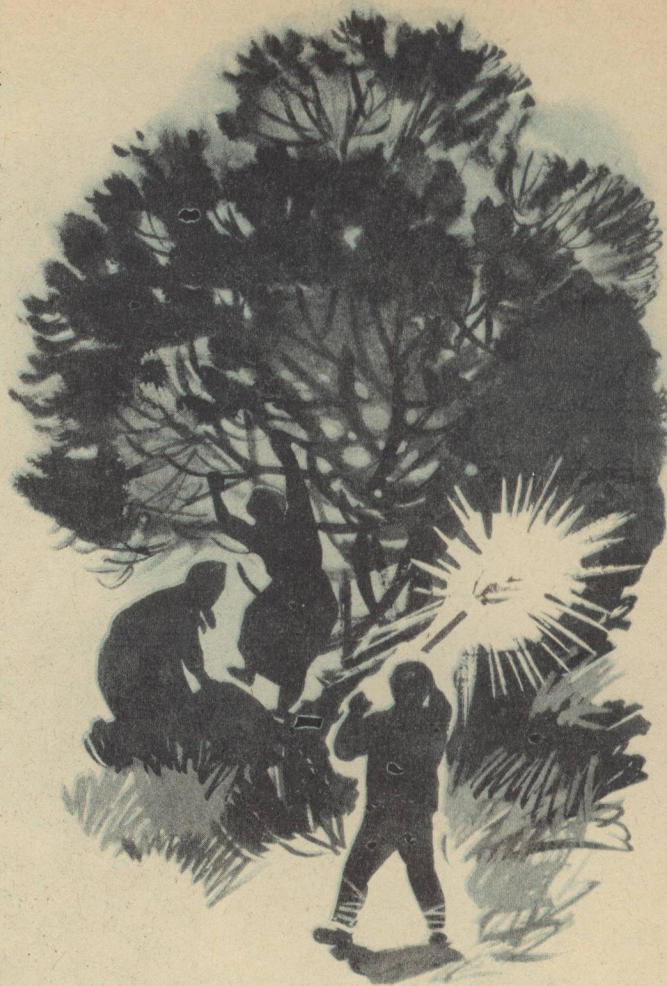
— Рви, говорю! — настаивала Прасковья. — За стрельбу ему завтра же попадет от Василь Власыча... Иди, малый, отсюда!

— Я тебе пойду сейчас! — ответил Ленька. — Берегись — стреляю!

И снова выстрел потряс воздух. Наталья взмолилась, говоря, что яблоки ей не нужны, что по оплошке такое вышло. Она торопливо пробежала мимо ребят к дороге. Прасковья обругала ее и, пригрозив Леньке, взяла тележку.

— Не отдавать тачку, — сказал Ленька.

Колька разом сволок мешок, до половины

наполненный яблоками, а Ленька с Володькой удерживали тележку. Прасковья бросала оглобли, отгоняла ребят, но они снова приставали, лишь она бралась за тележку. В слезах и ни с чем ушла она из сада...

16

На второй же день Коржков прикатил на жеребце в сад. Не слезая с телеги, сказал:

— Мальчик, иди домой. Будешь ходить на работу по наряду. Я вижу, тебе надоело тут. Обрез отдай мне — или будешь иметь дело с участковым.

Ленька отдал оружие. Патроны оставил в дупле. Взял свои вещи и, не проронив ни слова, ушел из сада.

Дома его встретили с утешениями. Мать говорила, что нечего переживать. Тут день отработал и свободен, а там ни дня, ни ночи покоя. Еще она говорила, что они от него совсем отвыкли, уж и забыли, какой он есть. А брат

перестал писать, мать не сдержала слез—не случилось ли что там с ним...

Приходила няня Варя и тоже утешала Леньку, но все равно ему казалось, что теперь сад останется без присмотра, будут обломаны все яблони, зимой их обглодают зайцы. Ленька лежал в сене и молчал.

Под вечер к нему подошел Андрей. В руках у него был широкий офицерский ремень. Он держал ремень сложенным вдвое.

— Пороть, парень, тебя пришел, — пошутил Андрей, — чтобы с бабами не воевал. — Он присел рядом с Ленькой, тронул его за коленку: — Слышал я ночью твою стрельбу... С Василь Власычем ты, дорогой, мал борешься. Это все равно что воробью против ястреба... И грамотенкой ты слаб. Какая у тебя грамота. Надо по закону действовать, а ты?

— И я по закону...

— Бабы шли по дороге через сад, а ты напал на них с обрезом. Так они говорят! А пускай бы они набрали яблок, донесли бы до дома, тут бы ты их у порога и зацепил... Но, не горюй. Мы еще с Василь Власычем схватимся.

Ленька решил сходить вечером в Спешнево. Из ребят с ним вместе пошел один Колька Колпаков.

Еще издали ребята услышали гармонию, пенью частушек, заторопились. Колька ростом был меньше Леньки, отставал от него и старался заговаривать Леньку, чтобы сбить его с быстрого шага.

— Лень, потом провожать пойдешь ее? — спрашивал Колька.

— Пойду.

— А где мне тебя ждать?

— У погоста.

— Да, там страшно.

Ленька не сбавлял шаг.

У сельсовета было многолюдно. Кругом стояли взрослые девчата, перед ними — подростки. Вокруг сновали ребятки поменьше. Такие, в Ленькином возрасте, были степеннее, уже вроде бы за женихов, и покрикивали на меньших, укрощали их. На гармони играли Зинкин брат. Ленька стал искать Зинку.

Она плясала. Он пробился в круг и, забыв о Кольке, стал следить за ее движениями. Плясала она лучше напарницы, хотя та была старше ее. Голос Зинкин тоже был звонче и веселее. Напарница, казалось, ни на кого не смотрела, а Зинка бросала взгляды вокруг себя. И не раз взглянула она на Леньку, и вдруг улыбнулась ему и легко задела рукой по его лицу.

Как много передумал Ленька за несколько

минут! Как прекрасны стали вокруг него люди!

К нему протиснулся Колька, проговорил:

— Ты тут, а я тебя там обыскался. Пойдем бегать с ребятами — чего тут стоять?

Ленька отпихнул его от себя, сказал:

— Бегай и не подходи ко мне. Понял?

— Ага, — ответил тихо Колька и ушел из круга.

Пляска закончилась. Зинка встала рядом с Ленькой, сказала ему «здравствуй» и спросила:

— Вот и к нам пришел?

— Ага, — протянул Ленька и почувствовал, как прилила кровь к ушам, к лицу: «Ага!» — передразнил он себя. Как будто нельзя было сказать: «Да, пришел посмотреть, как у вас веселятся».

Вот бы Зинка спросила что-нибудь еще...

— Пойду, — сказала она и отошла от Леньки, но вернулась и спросила: — Из ваших в ремесленное никто не записался?

— Никто, — ответил Ленька. — А ваши записались?

— О, мы всем селом! Хочешь, запишу тебя сейчас? Вербовщик тут, в сельсовете.

— А куда? — спросил Ленька.

— Спрашивает еще! В Москву набирают. Мы в Москву едем. Согласен?

— Согласен, — ответил Ленька. — Только чтоб вместе, ладно?

— В одну же партию, чудак!

Она взяла Леньку за руку и повела в сельский совет записывать его в ремесленное училище.

17

О своем решении уехать из деревни Ленька никому не сказал. Он много думал об этом, был молчалив. Отъезд то пугал его, то вызывал бесконечные мечтания, как он попадет в Москву, выучится, вырастет, станет работать, потом вернется в деревню и все здесь наладит, чтобы все были счастливы и никто не был бы обижен...

На второй день его послали на работу, но работа была дана словно в наказание. Он, один из мальчишек, должен был вместе с девчатами и женщинами носить на носилках к току снопы. Ребята должны были везти на волах зерно, а его отправили в поле.

В поле никто не напомнил Леньке о саде. Женщины шутили, говоря, что теперь с мужиком дело пойдет горячее. Вначале Ленька на шутки улыбался, потом стал злиться. Он порывался уйти с поля, но сдерживался. Ведь через два дня в район на комиссию, а потом и свободен — в Москву...

В деревне простучала телега, ехал председатель. Бабы стали разбирать носилки.

— А ты, Лень, с Надькой останешься, — сказали Леньке.

При насмешках над ним он не раз краснел, а теперь, словно его подожгли, снова вспыхнул весь. Надька Коржкова смотрела в сторону, видимо, она тоже смутилась. Кто-то добавил:

— Беритесь, ребятки. Вы у нас будете как женишок с невестой.

Ленька повернулся и пошел к дороге. Вслед ему закричали: «Куда ж ты, мальчик? Надька

без напарника остается». Но он не обернулся. На дороге повстречался председатель. Он проехал с улыбкой — у него всегда была насмешливая улыбка. Посмотрел на Леньку, остановился и спросил:

— Мальчик, а ты далеко? Тебя же зовут.

Ленька почувствовал, что Василий Власыч смотрит на него презрительным взглядом уверенного в себе человека. Но не обернулся, ушел.

Мать должна была молотить цепом на току рожь. Но молотьба еще не началась. Ленька свернул на огороды и садами пошел к дому,

чтобы не встретиться с матерью: она уговорит вернуться на работу, ее он послушает, а там будут над ним еще больше смеяться.

За малинником у ограды была узкая полоска мягкой травы. Ленька сел, скрывшись от всех. Так он уходил всегда, если его обижали, прятался то в конопле, то в кустах на одоньях и отсиживался, пока не проходила обида. Тогда он придумывал разную месть своим обидчикам, но всегда эта месть доходила до одного: «Когда вырасту...» Теперь он не думал, что ему надо расти, а думал, что надо учиться, пусть на него потом посмотрят, каким он станет.

Из-за вишен вышло солнце, переплело малинник лучами. И скоро Ленька задремал.

Проснулся он от шепота, казалось, что кто-то говорит ему на ухо: «тише» и еще что-то. Он открыл глаза, увидел: солнце уже подошло к избе. Встанет над крышей — обед. Придет мать. Она теперь узнала, что он отказался от работы, переживает — и за обедом будет неприятный разговор.

В малинник вошли двое. Ленька по платьям узнал Полинку и Шуру.

— А потом к нам пойдем... — сказала Шура.

Малину обирали к обеду, ели с молоком. Ленька пригляделся к сестрам — у них не было с собой никакой посуды. Он кашлянул. Девочки затихли, пошептались, но снова принялись обирать малину.

— Что ж вы делаете! — крикнул Ленька.

Сестер словно подкинуло с земли и отшвырнуло из малинника к грядкам, а там Ленька и не видал, в какую сторону их снесло. Он посмеялся над ними. Днем, в своем саду, брата испугались. Положись в чем-нибудь на таких. И вдруг за оградой они закричали:

— А, Ленька, Ленька! Мы так и знали.

Ленька встал.

— Почему малину едите?

— Нет, мы посмотреть, поспела ли она, — стала оправдываться Поинка.

— Я вам посмотрю! — пригрозил Ленька. — Люди с работы придут, а обедать нечем будет. Возьмите кружки и обирайте к обеду.

— Сейчас, — ответила Поинка. — Ты от кого спрятался?

— Ни от кого.

— Знаем — от председателя. Ты снопы носить не стал.

— Откуда ты знаешь?

— На току сказали. А Надечка твоя плакала, что ты не стал с ней работать — домой ушла... Леня, что тебе теперь будет?

Ленька сел на траву, рядом присела Поинка.

— И из сада он тебя прогнал, и тут... — у нее показались на ресничках слезы, задрожали губы. — Жалко мне тебя.

— Чего меня жалеть? Ничего мне не будет! — злясь, ответил Ленька.

— Да, он отца нашего не любил и тебя...

— А я его тоже не люблю, даже ненавижу — поняла?

— Поняла, — ответила Поинка. — Ты сиди тут, не показывайся ему, и ничего он не сделает. Я тебе поесть буду приносить.

Ленька улыбнулся, сказал:

— Я, может, уеду куда-нибудь...

— Правда, Леня, уезжай. Поживешь там, а потом приедешь.

— Я хочу совсем уехать, — сказал Ленька.

— Совсем еще лучше. Пускай они тут сами работают.

Ленька помолчал. Ему захотелось открыть сестре тайну, что он записался в ремесленное, но не решился огорчить вдруг и ее, и мать.

— Пускай он издевается, — говорила Поинка. — Придет с войны отец с Мишкой, — он тогда узнает.

— Ты никому не расскажешь, если я тебе скажу... скажу об одной вещи? — спросил Ленька.

— О какой вещи? — испугалась Поинка.

— А никому не расскажешь?

— Нет, не расскажу, — настороженно следя за братом, ответила Поинка. — Хочешь, честное слово дам — не расскажу?

— Смотри, — предупредил Ленька и, оставив взгляд на крупной красной малине, заговорил: — Я, правда, уеду от вас.. Записался я в ремесленное училище... вчера.

Поинка пересела, отстранилась от Леньки. Снова у нее задергались губы, замигали ресницы.

— В Москву поеду, — продолжал Ленька. — Учиться там буду, потом работать... Ты только никому не говори, поняла? Через два дня на комиссию, потом повезут совсем.

Поинка встала, всхлипнула. Ленька, не повернув к ней лица, еще раз наказал никому не говорить об отъезде.

— Ладно, не скажу, — выговорила с плачем Поинка и убежала из сада.

*

Оттого, что Ленька рассказал об этом, и самому ему стало грустно и не захотелось вдруг расставаться с садом, с матерью, с Поинкой. Без него в колхозный сад будут лезть ребята, а матери придется самой и в МТС за керосином ездить, и зерно возить в поставки, и пахать, а Поинку каждый сможет обидеть. Избу перестраивать собрались — без него трудно матери будет с этим справиться... И деревья больше никто не будет сажать у дома. «Откажусь», — промелькнула мысль. Но из-за деревни донесся стук тележных колес, —

из Глотова возвращался председатель. Ленка разом замаял мысль об отказе от поездки в Москву.

— Уеду, уеду, — решил он и встал.

В сад торопливо вошла мать. Волосы у нее были растрепаны, платок она держала в руке. Следом за ней шла няня Варя.

«Ну, рассказала, — догадался Ленка. — Сейчас начнется... Слезы надоели, все только знают — плакать».

Ленка вышел навстречу матери с теткой. Все равно, когда говорить об этом. Прятаться, носить в себе то, что скоро узнается само собой, тоже тяжело. Он печально улыбнулся матери. Она остановилась, посмотрела на него, словно не видела много лет, и спросила:

— Сынок, это правда, что сестра-то мне сказала?

Полинка стояла у калитки. Ленка бросил на нее неодобрительный взгляд, сказал матери:

— Правда. В Москву.

Мать застыла на месте. Ленка не смотрел ей в лицо. Он видел ее руки, жилистые, напухшие от цепа, платок, упавший к ногам, и ноги в самодельных тапках, пыльные, исцарапанные соломой. Она вдруг шагнула к нему, обняла его, прижала к себе и сказала со слезами:

— Что ж, поезжай. Тут учиться война не дала, а теперь какая учеба будет? — поезжай. А война кончится, отец, может, вернется, Мишка... Полинка подрастет... Мы уж тут как-нибудь, а ты поезжай...

18

Вечером, накануне отъезда, к Ленке собрались ребята. Он засветло обошел окрестности деревни, осмотрел все овражки, кустики.. В сад он не зашел. Проходя мимо, взглянул на яблони. У шалаша никога не было видно. Измаила тоже не было у шалаша, он облюбовал себе место под плотиной, в обрывистом овраге.

Ребята сидели у избы, мечтали. Колька Колпаков собирался тоже в ремесленное училище. Обижался на Ленку, что он не сказал ему, когда сам записывался.

— Ты еще маленький, — сказал Ленка. — Подрасти, потом пойдешь на мое место. А пока учись получше.

Шурка с Федькой завидовали Ленке. Они тоже с радостью уехали бы, но не отпускают их из дому. Володька уезжать не собирался:

— Я на комбайнера пойду учиться. Мне говорил директор в эмтээсе, что через два набора возьмет.

К ребятам подошла Полинка, отозвала Ленку.

— Пойдем, скажу что тебе.

— Говори, — сказал он, отступив на несколько шагов от ребят.

— Подальше пойдем, — Полинка оглянулась, — они услышат.

Она вывела брата на дорогу.

— Тебя на плотине девки ждут, велели прийти.

— Какие? — спросил Ленка.

— Ну, наши: Ксюшка, Дунька...

— Приду, — ответил он.

Девчата стояли у ракиты, бросали в воду комочки земли. Ленка подошел, спросил:

— Что скажете?

— Проститься с тобой захотели, — ответила Ксюша. — Можно или ты теперь москвичом стал?

— Прощайтесь, — сказал Ленка.

— Ты на нас не обижайся, Лен, — сказала Дуня.

— А за что мне обижаться? — переспросил Ленка.

— Вернешься назад-то? — обратилась Ксюшка и взглянула на кусты у спуска.

Ленка обернулся на ее взгляд. У куста стояла Надя и щипала листья. Он понял, зачем его звали, хотел уйти. Дуня позвала Надю:

— Подойди сюда, чего там остановилась.

— Не сказал нам, вернешься ты или нет? — повторила Ксюшка.

— Не знаю. Может быть, вернусь.

— Лен, — сказала Дуня, — поговори с Надей, а то уезжаешь, а она... Мы, Надя, на деревне подождем тебя, если недолго будешь.

Ленка, не глядя Наде в лицо, протянул руку. У Нади в руках были листья. Она передала ему листьев. Он принялся скатывать их в трубочки и бросать в воду. Пока они стояли, утки переплыли с одного берега на другой. Наконец Надя спросила, словно не своим голосом:

— Уезжаешь?

— Уезжаю, — ответил Ленка.

— Письма не пиши мне: отец будет ругаться.

— Да? — спросил Ленка, словно он обещал ей писать.

— Если напишешь, то на Ксюшку...

Она повернулась и пошла прочь. Ему показало, что она всхлинула. Он окликнул робко:

— Надя!

Она не обернулась.

19

До Спешнева его мешочек с дорожными продуктами вез Измаил. Ленка и Володька шли пешком, разговаривали. Ленка давал

наказ смотреть за домом, беречь от ребят сад, пчел, заступаться за Полинку; наказывал еще писать о новостях, какие будут в деревне — ему казалось, что там сразу с его ухода начались новости.

В дороге они встретились с почтальоном.

— Нам писем нет? — спросил Ленька.

— Писем? — переспросил почтальон и стал открывать сумку. — Писем?

Почтальоном был глотовский дед. Прозвище у него было Полкан. У Леньки забилось сердце. Раз открывается сумка, значит, есть письмо. От брата или от отца. Ленька успел подумать: «Лучше бы от отца», — и еще: «Хорошо бы два сразу: и от отца и от Мишки».

У деда дрожали руки. Он прихлопнул крышку сумки и сказал зло, не глядя на ребят:

— Нет писем. Какие вам письма? Где я их возьму!

Он пошел от ребят, бормоча что-то. Володька крикнул:

— Дедушка Полкан, а нам посмотри!

Ленька дал Володьке подзатыльник:

— Его не Полканом зовут, что кричишь.

Почтальон не обернулся. Ребята припустились догонять Измаила, не интересовавшегося ни почтальоном, ни письмами.

— Чудной какой-то он, — сказал Ленька на бегу. — Он со мной всегда как с большим разговаривал. Учил зимой салазки делать.

Ленька оглянулся. Дед взошел на бугор, его большая фигура высилась над горизонтом. Леньке вдруг стало не по себе, защемило в груди.

Он не знал, что в сумке лежало сообщение о том, что его брат Михаил Родин погиб при выполнении боевого задания.

20

Всю зиму в Москве Ленька тосковал о деревне. Каждую ночь снились ему ребята, девочки, снился колхозный сад, и особенно часто — мать с сестренкой. Они то пели песни, то плясали наряженные. Ленька знал, что этого нет на самом деле, что без него им скучно и труднее жить, нарядов взять неоткуда. Письма Полинки писала почему-то редко. Он в неделю строчил по три, по четыре, а ему приходило в месяц два письма. Володька за все время прислал одно письмо, всего три строчки о том, что все у них живы-здоровы, того и ему желают, что в деревне зима и холод, что они катаются на салазках, а теперь Володька делает себе лыжи.

Учился Ленька на формовщика. Когда их привезли в Москву, повели вскорости на завод, водили по цехам выбирать профессии, Леньке захотелось учиться на модельщика, но

с пятью классами его в группу модельщиков не зачислили.

Жалел Ленька, что не учился. Если бы у него было семь классов, он мог бы перейти в типографию, куда направили Зинку и некоторых ребят. Теперь он с ней и не виделся...

Леньке все чаще казалось, что без него в деревне все не так, что колхозный сад без него за зиму срубят, что ребята, как и он, все разъедутся — и останутся в избах лишь старики да женщины с маленькими ребятами. И представлялась заросшая колючками и крапивою деревенская земля, высохший пруд, спленные деревья. Он забывал об уроках, о работе — его окликали, мастер сердился, что он ленится, но Ленька не мог с собой сладить.

Однажды он был дежурным по комнате в общежитии. Дежурные не ходили в цеха на практику. Леньке нравились такие дни. Он с утра вымыл пол, сходил в промтоварный магазин, посмотрел на брошки и серьги со скинками, выбирал, какие купит матери и Полинке с Надькой, когда у него будет деньги. За практику им давали деньги, ребята получали помногу, а он мало, тратил их на мороженое и конфеты очень быстро, но после этого давал себе слово копить деньги на подарки.

В этот день Леньке пришло три письма. Одно из них было от Ксюшки — он не понял, почему она ему написала, второе написал Володька, а третье нацарапала Полинка. Он положил письма на койку, сел и не знал, какое письмо открыть первым, почему-то растерялся, взяла оторопь. Полинкино письмо было в самодельном конверте, заляпанном вишневым клеем; Ксюшкин конверт был покупной, с нарисованной розой, похожей на капусту; Володька сложил свое письмо уголком, по-красноармейски.

Из дому в письме прислали рубль. Полинка писала, что живут по-прежнему, а от Мишки еще не было писем и адрес его не знают...

Володька написал полстранички. Письмо его начиналось так: «Добрый ден веселый час что ты делаешь сичас. Все дела свои бросай и письмо мое читай». А дальше он писал, что Надьке попало от отца за Ленькино письмо, что не надо ей больше писать, что почтальон отдает письма ее отцу, а тот «...и матери твоей читал, насмехался, что ты написал Надьке «цалую». А ты не бойся. Мужики еще вернулись с войны и снимают его из председателей. Скоро лучше станет, а то он овцу колхозную продал, а деньги взял себе и семена из амбара брал».

Оставалось несколько строчек. Ленька опустил на колени письмо, представил вдруг Надьку. Она в слезах, а ее отец стоит над ней с его письмом... Ему стало стыдно. Не надо было писать...

Ленька догадался, почему написала ему Ксюшка. Сама Надька не осмелилась писать, попросила подругу.

За окном просвистел паровоз. Перед окнами училища, по железнодорожной ветке паровоз

«Ты просишь Мишкин адрес, а его нету. Его убили... Когда ты уехал, прислали похоронную...»

Володька просил не плакать и не расстраиваться, потому что у всех не приходят с вой-

тянул на завод платформы с металлоломом. Над деревянными домами летали галки и вороны. Ленька вспомнил, что долго не решался писать Надьке, все не знал, какими словами начинать, потом взял у ребят альбом с разными песенками и «началами писем» и составил из них свое письмо. Снова Ленька думал о Надьке, о ее отце, о том, что ему надо вернуться домой, вместе с мужиками снять ее отца из предсателей...

Он стал дочитывать Володькино письмо.

ны, и просил не писать матери, что он сообщил ему об этом...

Ленька не мог встать с койки, когда пришли с практики ребята. Они сорвали щеколду на двери... Потом Ленька ходил с мастером к директору и отпросился домой — навсегда.

Ленька уезжал в родную деревню. Он был убежден, что в деревне от него будет настоящая польза, а в Москве и без него людей много...

ЧЬИ ЖЕ ЭТО СТИХИ?

Письмо Саше Шильцеву

В книге «От двух до пяти» К. И. Чуковский приводит такой разговор:

« — Знаешь, мама, я напишу «Выхожу один я на дорогу».

— Но ведь это не твои стихи, а Лермонтова!

— Так ведь Лермонтов умер, мамочка, пусть это будут теперь мои стихи».

Этот мальчик никого не собирается обманывать. Им руководит искреннее и трогательное желание приобщиться к большой поэзии — хотя бы таким вот образом. (Надо сказать, что мальчик — еще дошкольник). Ему хочется, чтобы эти стихи принадлежали не только Лермонтову, но «и ему немножко». И это наивное желание в чем-то понятно: ведь многие замечательные стихи русских по-

этов зачастую становились настоящими народными песнями, утрачивали имя автора. Такова, например, судьба некрасовских «Коробейников».

Но навряд ли тобой руководили те же побуждения, когда ты подписывался под чужими стихами, которые «Костер» по досадной оплошности опубликовал. Тебе уже тринадцать лет, ты много читаешь, твои любимые поэты, как ты пишешь — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Маршак. Твой поступок представляется обдуманым. Ведь не поставил же ты свое имя под стихами любимых поэтов-классиков. Ты прекрасно знал, что их стихи слишком широко известны и тебя миглом разоблачат. Ты, видимо, рассчитал, что безопаснее взять стихи, напечатанные в «Мурзил-

ке» несколько лет назад: авось в «Костре» не заметят, не вспомнят...

Многие ребята, написавшие в «Костер», справедливо и резко осуждают твой поступок. Не будем приводить их слова — все они сводятся к одному: ты совершил литературное воровство, плагиат. Ты обманул многих — и прежде всего самого себя. Ни таланта, ни славы ты себе этим не прибавил.

«Обязательно нужно сделать так, чтобы этот мальчик никогда больше не совершил ничего подобного», — пишет в «Костер» Таня Орлова из Пермской области.

Будем надеяться, что ты больше так не поступишь.

*По поручению редакции
Н. Слепакова*

НА СОБАКАХ

Хоть лед — застывшая вода,
но даже пароход
нигде, никак и никогда
по льду не поплывет..
Скрипит под санками снежок.
Зачем нам пароход!
А ну, Барбос, Полкан, Пушок,
друзья, вперед!

По этим не пройдет местам
любой автомобиль,
а мы взлетаем к небесам
искрящуюся пыль.
Саней стремителен полет,
их удержать нельзя.
Работай, Джек! Малыш, вперед!
Вперед, друзья!

А. Лосев

Уголёк

№ 2

ЕСЛИ ПОДУМАТЬ

Мальчик Саня приехал с мамой на дачу, и начались у него новые дни.

Он беспрерывно носился с ребятами по пляжу, купался, играл, а к вечеру спрашивал маму:

— Что мне теперь делать?

Он был просто неутомимый, нисколько не уставал.

Мама ему отвечала в таких случаях:

— А теперь ты отдохни.

От маминых слов он сейчас же убежал к ребятам, но ребята все разбредались по домам, и он продолжал играть с кошками, собаками, петухами, курицами и даже с самим собой.

С самим собой играть ему быстро надоедало, кошки и собаки, а также петухи и курицы

разбегались, и тогда он с отчаянием кричал маме в окно:

— А что мне теперь делать?

Мама брала его за руку, приводила домой и укладывала в постель, но он сейчас же вскакивал и спрашивал со слезами:

— А теперь что мне делать?

Он долго не мог уснуть, вспоминая прошедший день: замечательный теплый песок, зелено-синее море, как он залезал в лодки и катера и представлял, что плывет в дальние страны, хотя лодки и катера покачивались на привязи и никуда не плыли. Как он катался на велосипеде

Про Наталку и ее смеялку

МЯЧИК

На полянке за домом стояла водопроводная колонка, старое ведро валялось, а больше там ничего не было. Очень удобное место, чтобы Наталке испытать ее новый голубой мячик — его летучесть, прыгучесть и скакучесть.

Новый мяч полетел далеко, подпрыгнул высоко, поскакал быстро и... пропал! Оказывается, на полянке еще и яма была, довольно глубокая — руками мячик не достанешь, а веревки, сачка под рукой нет.

Наталка посмотрела по сторонам, и огонек смеялки мелькнул в ее черных глазах. Через несколько минут мячик был у нее в руках.

КАК НАТАЛКЕ УДАЛОСЬ ДОСТАТЬ МЯЧИК?

Б. Невский

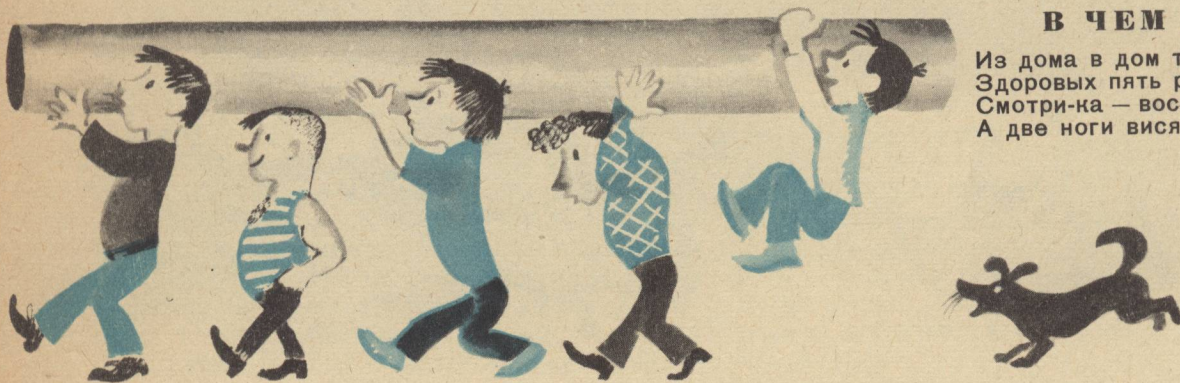
Рисунки И. Казаковой

В ЧЕМ ДЕЛО?

Из дома в дом трубу несут
Здоровых пять ребят.
Смотри-ка — восемь ног идут,
А две ноги висят!

О. Григорьев

по тропинкам леса и даже налетел на дерево, но все благополучно обошлось. Как он быстро и ловко промчался через рыболовецкий совхоз, куда вход категорически воспрещен. Как он был чемпионом по разгрызанию персиновых косточек среди трех первоклассников. Они восхищались его крепкими зубами и предложили ему разгрызть камень, а он, в свою очередь, предложил им разгрызть кусок рельса. И многое, многое другое.

А утром начиналось все сначала, и опять он к вечеру спрашивал маму:

— А что мне делать?

И мама ему отвечала:

— А теперь ты отдохни.

— Как жаль, что я не могу ходить на руках и на голове, — сказал он однажды, — я бы вымыл в заливе ноги и пришел домой на руках. Зато мне было бы что делать от залива до дому.

— Тогда пришлось бы мыть руки, — сказала мама.

— Я мог бы вымыть руки дома, — отвечал он, — все равно мне дома нечего делать.

— А ты подумай, — сказала мама, — когда тебе нечего делать.

— Как подумать?

Он не мог себе представить, как это можно ни с того ни с сего взять и думать, когда не о чем думать.

— Мне не о чем думать, — сказал он.

— Это плохо, — сказала мама.

Тогда он стал думать, о чем бы ему подумать. Но в голову лезла всякая чепуха, даже стыдно сказать. И вдруг пришла мысль не очень-то значительная, не очень-то важная, но все-таки.

Он подумал, стоит ли вообще разгрызть зубами косточки.

А это было уже неплохо.

Виктор Голявкин

Рисунки Т. Васильевой

Я — ИНСПЕКТОР МАНЕЖА

ПОВЕСТЬ*

Роберт Балабановский

Рисунки Ю. Шабанова

Младший в семье

Настал день, когда труппа Виноучи покидала Киев. Этот день должен был стать днем моего бегства из дома. Поезд, на котором мы уезжали, отправлялся в двенадцать часов дня. Утром я, для всех домашних будто бы по-обычному, пошел в школу. Но если бы кто-нибудь случайно заглянул в мой ранец, он с удивлением бы обнаружил вместо учебников белье и верхние рубашки, которые мне удалось незаметно для других засунуть туда с вечера.

Помню, я ушел, не оглядываясь и не задумываясь над тем, не стану ли еще жалеть о том, на что решился. Видимо, уж очень мне сделалось постыло в семье, если я покидал дом без чувства горечи. Но когда прогудел паровоз, качнулись и звякнули буферами вагоны и поезд тронулся, что-то сжалось внутри. Под перебранку колес я прильнул к стеклу и смотрел на удаляющийся Киев. Вот поплыла вдаль Владимирская горка с величественным памятником князю Владимиру. Поезд загромычал по мосту. Зеркально синела река. Солнце играло зайчиками в стеклах паровозиков, что борозди-

ли ее гладкие воды. Просторный Днепр исчез с моих глаз, но еще долго я видел утопавший в зелени садов высокий городской берег, золотые маковки церквей в сини неба и возвышавшуюся над всей округой знаменитую колокольню Киево-Печерской лавры. А потом и она растаяла в мареве знойного летнего дня.

Сложные чувства охватывали меня. Были тут и радость, что я вырвался из дома и, наконец, свободен, и страх перед тем неизвестным, что ждало впереди. Как сложится теперь моя жизнь? Суждено ли сбиться мечте, стать настоящим артистом, или мне, как многим бедолагам — труженикам профессии, которую я выбрал, придется разделить участь бедняков-циркачей?

Тяжелые мои мысли были прерваны старшим Виноучи.

— Юзеф, — позвал меня старый акробат. — Что там глядеть... Садись-ка сюда, нужно поговорить о деле... Вот тебя зовут Юзеф, и, конечно, это имя не хуже никакого другого. Есть даже такой святой, но, знаешь, для артиста нужно имя позвонче. Юзеф не годится. Давай-ка подумаем, как тебе называться на афише.

— Может быть, Альфредом, — неожиданно отозвалась отдыхавшая на верхней полке Амалия. Виноучи поморщился.

Написана в содружестве с писателем Арк. Минчковским.

Продолжение. См. «Костер» № 1, 1971 г.

— Альфред?.. Нет, не то.
— Жаном?.. — посоветовал Альберт.
Но и Жан был отвергнут.
Молчавший до сих пор Жорж предложил назвать меня Полем.
— Пусть он будет Эмилио или Луиджи, — подала голос старушка-итальянка, мать самого Виноучи. Бабушка Виноучи не бывала на репетициях. Сидя дома, она готовила на всю труппу и обстирывала семью.
— Мишелем...
— Андре...
— Оскаром...
— Августом! — слышалось в купе.
— Робertino!..
Виноучи поднял голову.

— Стоп! Финита!.. — сказал он. — Робertino?.. Роберт, это хорошо. Это звучит.
Все дружно согласились.
— А что скажет сам Юзеф?
Я пожал плечами. Мне в тот час было совершенно все равно, как меня назовут. Роберт так Роберт. Я не стал протестовать.
Так в купе почтового поезда Киев — Екатеринослав перестал существовать киевский реалист Юзеф, а на свет появился юный акробат Роберт — я получил новое имя, которое с тех пор ношу и по нынешний день.
Тогда, мальчишкой, я, конечно, не догадывался, зачем было Виноучи тут же, в вагоне, затевать разговор о моем новом имени, но позже, став взрослым, понял. Умный и чуткий, от природы наделенный педагогиче-

ским даром, старший Виноучи распознал мое смятенное состояние. Затеей с придумыванием имени он, в первых, хотел меня отвлечь от тяжелых мыслей, а вторых, дал понять, что не стоит задумываться над прежней жизнью. Теперь я артист. К тому отныне и должны быть обращены все мои помыслы и стремления.

Ранним утром следующего дня мы прибыли в Екатеринослав. Ныне это Днепропетровск — крупнейший индустриальный центр, город науки и культуры, а в те времена — провинция, с шумным украинским базаром. Улицы были обсажены деревьями, белыми от осевшей пыли.

Вышли мы с вокзала на суточную площадь. Поторговавшись, Виноучи нанял извозчика. В пароконную коляску усадил свою старушку-мать. Сложил кое-какие пожитки и сел сам. Все остальные, в том числе и я, пошли пешком следом за подводой. Мы несли в руках и на плечах узлы и баулы, не поместившиеся в коляску.

Мы прошагали за извозчиком по улицам окраины и, миновав центр, достигли ворот городского сада, где находилось варьете, в котором труппе Виноучи предстояло выступать. Варьете — это театр легкой разнообразной программы. Но в России варьете ничем не отличалось от кафе-шантана, то есть эстрады перед столиками, за которыми пьют и закусывают, в то время как на эстраде идет концерт — преимущественно цирковые и танцевальные номера. Понятно, что выступления перед публикой, занятой едой и выпивкой, радости доставить не могут.

Хозяева варьете мало заботились об артистах. Их интересовало, как побольше продать вина и закусок. Но хорошие номера все же привлекали посетителей, и потому приглашали имевших успех артистов. Артисты, смилив гордость, шли выступать на ресторанный сцену, потому что там чуть больше платили и программа составлялась на долгий срок, что позволяло прожить некоторое время, не заботясь о куске хлеба. Это был тяжелый труд.

Тут же в доме, в глубине сада, нам предоставили помещение для жилья. Всего одну комнату на всех. Требовать большего было напрасным делом, и мы устроились, что называется, «в тесноте, да не в обиде».

Уже на следующий день труппа Виноучи стала выступать на эстраде. Выступления проходили хорошо, и хозяин, по-видимому, оставался довольным, хотя не позывал вида.

Когда я покидал Киев, я надеялся, что сразу же начну работать вместе со своими старшими товарищами.

Но я ошибался, Виноучи вовсе не спешил выпускать меня на эстраду.

Пока что мое участие в труппе мало походило на жизнь артиста.

День для меня начинался в шесть утра. Все еще спали, а я, в порядке легкой разминки, должен был навести лоск и глянец на шесть пар ботинок. Потом бежал на базар за свежими овощами и всем, что мне велют купить. Возвращался и помогал готовить завтрак. Старушка Виноучи поручала мне не очень-то приятную работу — то чистить картошку, то молоть мясо, то резать лук или мыть овощи. Затем были репетиции. Долгие и изнурительные. Репетиции теперь в большинстве посвящались мне. Упорно и настойчиво мне прививали технику исполнения трюков. Виноучи упрямо добивался, чтобы прыжки и «приход», то есть стойку с хода на плечи или руки партнера, я делал легко, словно играя. Такая легкость в цирке дается колоссальным трудом, и понятно, что у меня не все и не сразу выходило. Хотя Виноучи был хорошим человеком и старался меня не обижать, дело не обходилось без укоренившихся в цирке подзатыльников. Вероятно, считалось — иначе и не научишь. Я терпел подзатыльники, старался их не замечать. Мне так хотелось поскорее стать настоящим акробатом, что я был готов сносить все.

Лишь кончались репетиции, мне снова надлежало братья за обувь. Теперь уже за белые туфли, в которых выступали участники труппы. Я ее мазал специальным составом, который варил сам Виноучи. Потом я опять помогал старухе. Мыл посуду, подметал и убирал комнату. Еще чистил костюмы. Бегал в город за мелкими покупками. Затем торчал за кулисами. Помогал одеваться мужчинам. Выполнял любое поручение сестер. Словом, за день я до того изматывался, что, свалившись на постель, мгновенно засыпал непробудным сном.

Позже я опять задумывался: не была ли и тут, в моей непрерывной занятости, хитрость старого Виноучи? Ведь при таких обстоятельствах у меня не находилось времени скучать по Киеву и своему дому.

Между прочим, в Киеве я всегда ходил аккуратно подстриженным. Посещать раз в месяц парикмахерскую вошло в привычку, а тут вдруг мне запретили стричься и сказали, что я должен отрастить длинные волосы. Я недоумевал — зачем? Но Виноучи коротко отрезал: «Так надо», — и объяснить не стал.

Хотя я уже сделался похожим на стриженного «под горшок» мужичка, в варьете в городском саду в Екатеринославе так и не выступил.

12.00

Кони «отработали» свое. Взяв под уздцы, конюхи повели их в стойла. Сейчас униформисты разравниют взрыленные копытами опилки. Манеж будет предоставлен для репетиций номеров, которые сегодня в последний раз в этой программе увидят ленинградские зрители. И хотя это завершающий день выступления, все равно, чтобы оно прошло, как всегда, гладко, необходимо прорепетировать.

Кстати, вчера одна из лошадей разбила «ворота» — открывающуюся часть барьера. Такие ворота имеются с двух сторон: против главного прохода и прохода за форганг. Первые затворены почти всегда. Вторые униформисты закрывают во время конных номеров. Вчера лошадь неудачно и не вовремя перепрыг-

нула через барьер и выломала доску. С утра я вызвал плотника. Нужно проверить, все ли исправлено.

Кажется, все в порядке. Смотрю на часы — двенадцать. Я уже опаздываю. Ждут Никулин и Шуйдин. Обещал посмотреть, что они там приготовили. Манеж занят. Клоуны репетируют в фойе. Спешу к ним на второй этаж. Тут светло и просторно.

Сценка оказывается очень потешной. Я становлюсь ее первым зрителем, да и кроме того участником, так как по ходу дела должен подать артистам две-три реплики. Я искренне смеюсь. Да и как не смеяться, «пройдохе» Мише опять удастся провести простодушного Юрика: попав в глупое положение, он со сты-

дом убегает с глаз еще не существующего зрителя.

Если бы вы пришли на эту репетицию, вряд ли бы в серьезном человеке в очках узнали знакомого «Мишу»; что касается Никулина, сейчас он одет в обычный костюм, но никто бы не усомнился, что перед ним тот самый нескладный Юрий. Ведь Никулин работает на манеже почти без грима и лицо его знакомо миллионам кинозрителей.

Никулин и Шуйдин сегодня вечером, после выступления, покидают Ленинград. Но на прощание они хотят сыграть, «попробовать» новую сценку. Сценка всего-то занимает минут пять, а готовили ее клоуны несколько месяцев. Такие сценки, по старинному цирковому — антрэ (выход), а по-нынешнему реприза, то есть повторное выступление в программе, даются с большим трудом. Удачная реприза порой, непрерывно совершенствуясь, служит им долгие годы.

Понятно, что Никулин и Шуйдин волнуются перед своей маленькой премьерой. Хочу успокоить их.

А за мной уже приходят снизу. Приехали артисты Арнаутовы, целая семья. В цирке это не редкость. Как правило, большой номер исполняется семьей. Часто в нем участвует три поколения. Дети потомственных цирковых артистов начинают выступать с раннего школьного возраста. Дедовские навыки постепенно переходят к внуку. Есть цирковые имена, которые не сходят с афиш более полувека. Вот почему и ныне в программах встречаются итальянские и другие иностранные фамилии. Внуки, правнуки бывших знаменитостей — нынешние русские молодые люди унаследовали эти звучные имена дедов и прадедов. Но, пожалуй, фамилия — единственное, что роднит этих сегодняшних советских артистов с их предшественниками, — так далеко ушел современный цирк от прошлого.

Арнаутовы только что с дороги, их прежде всего нужно определить на квартиру.

У нас есть своя цирковая гостиница. Трех-пятиминутная прогулка по улице — и артист уже за кулисами цирка.

Вы даже не можете себе представить, как это важно для прибывающих на гастроли артистов. Ведь они проводят в цирке не часы, а весь день с утра до вечера. Временами репетируют и ночью.

Известно ли вам, как редко цирковой артист бывает дома, как говорится — на постоянном месте прописки?

Теперь у каждой цирковой семьи есть свой родной дом. Кто постоянно живет в Киеве, кто в Москве, кто в Баку или Ереване. Вот, например, прилетит Борис Петрович Вяткин и

поедет с аэродрома домой — представляю, как он соскучился по Ленинграду! Выступить три-четыре месяца в родном городе... Редко так повезет и известному коверному. Случается, он за два года побывает здесь не больше месяца. Закончит выступления в Алма-Ате, оттуда перебирается в Свердловск. Затем долгие гастроли в Москве, а тут срочная поездка за границу, и не в одну страну, а в несколько подряд, и отнимает она не меньше четверти года.

Ленинградский цирк едва ли не первая арена страны. Попасть на ма-

неж цирка на Фонтанке — для молодого артиста немалая удача, а для известного — признание его немеркнущего мастера. Как много цирковых групп совершенствовало свои номера под куполом Ленинградского цирка, доводя к концу гастрольной работы до блеска. Не напрасно же среди цирковых артистов считается — если «прошел» в Ленинграде — тебе не страшно ничто.

Сообщаю Арнаутовым, в каких комнатах они будут жить, и звоню в гостиницу, чтобы их приняли. Тут же подписываю и вручаю заранее заготовленную бумажку — направление в школу младшим членам семьи. Завтра же они должны будут пойти туда. Наша школа поблизости, на площади Искусств. С дирекцией есть строгая договоренность, отказа в приеме не предвидится. Но и мы выполняем свои обязательства перед школой. Если до нас дойдут сведения о плохой успеваемости юного

артиста или его недостойным поведением в школе, директор цирка может отстранить такого от выступления, хотя в подобном случае и пострадал бы номер.

Забрав нужные документы, семья Арнаутовых удаляется в гостиницу. Кое-кто тут еще восседает на руках, не помышляя пока о славе и успехе.

Вам, наверное, становится понятным, почему так привычна в цирке артистическая семья. Трудно себе представить молодых супругов, расставшихся друг с другом на несколько месяцев, или родителей, которым, может быть, год не удастся повидать своего ребенка. Ведь даже полярники, китобои или геологи, удаляющиеся от семьи на долгое время, затем возвращаются домой на долгий срок. Передвижение же циркового артиста по разным городам непрерывно и продолжается до тех пор, пока он не оставляет манежа. Даже уйдя на пенсию, старый артист цирка не может без него жить и не чуждается никакой простой работы, лишь бы по-прежнему дышать тем самым цирковым запахом, о котором я говорил раньше. У нас, например, в цирке на Фонтанке старшими униформистами, берейторами, конюхами, смотрителями работают участники бывших громких цирковых фамилий.

У моих Виноучи не было домашнего очага. Не было и родного города. Их дом был там, где приходилось в это время работать. А сколько Виноучи, Ринальдо, Польди и прочих колесило по дорогам старой России, они снимали на время тесные дешевые каморки или попросту спали под брезентовым шатром шашито, в соседстве с цирковыми лошадьми.

Как-то мне сегодня не удастся посидеть на своем излюбленном месте в пятом ряду слева от прохода, посмотреть, как идут репетиции. Все же, проведив Арнаутовых, иду в зал. Манежем сейчас завладел Николай Ольховиков. Но не тот народный артист Ольховиков, который поражает всех блистательным мастерством жонгляжа на лошади. На манеже организатор нового большого, а вернее, воссоздатель старого знаменитого номера, хотя это тот же самый Николай Ольховиков.

Сейчас все объясню.

Долго на советской арене существовал замечательный номер. Не номер — целое короткое представление — Океанос. Занят в нем был большой коллектив — ансамбль акробатов с подкидными досками. Работали на манеже одновременно на трех-четырех досках. Возраст артистов был самый разнообразный — от легоньких мальчиков и девочек, которые в стремительном сабельном подлете на три-четыре человеческих роста, до солиднейше-

го дяди, что уносил на себе пирамиду — весь коллектив. Этим богатырем, на вид тучным толстяком, был Леонид Сергеевич Ольховиков, или сам Океанос, а в группе одним из юных прыгунов был его сын — Коля. Номер Океанос пользовался неизменным и шумным успехом. Весело становилось в цирке, когда манежем овладевала вся эта ватага смелых и ловких. Люди летали, как мячики, для того чтобы лишь коснуться доски и снова полететь вверх. Замечательный руководитель группы Ольховиков-старший все время совершенствовал номер, вводя в него новые и новые трюки. Но всему есть свой срок. Особенно короток он в цирке для юного артиста. Выросли молодые акробаты. Многие из них созда-

ли свои разнообразные номера. Некоторые достигли известности. Особенно же преуспел Николай Ольховиков, создавший оригинальный номер жонглера на лошади. Иностранная печать называла выступления Николая Ольховикова чудом. А прекрасный номер Океанос остался лишь в воспоминаниях тех, кто его видел.

Теперь Николай Леонидович Ольховиков задался целью воссоздать вновь группу Океанос.

Вот он стоит чуть в стороне у барьера, приземистый, чуть седоватый, мало похожий сейчас на артиста, который вечером с легкостью будет прыгать на круп несущейся вскачь лошади и жонглировать в темноте горящими факалами.

Новый коллективный номер Океанос будет выпущен Ленинградским цирком.

А пока идут ежедневные репетиции.

Окончились уроки в школе на площади Искусств, и на манеже собрались участники группы. На кресле первого ряда я вижу чей-то набитый учебниками портфель. Там же наскоро брошенное мальчишеское пальто. Ребята в легких тренировочных костюмах — кто в каком, а некоторые и попросту в трусиках и майках. На ногах тапки, словом, будто идет урок физкультуры. Надо быть немалым специалистом, чтобы в этих бесконечно и многократно повторяемых прыжках увидеть легкость и блеск будущего номера.

Юный Роберт

Ах, как я ждал своего дебюта — первого выступления!..

Но дни шли за днями, а Виноучи, казалось, и не собирался меня выпускать на сцену. Это не только удивляло, но и не на шутку беспокоило. Я считал себя в совершенстве подготовленным к выступлениям. В чем же дело?.. Уже начинало казаться, что со мной занимаются только нарочно, для того, чтобы не приставал, а взяли с собой лишь затем, чтобы был в труппе мальчик на побегушках, без которого трудно обойтись.

Разумеется, терзания мои объяснялись нетерпением юности. И не имели никаких оснований. Виноучи был старым мастером цирка, серьезным и многоопытным. Он намеревался «вставить» меня в номер лишь тогда, когда я, по его расчетам, действительно сумею показать настоящую работу, не испортив неловкостью ни репутации всей труппы, ни своего акробатического будущего. Ведь от первого выступления многое зависит. Бывает, что провал настолько глубоко отзывается в душе юного артиста, что ему потом так и не удается обрести уверенность. Но пойдя объяснить это мальчишке, который только и грезит о манеже! Впрочем, Виноучи ничего мне и не объяснял. Помалкивал и все.

Бывали моменты, когда я в такие минуты начинал тосковать по оставленному Киеву, по товарищам, по дому и, как ни странно, даже по классу в реальном училище. Хватились ли меня? Стали ли разыскивать или всем безразлично, куда я делся? Однажды я даже решился и потихоньку от других начал писать письмо отцу. Я думал: не стану сообщать, где я. Лишь напишу, что жив и здоров, и ему будет спокойнее. Но тут же вовремя остановился. Понял — ведь по почтовому штемпелю можно узнать, где нахожусь. Тогда разыщут и вернут в дом, куда меня совсем не тянуло. Нет, уж лучше напишу откуда-нибудь подальше, да и когда стану старше.

И все-таки день моего первого выступления настал. Правда, это было уже не в Екатеринославе, а еще южнее, в городе Мариуполе. Зато не на какой-то садовой эстраде варьете, а в настоящем цирке. Пусть тот цирк и был сколочен из досок и скорее напоминал круглый сарай, в стенах которого не успевали забивать просверленные дыры — в них неимущие мариупольские мальчишки следили за тем, что творится внутри.

Однако, как-никак, это был цирк. И здесь, видно, сказались опыт старшего Виноучи. Одно дело — выпустить меня на сцену перед празднично проводящей время пуб-

личкой, которая и внимания не обратит на какого-то мальчишка, другое — в цирке, где в большинстве своем собирается небогатый простой люд, умеющий по достоинству оценить труд циркового артиста. К тому же в публике найдется не мало моих сверстников, которые будут с завистью и восторгом следить за прыжками маленького красавчика итальянца. Ведь для публики, как и для хозяина цирка, я отныне тоже входил в семью Виноучи. Хотя по-итальянски я знал не больше двадцати слов.

Но почему красавчик?

Вот тут-то окончательно и выяснилось, зачем Виноучи заставил меня отращивать волосы. Ко времени моего дебюта мои выющиеся локоны почти достигали плеч. Надень я бант — стал бы похож на девочку, а так и в самом деле смахивал на итальянского мальчишку, притом, кажется, недурного собой.

Надо вам сказать, что в то время в искусстве была распространена мода на выступления вундеркиндов — малолетних исполнителей. Началась она с приезда из Рима в Петербург восьмилетнего чудо-дирижера Вилли Ферреро, которого ставили перед оркестром на специальный помост. Про Ферреро писали газеты всей России. А потом пошло: вундеркинды-скрипачи, вундеркинды-пианисты, малолетние певцы и тому подобное. Докатилась мода и до цирка. И хотя в цирке дети выступали с давних времен, теперь на это делался особый упор и особая реклама.

Ферреро выходил к пульту с длинными выющимися волосами. Такие волосы стали отращивать всем русским вундеркиндам. У кого они не вились — завивали обычным способом. Вот я и сделался на вид чем-то вроде знаменитого Вилли, тем более что мои волосы курчавились самостоятельно.

Был в этом и свой коммерческий смысл. Фотографии труппы, где изображались малолетние артисты, раскупались публикой с большой охотой. И выручка от их продажи в иные дни превышала сумму, которую платил за выступление труппы хозяин-антрепренер. Конечно, немалую долю забирали фотографы.

У нас тоже имелась такая карточка, где все мы удаляющейся лесенкой стояли друг за другом в белых акробатических трико. Последний был старший Виноучи. На первом плане я со своими локонами. На плечо мое опустила руку самая маленькая из семьи — Амалия. Слева витиевато, белым по черному написано: «Итальянская труппа Виноучи».

Мариуполь, где произошло мое цирковое крещение, небольшой, но очень живой город-порт на Азовском море. На всех его улицах пахло рыбой, которую привозили сюда в парусных шаландах. Запах этот доходил и до цирка и смешивался с его запахами. В городе жили и украинцы, и греки, и болгары... Ближе к порту и на рынке речь самая разнородная. Тут и молдаване, и невесть откуда взявшиеся турки, и, главное, русского от них не отличишь. Народ в большинстве темпераментный, шумный. Этот народ да два-три передних ряда «благородной» публики и заполняли по вечерам приземистый цирковой зал. Им предстояло стать моими первыми судьями.

И час, как говорится, настал.

Не было никаких генеральных репетиций. Сразу представление для зрителей. То, за которое платят деньги.

К вечеру меня одели в новое нитяное трико и белые малонашенные туфли. Как и полагалось, лицо мне подудрили и Амалия чуть подвела глаза.

— Хорош, — сказал, оглядев меня, Жорж.

Я дрожал мелкой дрожью, изо всех сил стараясь, чтобы того никто не заметил. Волновался я страшно. Все казалось, что чего-нибудь не сумею сделать, напутаю, недотяну в сальто-мортале или пролечу лишнее, не прыду на плечи к Виноучи и растянусь на опилках манежа, к радости и смеху мариупольских горлопанов-мальчишек. Их, как нарочно, в тот день набралось больше, чем обычно. Это я видел, заглядывая в зал через дырку в форганге.

Как же страшил меня то затихающий, то гремящий аплодисментами переполненный цирк!..

Вся труппа меня подбадривала. Бабушка Виноучи поцеловала на счастье, когда мы уходили в цирк. Альберт посвистывал и похлопывал по плечу. Жорж подмигивал, как бы говоря: «Ерунда, не робей, брат». Обе сестры со мной были ласковей, чем обычно. Сам Виноучи ничем не проявлял особой заботы, он вел себя так, будто ничего такого сегодня произойти не должно, и этим как бы выражал уверенность, что со мной будет все в порядке.

Надо сказать, что к тому времени я уже не раз и не два делал необходимые сальто-мортале без лонжи и все сходило благополучно. Но одно дело — при пустом цирке, когда на манеже только свои. Другое — при заполненных рядах. Тут сотни на тебя смотрят так, будто только и ждут, чтобы посмеяться, как ты провалишься.

Стрелки часов неумолимо двигались по кругу. На манеже заканчивался номер наездницы Матильды. Вот мимо, отфыркиваясь, пробежала ее лошадь. Сейчас на манеж выскочит на козе и тут же растянется «рыжий». Затем наш выход. Вся труппа уже собралась за форгангом.

Важный шпрыхталмейстер — правая рука хозяина, и добытчик корма для лошадей, и раздатчик подзатыльников мальчишкам — громкогласно объявил:

— Итальянские артисты!.. Труппа Виноучи!.. Прощу!..

Грянул марш. Форганг раздвинулся, мы побежали на арену.

Я, как младший и меньший, шел первым. Выбежал и, раскинув руки, сделал по-циркому «комплимент» публике, то есть приветствовал ее. Мне ответили не слишком громкими хлопками.

Как я проделал все дальнейшее, что от меня требовалось, не могу объяснить до сих пор. Все было в каком-то забытии и тумане. Круг манежа, внимательные лица моих партнеров, их улыбки, за которыми скрылась волнение, замершие фигуры униформистов и белая манишка шпыха, взмахи дирижера — все будто вращалось передо мной. Однако я каким-то чудом ничего не спутал и ни разу не упал. Хотя уж выполнил все — сносно или кое-как, не знаю. Но вот и последний трюк. Я прошел колесом по кругу арены, прыгнул, перевернулся и снова под аплодисменты, сделав приветствие публике, опротясь бросился за кулисы.

Никогда, ни на одной самой тяжелой, изнурительной репетиции мне не приходилось так уставать. Я чувствовал себя так, словно целый день таскал камни. Альберт обнял меня за плечи и повел в нашу тесную, пропахшую пудрой, артистическую уборную. За нами шли Жорж и старший Виноучи.

Старик уселся перед зеркалом и стал привычно снимать грим. Чтобы казаться красивым, он густо гримировался.

Я ждал.

Наконец он повернулся, посмотрел на меня и, кивнув головой, сказал:

— Неплохо, Роберт... Конечно, можно бы и лучше, но для начала... Словом, неплохо.

Я готов был проделать все снова.

Уже много лет позже я часто задумывался, зачем Виноучи приняли меня в свою труппу. Ведь платить им за то больше не стали, а семья увеличилась на едока. Может быть, зная мое тяжелое положение дома, меня просто пожалели? Но, конечно же, нет. Скорее всего им, во-первых, понадобился новый верхний, более легкий, чем участники труппы. Да и вообще Альберт и его сестры не имели никакой замены и очень же, разумеется, уставали. Приглашать еще одного партнера было слишком накладным. С мальчиком дело обстояло намного проще.

Итак, я сделался полноправным участником группы Виноучи, стал выступать каждый день. Я вообразил, что теперь положение мое резко изменится. Ведь как-никак, я уже не мальчик на побегушках, а артист — «юный Роберт», как меня называли в программах. Но я ошибся — ничего для меня, в общем, не изменилось, лишь прибавилось забот. Та же картошка на кухне, та же чистка черных ботинок с утра и белых к вечеру. Но одно изменение все-таки произошло, причем совершенно для меня неожиданное. Если раньше за мои ошибки на репетициях я получал подзатыльники только от старшего Виноучи, то теперь, поскольку я стал равным, таким методом моего совершенствования занялись в труппе все, кому не лень. Я понимал, что, как говорят, «искусство требует жертв», но почему же только с моей стороны? Впрочем, и Альберту порой доставалось от отца. Ничего не поделаешь. Значит, так надо, полагал я.

Меж тем слава моя начала расти. Хотя никто об этом вслух не говорил, но я заметил, что с моим участием группу Виноучи встречали и провожали более шумными аплодисментами, чем прежде. Вскоре, перед моим последним сальто на плечи старика с рук Жоржа, Виноучи стал поднятием руки останавливать оркестр. Усатый шпрыхталмейстер объявлял:

— Внимание! Рекордный мировой трюк — двойное сальто-мортале!.. Юный Роберт Виноучи!..

Цирк замирал. Обе сестры застыли в изящных позах, как бы приглашая оценить мою храбрость движением руки в мою сторону.

— А! — негромко восклицал Виноучи. Раздавалась барабанная дробь. Я прыгал и приходил на плечи старика, чуть качнувшегося туда и сюда, чтобы сбалансировать и не дать мне упасть. Барабан обрывал дробь, а цирк взрывался аплодисментами. Я спрыгивал на манеж и раскланивался, посылая во все стороны воздушные поцелуи.

Мальчишек и девчонок на представлениях, особенно дневных, всегда хватало. Я видел их блестящие, полные скорее зависти, чем восторга, глаза и бывал горд. Давно ли я так же смотрел на своих сверстников на манеже киевского цирка и вот — уже сам...

Да, меня уже знали. Это, кстати сказать, имело свои последствия, и хорошие, и не очень приятные. Хорошо было то, что на базар меня уже не посылали. Теперь в парне с девчоночьими волосами многие без труда признавали участника славной труппы Виноучи. Ведь город был небольшой, в цирке перебивали многие. А какой же это знаменитый итальянец, который торгуется на

базаре, чтобы подешевле купить цыбулю, как на Украине именуют лук?

Был и такой случай.

С нами продлили контракт. Труппа заработала кое-какие деньги. За обедом теперь не переводилось легкое столовое вино, без которого итальянцы вообще обходятся с трудом. Решил Виноучи что-то сделать и для меня.

— Роберт, — сказал он однажды утром. — Твои чоботы никуда не годятся.

Я печально посмотрел на свои ноги. Действительно, купленные еще в прошлом году отцом мои ботинки вытерлись и белели на изломах, как я их старательно ни мазал. Подметки держались, что называется, на честном слове, а каблук снизу закруглились.

— После репетиции мы пойдем с тобой в город. Купим тебе новые, — продолжал старик.

И мы пошли. Я надел все лучшее, что было у меня. Виноучи тоже вырядился в костюм, в котором всегда ходил подписывать или продлевать контракты.

Мы шли по главной торговой улице Мариуполя. Виноучи медленно и достаточно важно шагал, прикрыв голову от солнца твердой соломенной шляпой-канотьей. Меня он держал за руку, будто любимого сына или внука.

Мы купили ботинки, каких у меня еще не было. С пуговками вместо шнурков. Такие тогда носили дети. Покупая их, Виноучи долго оглядывал со всех сторон пару, стучал согнутым пальцем по подошве и, с риском оторвать, пытался оттянуть подметку от верха. Он лю-

бил добротные вещи и мало доверял приказчикам, хвалившим товар.

Все-таки мы приобрели ботинки и вышли из магазина с коробкой, которую нес я. Тут Виноучи сказал:

— Скоро осень. Мне нужна теплая шляпа. Я думаю купить себе котелок.

Мы приблизились к шляпному магазину. Мне было неинтересно присутствовать при том, как Виноучи станет перебирать котелки, выбирая самый лучший и дешевый, и я попросил разрешения подождать его на улице.

Я стоял и сосал леденец, который тут же купил у разносчика. От нечего делать рассматривал шляпы, выставленные в витрине, и не замечал, что творится за мной. Когда же обернулся — увидел, что окружен группой уличных мальчишек, они молча и сосредоточенно разглядывали меня, как какую-то диковину. Тут один из них, толкнув локтем подошедшего, сказал:

— Глянь-ка, итальяшка.

— Какой?

— Из цирка, этот... Не узнал?

Другой открыл рот от удивления.

— Юный Роберт... Ага.

— Я думал, их на волю не пускают, — сказал третий.

— Обыкновенный.

— Чоботы, вишь, купил. Цирковые, хоба...

— Чего он тут?

— Гуляет, понял?

Они переговаривались между собой так, будто меня и не было, в полной уверенности, что я не понимаю ни слова из их бесцеремонного обсуждения.

— Волосы-то какие! — воскликнул кто-то.

— Шо собака пудель. В цирке ихнем такой.

Кругом засмеялись.

— Не настоящие, наверное, — решили в толпе, а кто-то добавил: — Надо бы дернуть.

Веснушчатый парнишка, что, видно, был посмелей, стал подступать ко мне явно с этим намерением. И тут я сказал:

— Только попробуй, дерни, я тебе такого отвешу...

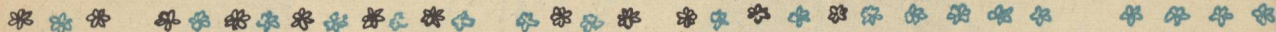
Толпа мальчишек так и ахнула.

— Гей, глядите, хлопцы, по-нашему умеет!..

— Научился...

На всякий случай я прижал коробку с ботинками левой рукой крепче к себе, а правую собрал в кулак, готовый к неожиданной схватке. «Я вам покажу пуделя...»

Не знаю, чем бы кончилась вся эта история, если бы в этот момент из магазина не появился Виноучи со шляпой в круглой коробке. Он взял меня за руку, и мы прошли сквозь строй мальчишек, который расступился перед нами в растерянности и недоумении. Потом послышался свист, наверняка рассчитанный на то, чтобы я обернулся. Но я не оборачивался.

13.00

На репетиции долго не посидишь, хотя это, пожалуй, и самое интересное: наблюдать, как рождается новый номер или как тренируются артисты, которых давно знаешь и видишь, что они не желают останавливаться на месте и все совершенствуют и совершенствуют свои выступления. Знаете ли вы, что в цирке бывает и так, что хороший артист почти всю жизнь делает один и тот же номер? Нет, это совсем не свидетельствует о том, что он ленив, удовлетворяется достигнутым или неизобретателен. Дело в том, что новый номер этот претерпевает очень большие изменения, хотя, может быть, неискушенному в цирке человеку и не сразу будет заметно, чего добился артист за прошедшие годы. Например, жонглер кидал семь предметов разного веса, а теперь кидает девять, или акrobat, делающий сальто на ходулях, увеличил их длину на полметра... Или канатоходец, освоивший подъем по наклонно натянутой проволоке под таким углом, под каким еще не поднимался никто... Все это настоящие победы, равные большим спортивным рекордам или новой, отлично сыгранной роли в театре.

Я режиссер-инспектор, мне нужно знать, к чему стремятся и чего добиваются мои товарищи по манежу, вместе с ними огорчаюсь неудачами и радуюсь успехам.

Покидаю зал и иду в кабинет главного режиссера. В два часа у нас совещание.

Собираемся в маленькой комнате первого этажа, здесь и художник, оформляющий программу, и дири-

жер оркестра, и главный электрик, что будет освещать представление.

Надо решить, какой номер пойдет за каким. Нужно, чтобы они шли один за другим беспрерывно. Паузы между номерами недопустимы, иначе зритель начнет скучать. А ведь для такого номера, как, скажем, «Шар смелости» артистов Маяцких, нужно установить на манеже аппаратуру размером, наверно, поболь-

ше, чем кабина космического корабля. Для велосипедистов требуется постелить деревянный пол, для воздушных гимнастов натянуть с края до края барьера сетку, для конного номера все убрать, а для партерных акробатов уложить гигантский ковер. И все это следует сделать быстро, на глазах у зрителей. Ведь спасительного занавеса в цирке нет.

Вы, конечно, заметили, что клетку для большого аттракциона с хищниками устанавливают в антракте между отделениями, пока публика гуляет по фойе и пьет в буфете лимонад. Но антракт один, а сложных номеров бывает в программе несколько.

Так вот в паузах на помощь нам приходят коверные. Мы их так называем по традиции. Совсем недавно на афишах еще писалось: «Весь вечер у ковра такой-то...» Теперь значит: «В паузах...» Коверные клоуны — спасители цирка в минуты перемен на манеже. Они занимают публику, отвлекают ее, смешат. Вы потешаетесь, глядя на то, какие шутики выкидывают Олег Попов, Маковский и Ротман или Енгибаров, а тем временем униформа делает свое дело. Только что отгремел взрывами смеха цирк, закончилась клоунская сценка. Коверный убежал за форганг, а глядь — уже все и готово и я объявляю следующий номер.

Все это нужно заранее продумать, предусмотреть и решить, как мы построим программу, и мы мудрим в кабинете главного режиссера, спорим, прикидываем и решаем, кого за кем пустить...

Внезапно меня просят к телефону.
— Да, здесь, — говорит главный режиссер и передает мне трубку.

В телефоне взволнованный голос дежурного униформиста:

— Роберт Михайлович, ребята без лонжи репетируют. Говорил им. Не слушают...

Попросив извинения у товарищей, спешу на манеж. Кто же это нарушает строжайшее правило? Ну конечно же, молодые парни, вновь испеченные выпускники циркового училища. Этакие, глядите, смельчаки!

У барьера я появляюсь внезапно, как раз когда троица «героев» продлевает и удачно завершает опасный трюк с переброской одного партнера на плечи другого. Делают они это, надо сказать, для молодых артистов удивительно точно. Но ведь ошибка может стоить дорого. Слишком дорого.

Вот уже все трое на земле. Смотрят на меня и понимают, что разговор будет не из приятных. На всякий случай виновато улыбаются.

— Кто разрешил работать без лонжи?

Молчат. Потом тот, который порезательнее, говорит:

— Мы хотели попробовать.

— Что попробовать, — позвоночник сломать?

— Ну что вы... Мы ж аккуратно...

— Мы не боимся, Роберт Михайлович, — добавляет другой.

— Правила знаете?

— Ясно, знаем...

— В чем же дело?.. Геройство, да?.. Ради чего?.. — И на правах старшего и ответственного добавляю: — Глупое геройство. Сейчас же возьму лонжи. Если еще узнаю про такие фокусы — отстраню от выступлений.

Молча ребята поднимают с барьера предохранительный пояс, который был заранее приготовлен. Подходит и униформист, который должен страховать и которого они «любезно» освободили от этой работы. Покидаю манеж и чувствую, что разволновался, хотя и старался этого не показать.

Мне невольно припоминаются те далекие годы, когда артист ежедневно рисковал жизнью. О страховке не могло быть и речи. Хозяева цирка — антрепренеры — считали, что если исполнитель опасного трюка предохранен от несчастья или даже гибели — публике неинтересно смотреть его работу. Нервы зрителей должны быть взвинчены до предела. За это, считалось, люди платят деньги. Что будет с артистом — не так-то уж и важно. Он сам шел на «смертный номер», как тогда назывались подобные трюки, сам за себя и отвечал. Сколько раз приходилось мне быть свидетелем того, когда, исполнив один из опаснейших, грозящих несчастьем вольтов, артист тут же брался за трюк еще более рискованный. Публика в страхе замирала.

Многие не выдерживали и кричали: «Довольно!.. Довольно!..» Женщины прикрывали ладонью глаза, чтобы не видеть неминуемого, как им казалось, падения. А хозяину только этого и нужно было. На «смертные номера» народ валил валом.

В советском цирке давным-давно иначе. Наши артисты не только получили возможность применять лонжу или сетку во время исполнения опасного номера, но и не имеют права выступать без страхующих средств.

Не следует думать, что теперь в цирке любой исполнитель застрахован от несчастья. Нет, разумеется, всего предусмотреть никогда нельзя, и риск все равно существует каждый вечер. Ну разве можно, например, всегда быть уверенным в покорном поведении на манеже тигра, пантеры или леопарда? Всякую минуту может случиться что-то такое, что выведет зверя из мирного состояния, и тут только умение дрессировщика, его ловкость, находчивость и воля способны спасти положение. Ну, а воздушные номера? Знаете ли вы, что упасть на батуд — сетку — необходимо тоже очень умело и точно, в противном случае увечье не редкость.

По правилам безопасности советского цирка разрешается работать без лонжи, если номер воздушного гимнаста происходит без отрыва от аппаратуры. Это значит, что артист не совершает полета под куполом из рук одного партнера в руки другого, а, скажем, продлевает всяче-

ские головокружительные трюки на трапеции и всегда, в случае опасности, может ухватиться рукой за трос или что-либо другое. Ну, а если не успеет?.. Вот здесь-то и решают хладнокровие и умение, которые отличают настоящего гимнаста.

Есть еще один старый вид страховки воздушных акробатов — так называемая пассировка. Внизу на манеже стоит опытный и сильный акробат и внимательно наблюдает за тем, кто работает под куполом. Если случится беда и гимнаст пойдет камнем вниз, тогда тот, кто стоит на пассировке, то есть на подхвате, должен успеть перехватить падение сорвавшегося и насколько возможно сильным толчком «сбить с темпа», то есть заставить тело гимнаста изменить направление падения.

По физическому закону изменение толчком в сторону смягчит силу удара при падении. То же самое должно произойти с гимнастом, упавшим сверху. Здесь почти все зависит от силы пассировщика и его привычки мгновенно ориентироваться. Разумеется, от травмы при падении с высоты не спасет и самый умелый пассировщик, но какая-то надежда на более легкий исход есть.

Были в советском цирке такие замечательные артистки сестры Кох: Марта, Зоя и Клара. Исполняли поразительный номер на проволоках, натянутых на большой высоте. Потом освоили новый, еще более совершенный аттракцион «Гигантское колесо». На вращающемся колесе под самым куполом продлевали невиданные чудеса эквилибристики. А пока сестры ходили на пунтах по вершине огромного, перпендикулярно расположенного к земле вращающегося колеса или ездили на нем на велосипеде, снизу, с центра манежа, за работой эквилибристок неустанно наблюдал седой приземистый человек — отец сестер Кох — в прошлом известный акробат и гимнаст. Он стоял на пассировке. Не знаю, удалось бы отцу спасти дочерей от беды в случае их падения. Такого случая, к счастью, не было. Но одно понятно — присутствие внизу этого опытного мастера, создателя аттракциона сестер, имело немалое для них психологическое значение и придавало уверенность в работе.

Да, риск в цирке неизбежен. Рисковать же просто так, ради демонстрации того, что тебе сам черт не брат, совсем неумно. Это я и попытался коротко внушить молодым, не задумывающимся о последствиях смельчакам.

В мои юные годы о защите жизни артистов заботился лишь старший номер. И тогда на репетиции применялись лонжи. Но уж а на публике работали, как я уже говорил, на свой страх и риск.

Продолжение следует

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 15-й

НАД НАМИ КАНОПУС

Софья Степаньяни

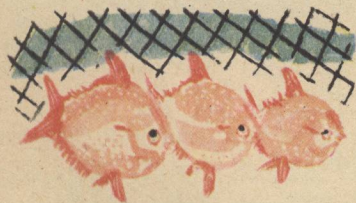
Матрос первого класса

Что нужно уметь делать и что нужно знать, чтобы считать себя матросом первого класса? Драить, песочить, скрести, лопатить, скатывать из шлангов палубу. Снимать с бортов ржавчину. Суричить, красить фальшборты, подкрашивать кнехты, мыть переборки и шлюпбалки.

Смазывать лебедки и шпиди. Вязать узлы. Швартоваться и крепить палубный груз. Стоять вахты. От полуночи — собачью, с четырех часов ночи — королевскую, с восьми утра — пионерскую.

Постигнув все это и еще многое другое, можно считать себя матросом первого класса.

Правда, не известно еще, будут ли тебя считать таким остальные...

Ставим ярус

На «Канопусе» рыбачат ярусами. Ярус ставят обычно ранним утром, едва начнет вставать солнце. Ярус — это целая гроздь удочек, гроздь в пять километров дли-

ной и со множеством крючков с наживкой — рыбой или кальмарами.

Дрейфует ярус на буйках — стеклянных шарах или резиновых куклы.

Часов через шесть «Канопус» начинает медленно двигаться вдоль буйков, и ярус выбирают, аккуратно укладывая снасти по корзинам.

Сердце замирает, когда из прозрачно-изумрудной океанской толщи поднимаются один за другим поводцы с крючками.

— Есть! — кричит наконец тралмастер.

Из глубины пожаловал алепизавр — рыба-собака, больше похожая своим характером на волка. Зубы у алепизавра огромные, он жаден и неразборчив. Попалась рыба-собака — не жди, рыбак, улова...

Бывает, на крючках приходят одни головы тунцов и марлинов. Это значит, поработали акулы.

Наконец, сигнал: «Есть, стоп!» Все бросаются к борту. Вот они, тунцы! Желтоперые, длинокрылые, большеглазые. Мясо тунцов очень нежное и вкусное, но это мы узнаём уже за обедом.

Меч-рыбу на палубу поднимают с трудом. Весит она больше ста килограммов.

Попадаются нам марлины, и копьерылы, и сказочные золотые корифены, и рыба-парусник. Но все-таки королевой среди рыб все назвали макрель-лампру.

Цвет ее кораллово-красный, плавники пунцовые, и вся она в бело-розовых, переливающихся серебром чешуи пятнах.

Но проходит минута, другая, и лампра, и корифена, и парусник тускнеют, словно не желая отдавать людям секрет своей красоты.

Город копры и бананов

Наш «Канопус» может работать в океане без захода в порт не более месяца. На месяц ему хватает запасов топлива, пресной воды и продуктов для команды. Потом запасы нужно пополнять — бункероваться.

Взгляните на карту Тихого океана: Новая Гвинея, Соломоновы острова, Новая Каледония, архипелаг Фиджи... Это — Океания. Архипелаг Фиджи — пятьсот точек на карте — атоллы, островки, острова.

Самый крупный остров — Вити-Леву, на нем столица Фиджи — Сува. Сува запомнилась нам больше других. Она даже в дождь кажется солнечной. Запах Сувы чувствуется еще в море. Это запах копры и бананов. Но Сува — еще и цвет. Зеленый — цвет ее пальм, красный — цветов гибискуса, синий — цвет ее моря.

«Канопус» стоит на рейде. Волны, будто закипая, с шипением разбиваются о выступающие над водой рифы. Поднимаем флаги: «больных нет», «нужен лоцман».

Наконец, власти на борту, проверены судовые документы, внутренние помещения, трюмы. Лоцман поднимается на мостик «Канопуса».

Медленно направляется «Канопус» в проход между рифами и, спустя полчаса, швартуется у причала.

Окончание. См. „Ностер“ № 1, 1971 г.

БЕСКОЗЫРКА С ЛЕНТОЙ

Урок второй по истории матросской одежды ведет М. П. Ефимов

Головным убором русского военного моряка в XVIII веке была мягкая черная шляпа.

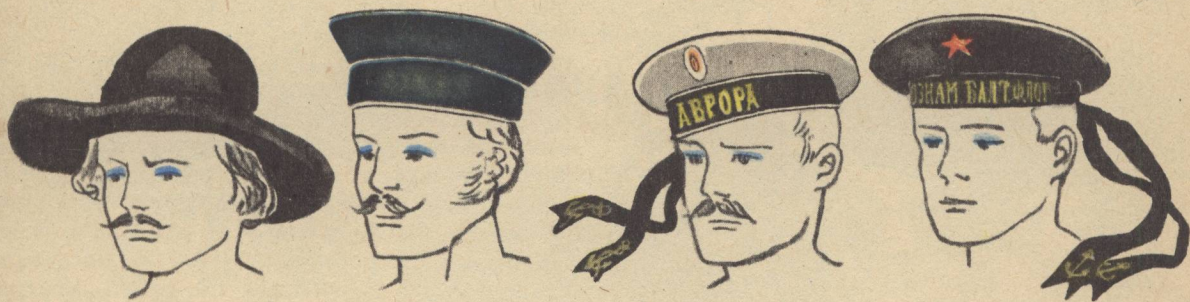
Были эти шляпы не очень удобными, их срывало ветром, и они намокали в дождь.

кантами на околыше. Со временем моряки в летнее время стали носить на фуражках белый чехол.

Бескозырка с кокардой и лентой с названием корабля моряки получили в 1872 году. Почти такой она дошла и до наших дней. Революционные матросы 1917 года взамен царской кокарды прикалывали к бескозырке красную ленту или звезду. В таких бескозырках

знак — золотой якорь с красной звездой, окаймленный золотыми колосьями, а спустя четыре года знаком стала эмалевая звездочка с серпом и молотом.

В годы Великой Отечественной войны, когда многие экипажи кораблей сходили сражаться на берег, идя в атаку, моряки снимали каску и надевали бескозырку, потому что бескозырка у матроса

Позднее шляпу заменили фуражкой темно-зеленого цвета. Такие же фуражки были и в армии, поэтому флотские части отличались тремя выпуклыми белыми

они штурмовали Зимний и охраняли Смольный, били интервентов и громили белогвардейцев.

В 1921 году на бескозырке появился первый советский морской

в пехотном бою — это тоска по своему покинутому кораблю, это бесстрашие и презрение к смерти. И это желание до конца оставаться моряком...

МОРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

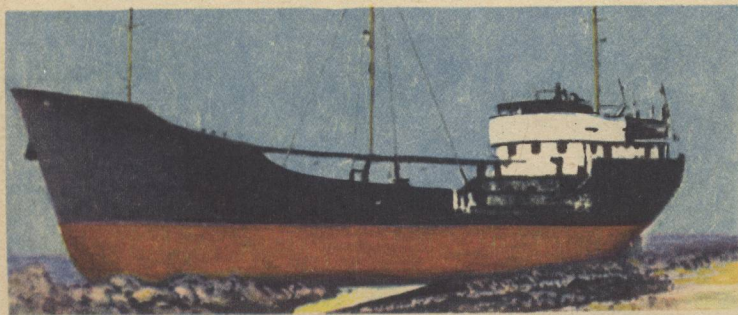
Гвардейские ленты на бескозырке — оранжево-черные, цвета пороха и пламени, в русском флоте введены как знак отличия коллективной награды.

Первым такие ленты получил

Гвардейский флотский экипаж за отличие в боях Отечественной войны 1812 года.

Рождение Советской Морской Гвардии произошло в 1941 году под Москвой.

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Совершая рейс из Дублина в Слайго и двигаясь в густом тумане полным ходом, голландский грузовой теплоход «Виллемью» въехал на берег одного из небольших островков. Никто из команды, к счастью, не пострадал.

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

У рыбаков есть примета: если зацвел шиповник, значит, ход карасей. Тогда рыбаки выезжают на озеро. На моторных лодках или на веслах идут, плывут и на долбленках, которые ходят на индейские пироги и ходят хорошо.

На озерах рыбаки ставят сети и фитили или неводят неводом.

Попадают у нас караси, чебак-рыба, щука, стерлядь, нельма, линь золотобокий, язь и мелкая рыбешка без названия.

Юнкор Витя Ефимов,
село Ярково

Рисунок Т. Васильевой

Молодой ленинградский поэт Борис Гусев перевел несколько стихотворений Р. Киплинга, широко известных в блестящем переложении С. Я. Маршака. Два года назад начинающий автор послал свои переводы большому знатоку английской литературы Корнею Ивановичу Чуковскому. Вскоре пришел ответ — в изящном самодельном конверте, с веселой маркой. Переводы подверглись самому обстоятельному и строгому суду. «Они... ближе к подлинникам, чем переводы Маршака, — писал Корней Иванович... — Но Маршак, удаляясь от буквализма, тем самым достигал обаятельности русского звучания...» Это было подчеркнуто пером Чуковского в укор и в назидание молодому поэту. «Вас прельщает близость к подлиннику. Между тем, главное, о чем нужно заботиться, — это о том, чтобы обогатить русскую поэзию еще одним полновзвучным, добротным стихотворением, в котором не чувствовалось бы ничего переводного». В другом письме, написанном за два месяца до своей кончины, Корней Иванович призывал добиваться в стихотворных строчках перевода «свободного дыхания, легкой и простой артикуляции подлинника».

Мы публикуем один из переводов, выправленный по совету Корнея Ивановича, в память о той повседневной творческой помощи, которую оказывал молодым авторам К. И. Чуковский.

ПОПУТНАЯ ПЕСЕНКА

Амазонку
Ни мальчонкой,
Ни юнцом не видел я.
Лишь громады
«Дон» и «Магда»
Могут плавать в те края.

Из нашего залива
Суда уходят в путь —
В бразильский город Рио,
В такой далекий Рио,
И мне бы в этот Рио
Уплыть когда-нибудь!

Не ходил я к Броненосцу —
Ладить латы вместе с ним,
Не встречался носом к носу
С Ягуаром расписным.

На этикие дива
Хотя б разок взглянуть!
Счастливым путь — на Рио!
Счастливым путь — на Рио!
И мне бы в город Рио
Махнуть когда-нибудь!

Перевел с английского Б. Гусев

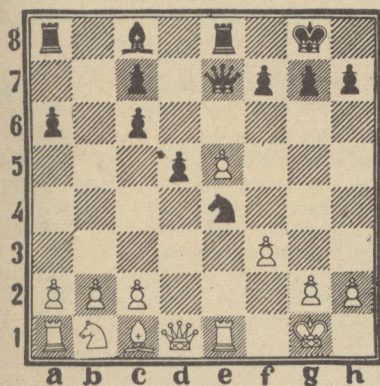
ИГРАЕТ „ШАХМАТНЫЙ ПРИНЦ“

Сейчас чемпион мира среди юношей — студент Ленинградского университета Анатолий Карпов. Хотите посмотреть его игру? (Диаграмма № 1)

В этой партии из чемпионата мира противником Карпова был Юнке, Федеративная Республика Германии. Толя играл черными, был его ход. Смотрите, как быстро он заставил своего соперника сдаться:

1... Kd6 2. b4 Kf5 3. Ca3 Fg5 4. Cb2 Kh4. Черные направляют свои силы в атаку на белого короля.

№ 1

Сейчас они уже грозят ходом Ф: g2X.

5. Fe2 f6 6. Фf2 Ch3 7. g4 fe 8. Kd2 Ф: d2, и белые, потеряв фигуру, прекратили сопротивление.

За победу в первенстве мира Карпову было присвоено звание международного мастера. А спустя всего несколько месяцев он, поехав на крупный турнир в Южную Америку, возвратился уже международным гроссмейстером.

Очередной чемпионат мира среди юношей состоится летом нынешнего года в Португалии.

БЮРО „ВОПРОС — ОТВЕТ!“

«Как записаться в турнир по переписке?» — спрашивает Коля Буркин из Курска и другие рыцари.

Такие турниры для 2-го, 3-го, 4-го разрядов и для новичков организует шахматный клуб «Спартак» (Ленинград, Д-186, ул. Желябова, 10, шахматный клуб «Спартак», «Игра по переписке»). Арчебековцев принимают в первую очередь, поэтому указывайте, что вы из АРЧЕБЕКА.

АРЧЕБЕК

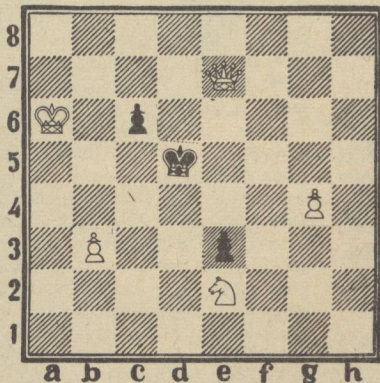
РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ!

Сегодня шахматным рыцарям предстоит преодолеть три задачи — А, Б, В. Автор первой — арчебековец из Одессы Валерий Пронин; второй — американский композитор Сэм Лойд, еще в прошлом веке прославившийся искусством составлять всяческие задачи и головоломки; третьей — Н. Новиков (Орел).

В задаче А (см. диаграмму № 2) ищите мат в 2 хода.

Задача Б — белые: Kpe2 Фd7, п.e7; черные: Kpf7. Мат в 3 хода.

№ 2

Задача В — белые: Kph5, Kd2, пп. d3, d4, g3, g5; черные: Kpf5, п.e6. Мат в 4 хода.

Шашечным рыцарям поручается найти, как белые выигрывают в следующих трех позициях.

А (см. диаграмму № 3) — автор Г. Гумбатов.

Б — автор И. Прибыльский; белые: b4, c1, d4, f2, h2; черные: a5, c7, d6, e7, g5.

В — автор Д. Калинин; белые: дамка a7, простые f4, h6; черные: простые c3, f6, f8, g7, h4.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

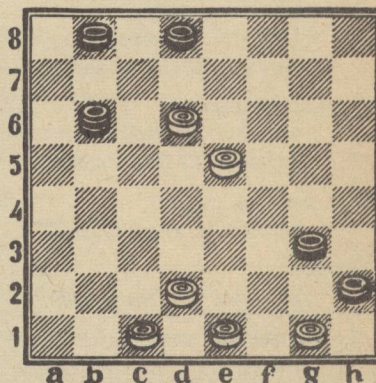
Твое боевое задание — сыграть 25 партий!

Теперь запомни, как расценивать силу фигур при размене. Если нет особых обстоятельств, то:

- а) пешку принимай за единицу;
- б) слона или коня считай равными трем пешкам;
- в) ладью приравнивай к пяти пешкам;
- г) ферзя — к девяти пешкам.

Подсчитай, что лучше: ладья или слон с пешкой? Слон с конем или ладья? Ладья со слонем или ферзь?

№ 3

СООБЩЕНИЕ ТАШШ

Телеграфное агентство шахматистов и шашкистов

Из штаба АРЧЕБЕКА передают, что в рыцарском турнире 1970 года норму 4-го, 3-го и 2-го разрядов выполнили 327 рыцарей. Каждому вручено удостоверение о том, что теперь он спортсмен-разрядник.

Победители турнира награждены дипломами и призами. Их фамилии читайте в очередном сообщении ТАШШ.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всех просивших о приеме — ЗАЧИСЛИТЬ!

§ 2. Рыцарям и рыцаряткам доложить о выполнении боевых заданий до 1 мая!

§ 3. На конвертах помечайте «АРЧЕБЕК» и указывайте свой адрес. Рапорт присылайте один раз: дополнения не принимаются!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СОДЕРЖАНИЕ

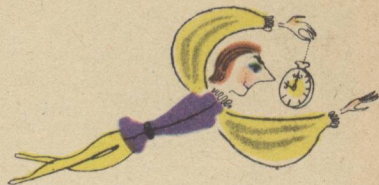
- Одна из комсомольских интервью Л. Никитиной оформление В. Бендингера 1
- Стихи В. Устинова и А. Матюнина рисунок В. Орлова 2
- Ночной патруль рассказ О. Орлова рисунки А. Сколозубова 3
- Девятое Большое путешествие „Костра“ оформление М. Беломлинского 8
- Рассказ об одном походе Ю. Михайлов 30
- Страна Поэзия В. Цыбин рисунок В. Орлова 32
- Биченковская почта обзор А. Крестинского рисунки Л. Каминского 34
- Ленька-садовник повесть А. Леонова рисунки Т. Капустиной 35
- Чи же это стихи? письмо Н. Слепаковой 48
- Уголёк журнал для малышей 49
- Я—инспектор манежа повесть Р. Балановского рисунки Ю. Шабанова 51
- Морская газета оформление Р. Попова 60
- Попутная песенка стихи Р. Киплинг рисунок Т. Васильевой 62
- Арчбек шахматы и шашки 63
- Уголок веселого архивариуса 64
- На обложке: „Десантники“ Фото Д. Чернова (АПН)
- На 3-й странице обложки „Океан-2“ Оформление А. Януса

СЕКРЕТ ПОЛЕТА

Слава русского танцовщика Вацлава Нижинского была так велика, что, когда во время I мировой войны он попал в плен к австрийцам, они потребовали в обмен на него у русского командования пять австрийских генералов. Пять генералов за одного артиста!

Особенно восхищали любителей балета фантастические прыжки Нижинского, производившие на зрителей впечатление самого настоящего полета. Когда Вацлав Фомича спрашивали, в чем секрет его прыжков, он отвечал: «Все очень просто — вы должны постараться прыгнуть выше, а потом задержаться в воздухе немного подольше».

ПРОФЕССОР СПОКОЕН

Известный профессор медицины Боткин поставил на экзамене двойку одному нерадивому студенту. За двоечника пришли заступаться его приятели. «Профессор, — говорили они, — поставьте нашему товарищу тройчку, а то от горя он готов покончить с собой, он даже купил револьвер». На это Боткин спокойно отвечал: «Не волнуйтесь, если он и решится на самоубийство, ничего страшного не случится, ведь ваш приятель даже не знает, где у человека расположено сердце».

ТИТУЛОВАННЫЕ ВОРИШКИ

У современных гангстеров, которые то и дело крадут из музеев Европы и Америки картины знаменитых мастеров, есть, оказывается, титулованные предшественники.

Например, известно, что папа Павел V украл из капеллы Боргезе картину Рафаэля, которая сейчас находится в Лувре; король Италии и Бургундии Рудольф II, останавливаясь погостить в замках у своей высокородной знати, воровал из библиотек старинные книги. Знакомый вам по учебнику истории и роману Дюма кардинал Мазарини, находясь вдалеке от Парижа во время визита во французскую столицу шведской королевы Кристины, вынужден был написать своему домоправителю: «Прошу не пускать ее в мои комнаты в Лувре, потому что она наверняка стащит какие-нибудь ценные картины».

Рисунки М. Беломлинского

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Корректор В. А. Маевская

Технический редактор В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: Ленинград, С-15 Таврическая, 37, телефон 14-57-76.

Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий

М-30685.

Подписано к печати 28/XII 1970 г.

Формат 60×90/16. Печ. л. 8.

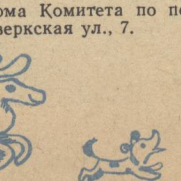
8,8 уч.-изд. л.

Тираж 600 000 экз.

Заказ № 4013

Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР Ленинград, Кронверкская ул., 7.

НА ВЫСТАВКЕ „КОСТРА“

Все читатели «Костра» знакомы с веселым художником Борисом Федоровичем Семеновым. Именно все — и те, кто читает «Костер» сегодня, и читатели пятидесятых годов, и сороковых, и даже тридцатых. Недавно Борису Федоровичу ис-

полнилось шестьдесят лет, и, конечно, по поводу этого события в «Костре» была устроена выставка его работ — иллюстрации к произведениям классиков и современных писателей, рисунки для журналов и открытки.

